

ISSN 2587-9715 (Print)
ISSN 2658-3585 (Online)

Том 24. № 4

Volume 24. No.4

LOGOS ET PRAXIS

ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

2025

ISSN 2587-9715 (Print)
ISSN 2658-3585 (Online)

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

LOGOS ET PRAXIS

2025
Том 24. № 4

**MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

LOGOS ET PRAXIS

2025
Volume 24. No. 4

LOGOS ET PRAXIS

2025. Vol. 24. No. 4

Academic Periodical

Since 1996

4 issues a year

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered in the Federal Service for
Supervision of Communications, Information
Technology and Mass Media (Registration Certificate
ПИ № ФС77-69699 of May 5, 2017)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Russian Science Citation Index**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Google Scholar**(USA), **Journalindex.net**(USA), **MIAR**(Spain), **OCLC WorldCat®** (USA), **ProQuest** (USA), **ULRICHWEB™ Global Serials Directory** (USA), “**CyberLeninka**” Scientific Electronic Library(Russia), “**Socionet**” Information Resources (Russia), etc.

Editorial Staff:

Dr. Sc., Assoc. Prof. *S.B. Tokareva* – Chief Editor
(Volgograd)
Dr. Sc., Assoc. Prof. *E.N. Vasilyeva* – Deputy Chief Editor
(Volgograd)
Dr. Sc., Assoc. Prof. *D.R. Yavorskiy* – Deputy Chief Editor
(Volgograd)
Dr. Sc., Prof. *I.V. Vasilenko* (Volgograd)
Cand. Sc., Assoc. Prof. *M.B. Poltavskaya* (Volgograd)
Cand. Sc. *T.S. Gorina* – Executive Secretary and Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

PhD in Sociology *Aksadi Yudit* (Budapest, Hungary);
Dr. Sc., Prof. *L.V. Baeva* (Astrakhan); Dr. Sc., Prof. *N.V. Gorshkova* (Volgograd); Dr. Sc., Assoc. Prof. *E.G. Guschina* (Volgograd); Dr. Sc., Prof. *N.V. Dulina* (Volgograd); Dr. Sc., Prof. *O.E. Dushin* (Saint Petersburg); Dr. Sc., Prof. *S.S. Neretina* (Moscow); Dr. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Sergeeva* (Saint Petersburg); Dr. Sc., Prof. *A.L. Strizoe* (Volgograd); Dr. Sc., Prof. *V.B. Ustyantsev* (Saratov)

Editors of English texts: *E.A. Eltanskaya, D.A. Novak*
Making up by *Yu.A. Nikitina*
Technical editing by *Yu.A. Nikitina, I.V. Smetanina,*
A.A. Khabarova

Passed for printing on Oct. 26, 2025.

Date of publication: Dec. 30, 2025.

Format 60×84/8. Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 10.1. Published pages 10.9.

Number of copies 500 (1st printing 1–28 copies).

Order 115. «C» 40.

Open price

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Publishing House

of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd
Volgograd State University.

Tel.: (8442) 46-02-72. Fax: (8442) 46-18-48.
E-mail: jvolsu7@gmail.com

Journal website: <https://psst.jvolsu.com>
English version of the website:
<https://psst.jvolsu.com/index.php/en/>

LOGOS ET PRAXIS

2025. Т. 24. № 4

Научный журнал

Основан в 1996 году

Выходит 4 раза в год

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-69699 от 5 мая 2017 г.)

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

Журнал включен в базу **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)**

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Google Scholar** (США), **Journalindex.net** (США), **MIAR** (Испания), **OCLC WorldCat®** (США), **ProQuest** (США), **ULRICH'SWEB™ Global Serials Directory** (США), **Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»** (Россия), **Соционет** (Россия) и др.

Адрес редакции и издателя:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 46-02-72. Факс: (8442) 46-18-48.
E-mail: jvolsu7@gmail.com
Сайт журнала: <https://psst.jvolsu.com>
Англояз. версия сайта журнала:
<https://psst.jvolsu.com/index.php/en/>

© ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», 2025

Редакционная коллегия:

д-р филос. наук, доц. С.Б. Токарева – главный редактор (г. Волгоград)
д-р социол. наук, доц. Е.Н. Васильева – зам. главного редактора (г. Волгоград)
д-р филос. наук, доц. Д.Р. Яворский – зам. главного редактора (г. Волгоград)
д-р социол. наук, проф. И.В. Василенко (г. Волгоград)
канд. социол. наук, доц. М.Б. Полтавская (г. Волгоград)
канд. филос. наук Т.С. Горина – ответственный и технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

PhD по социологии Аксади Юдит (г. Будапешт, Венгрия); д-р филос. наук, проф. Л.В. Баева (г. Астрахань); д-р экон. наук., проф. Н.В. Горишкова (г. Волгоград); д-р экон. наук., доц. Е.Г. Гущина (г. Волгоград); д-р социол. наук, проф. Н.В. Дулина (г. Волгоград); д-р филос. наук, проф. О.Э. Душин (г. Санкт-Петербург); д-р филос. наук, проф. С.С. Неретина (г. Москва); д-р социол. наук, доц. О.В. Сергеева (г. Санкт-Петербург); д-р филос. наук, проф. А.Л. Стризое (г. Волгоград); д-р филос. наук, проф. В.Б. Устяняцев (г. Саратов)

Редакторы английских текстов:

Е.А. Елтанская, Д.А. Новак
Верстка Ю.А. Никитиной

Техническое редактирование Ю.А. Никитиной,
И.В. Сметаниной, А.А. Хабаровой

Подписано в печать 26.10.2025 г.

Дата выхода в свет: 30.12.2025 г.

Формат 60×84/8. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 10,1. Уч.-изд. л. 10,9.

Тираж 500 экз. (1-й завод 1–28 экз.).

Заказ 115. «С» 40.

Свободная цена

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Издательство Волгоградского государственного
университета.

E-mail: izvolsu@volsu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

<i>Мелихов Г.В., Мелихова Н.Н.</i>	
О философском взгляде на вещи	
в связи с учением Ф. Якоби	5
<i>Желнова А.М.</i> История индивида	
в контексте теории технических объектов	
Жильбера Симондона	14
<i>Малофеин С.А.</i> Актуальные дискуссии	
о проблеме «сознание – мозг»	25
<i>Горина Т.С.</i> Забота в образовательном процессе	35

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

<i>Вдовина М.В., Кузнецов Р.А.</i> Ценностные ориентации	
поколений в эпоху цифровизации (в контексте	
межпоколенческого взаимодействия)	43
<i>Полтавская М.Б., Кондрашина И.Б.</i> Цифровые	
инструменты как фактор трансформации социальных	
практик пожилых людей (на примере создания	
и самоорганизации чата в мессенджере)	56
<i>Юдина Т.Н., Нечаева И.В.</i> Феномен	
«вторичного инноватора» как барьер	
для развития Большой Евразии:	
диагностика и управленческие решения	69
<i>Махфоз В.Н., Стризое А.Л.</i> Региональная система	
здравоохранения на современном этапе развития:	
понятие и проблемы	79

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

<i>Черничкин Д.А., Топчев М.С.</i> Трансформация	
брачных и репродуктивных установок	
в современном российском обществе	89

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Букин Д.Н., Колычев П.М.</i> Обзор Международной	
научно-практической конференции «Современная	
онтология – XII: онтология как системное знание	
о мире в его единстве» (Санкт-Петербург,	
Белград, Волгоград, 23–27 июня 2025 г.)	102

CONTENTS

PHILOSOPHY

<i>Melikhov G.V., Melikhova N.N.</i>	
On the Philosophical View of Things	
in Connection with the Teachings of F.H. Jacobi	5
<i>Zhelnova A.M.</i> The History of the Individual	
in the Context of Gilbert Simondon's	
Theory of Technical Objects	14
<i>Malofeykin S.A.</i> Current Discussions	
About the “Consciousness – Brain” Problem	25
<i>Gorina T.S.</i> Care in the Educational Process	35

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGY

<i>Vdovina M.V., Kuznetsov R.A.</i> Value Orientations	
of Generations in the Digital Age (In the Context	
of Intergenerational Interaction)	43
<i>Poltavskaya M.B., Kondrashina I.B.</i> The Transformation	
of Social Practices in Older Adults Through Digital Tools	
(A Case Study of Messenger Chat Creation	
and Self-Organization)	56
<i>Yudina T.N., Nечаева И.В.</i> The Phenomenon	
of the “Secondary Innovator” as a Barrier	
to the Development of Greater Eurasia:	
Diagnosis and Managerial Solutions	69
<i>Makhfoz V.N., Strizoe A.L.</i> Regional Healthcare System	
at the Current Stage of Development:	
Concept and Problems	79

ACADEMIC DISCUSSIONS

<i>Chernichkin D.A., Topchiev M.S.</i> Transformation	
of Family Attitudes	
in Modern Russian Society	89

SCIENTIFIC LIFE

<i>Bukin D.N., Kolychev P.M.</i> Review of the International	
Scientific and Practical Conference “Modern Ontology – XII:	
Ontology as Systematic Knowledge About	
the World in Its Unity” (Saint Petersburg, Belgrade,	
Volgograd, June 23–27, 2025)	102

ФИЛОСОФИЯ

www.volsu.ru

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.4.1>

UDC 1(091)(430):130.3

LBC 87.3(4Гем)5-541

Submitted: 02.05.2025

Accepted: 15.10.2025

ON THE PHILOSOPHICAL VIEW OF THINGS IN CONNECTION WITH THE TEACHINGS OF F.H. JACOBI

German V. Melikhov

Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation

Nazilya N. Melikhova

Kazan National Research Technological University, Kazan, Russian Federation

Abstract. The article discusses F. Jacobi's concept, which has features of non-doctrinal philosophy. The aim of philosophizing is not the creation of a doctrine but the attainment of one's own being-in-the-world. Philosophical ideas are not derived from the content of speculative thinking; rather, they represent a response to an external demand. From the outside comes "sense" (Sinn), in which the philosopher, the world, and philosophy ("reason", Sinn as rational) are already interconnected. A hypothesis is proposed that Jacobi is one of the modern thinkers who embodied the function of an intellectual (in Jürgen Habermas's understanding) in relation to his own philosophical tradition. The article characterizes Jacobi's concept of Salto mortale, the "leap" that opens up Sinn as a possibility for a philosophical view of things. Interpretations of the "leap" offered by Hegel and Kierkegaard are examined, and a comparison is drawn with Husserl's phenomenological reduction. The conclusion is made that Jacobi sought to identify himself not with a specific philosophical concept but with "sense" (Sinn), which opens up the possibility of experiencing philosophy as being-in-the-world. This identification was recognized by Jacobi as the Salto mortale. Jacobi proceeds from the identification of "sense" (Sinn), philosophy, and the world. In the binding sense (Sinn), the world, as it were, converses with itself, while the philosopher merely records what is happening. Philosophy is not confined to texts and the doctrines contained within them.

Key words: non-doctrinal philosophy, German classical philosophy, Friedrich Jacobi, "feeling", Sinn, "leap", Salto mortale, philosophical perspective on things, intellectual.

Citation. Melikhov G.V., Melikhova N.N. On the Philosophical View of Things in Connection with the Teachings of F.H. Jacobi. *Logos et Praxis*, 2025, vol. 24, no. 4, pp. 5-13. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.4.1>

УДК 1(091)(430):130.3
ББК 87.3(4Гем)5-541

Дата поступления статьи: 02.05.2025
Дата принятия статьи: 15.10.2025

О ФИЛОСОФСКОМ ВЗГЛЯДЕ НА ВЕЩИ В СВЯЗИ С УЧЕНИЕМ Ф. ЯКОБИ

Герман Владимирович Мелихов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российской Федерации

Назилия Накиповна Мелихова

Казанский исследовательский национальный технологический университет,
г. Казань, Российской Федерации

Аннотация. В статье обсуждается концепция Ф. Якоби, обладающая чертами недоктринальной философии. Цель философствования не создание доктрины, но обретение своего бытия-в-мире. Философские идеи не извлекаются из содержания спекулятивного мышления, они представляют собой ответ на запрос, приходящий извне. Извне приходит «чувство» (*Sinn*), в котором уже связаны философ, мир и философия («разум», *Sinn* разумно). Выдвигается гипотеза, согласно которой Якоби – один из новоевропейских мыслителей, реализовавший функцию интеллектуала (в понимании ее Ю. Хабермасом) по отношению к европейской философской традиции, сумевший артикулировать проблематическое в ней. Даётся характеристика концепции *Salto mortale* Якоби, «прыжка», открывающего *Sinn* как возможность философского взгляда на вещи. Рассматриваются трактовки «прыжка», предложенные Гегелем и Кьеркегором, проводится его сравнение с феноменологической редукцией Гуссерля. Даётся вывод о том, что Якоби стремился отождествлять себя не с определенной философской концепцией, а с «чувством» (*Sinn*), благодаря которому открывается возможность пережить философию как пребывание в мире. Это отождествление и опознавалось Якоби как *Salto mortale*. Якоби исходит из отождествления «чувств» (*Sinn*), философии и мира. В связующем чувстве (*Sinn*) мир как бы разговаривает сам с собой, а философ лишь фиксирует происходящее. Философия не ограничена текстами и заключенными в них доктринаами. Философ не только рассуждает, выстраивая свою концепцию, полагаясь на подобающий метод, еще раньше он обращается во взгляд, в котором мир «воспринимает» себя как бы глазами философа, оставляющими все таким, каково оно есть – одним, связанным, конкретным, живым.

Ключевые слова: недоктринальная философия, немецкая классическая философия, Фридрих Якоби, «чувство», *Sinn*, «прыжок», *Salto mortale*, философский взгляд на вещи, интеллектуал.

Цитирование. Мелихов Г. В., Мелихова Н. Н. О философском взгляде на вещи в связи с учением Ф. Якоби // *Logos et Praxis*. – 2025. – Т. 24, № 4. – С. 5–13. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.4.1>

Фридрих Якоби (1743–1819) – немецкий мыслитель и писатель, поклонник и оппонент Канта, друг и собеседник Гете, представитель (наряду с И.Г. Гаманом) «философии чувства и веры» – не был профессиональным философом. Будучи коммерсантом и тайным советником, свою философию, ставшую для него образом жизни, он излагал «по случаю» – в письмах, заметках, личных беседах, романах.

Судьба благоволила ему. Его «Письма о Спинозе», в которых он бросил вызов современной ему рационалистической философии, вызвали бурную полемику, на время разместив его в центре философских дискуссий. Его читали, с ним спорили Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель. Сразу же выяснилось: среди «своих» он, пожалуй, не очень-то и «свой». События разворачивались стремительно, нередко переходя грань допустимого – именитые оппоненты выводили на поле брани тяжелую артиллерию и били прямиком «по личности». Даже не склонный к крайностям Кант не удержался и назвал Якоби фантазером, сочинения которого не достойны серьезного опровержения. Позже он изменил свое мнение и вступил с ним в полемику, опубликовав статью «Что значит ориентироваться в мышлении?» (выдвинув известный тезис о том, что всякие на-

падки на разум открывают дорогу экзальтации и суевериям). Критика Якоби одной конкретной формы рациональности, свойственной немецкому идеализму XVIII – начала XIX в., воспринималась как посягательство на разум в целом. *Свое* понимание разума выдавалось за окончательное, единственно возможное свидетельство разумности. Допустим ли иной взгляд на разумение? Именно об этом, в частности, спрашивал Якоби. Но он не был услышан. Шеллинг предпочитал себя не сдерживать и рубил с плеча: Якоби – вождь полузнаек в философии. Гегель также не стеснялся себя в выражениях: философия Якоби остается на уровне смутных субъективных чувствований и способствует развитию невежества и бездуховности¹. Эмоции полыхали, дружеские отношения (Якоби – Гете) проходили проверку на прочность. Так что случилось? Какова причина разразившегося философского скандала?

В качестве «рабочих» выдвинем несколько предположений, характеризующих своеобразный способ философствования немецкого мыслителя.

Ф. Якоби – обладатель недюжинного синтетического дара. Он достаточно живо, схватывая одним движением ума, воспринимал сложные, неоднородные интеллектуаль-

ные образования, выделяя в них главное. Многие тогда обсуждали ключевые идеи будущей «классики немецкого идеализма», разделяя их или, что происходило гораздо чаще, принимая на веру. Тех, кто брал на себя смелость поставить под вопрос эту веру, находилось значительно меньше. Помимо смелости требовалось еще и острота восприятия, а также отстраненный взгляд на вещи, с которыми («вещами») ты теснейшим образом, почти кровно, связан (Якоби рассказывал: когда он читал Канта, его охватывало настолько сильное волнение, что он вынужден был надолго прерывать чтение). В данном случае не важно прав был Якоби в своих конкретных оценках или нет. Конечно, далеко не всегда и не во всем: что-то он преувеличивал, что-то преуменьшал, где-то точно ошибался, но он тоже полагался на то, что считал «разумом», способном поставить «немецких идеалистов» на вид (эйдос) для того, чтобы разглядеть их как бы с некоего расстояния и чуть сверху. Разные мыслители усматривались как представители одной интеллектуальной формации, еще не завершившей свое формирование. Если принять за истину слова Ю. Хабермаса о том, что интеллектуал – это тот, кто умеет первым почувствовать важное², Якоби окажется одним из европейских мыслителей, выполнивших функцию интеллектуала по отношению к своей собственной философской традиции, разглядевший *проблематическое* в ней. Разумеется, и Кант, и Фихте, и Гегель предлагали обществу решения актуальных политических или этических проблем, но по типу своего мышления они не были интеллектуалами. Любая проблема открывалась для них в качестве содержание спекулятивного мышления (исключение здесь, пожалуй, составлял Кант, допустивший существование афицирующей нашу чувственность «вещи в себе»). Для Ю. Хабермаса интеллектуал откликается на внешний вызов. Философское мышление не тотально, оно не выводимо из фихтеанского Я или гегелевской Абсолютной идеи, охватывающих собой все. До философии существует тот, кто спросит, или то, на что нам придется откликнуться. Якоби не представитель спекулятивной академической философии. Он как свободный писатель и мыслитель обсуждает внутренние, присущие самой философии воп-

росы, полагаясь на то, что философии целиком не принадлежит. Для интеллектуала Ю. Хабермаса тотальна внефилософская сфера общественно-политического («коммуникации»). Для Якоби – сфера религиозного, понимаемая через него, Якоби, индивидуальное существование. Это означает, что философская предметность сначала открывалась для него как содержание его «внутреннего чувства», воспринималось глубоко личностно и только потом получала оформление в содержании мышления. Иначе говоря, Якоби не создавал (конструировал) то, о чем он мыслил. «Случай Якоби» интересен тем, что в функции интеллектуала выступил философ-мистик, откликнувшийся не на конкретный запрос общества, а на внутренние проблемы академической философии. Именно этот, другой по отношению к господствующему типу философствования, к тому же критически обращенный к философии, полагавшей себя автономной, и вызвал столь бурную реакцию, возможно, заслуженную (Фридрих Якоби лет за сто пятьдесят до первого отечественного экзистенциалиста Льва Шестова понимал философию как «борьбу»).

Однако не эта особенность его философствования представляется самой интересной. Якоби – один из мыслителей, для которого заниматься философией означало быть философом, не делая различий на академические и прочие увлечения. Философствуя, мы сопрягаемся с той сферой, которая охватывает нас целиком, не оставляя ничего «на потом». Философствование Якоби разворачивалось на уровне его «взгляда на вещи», хотя и не ему принадлежащего. Это была глубоко «личная философия» Якоби в том смысле, что она была связана с определенным настроем его существования. «Мои сочинения, – констатировал он, – рождались из... интимнейшей жизни... в каком-то смысле их создавал не я, не по своему произволу, но подчиняясь высшей, непреодолимой силе» [Якоби 2010, 555]. Такого рода философия и тогда вызывала много вопросов у просвещенных современников мыслителя.

Философские идеи могут извлекаться из содержания спекулятивного мышления, а могут быть ответом на запрос, исходящий извне мышления. В этом смысле Якоби был эмпи-

рик. Только содержание его опыта составляло «внутреннее чувство» или «непосредственное восприятие», имеющее своим истоком религиозную сферу. В этой сфере не может быть никакой окончательности, никаких гарантий. Истина требует бесконечно возобновляемой работы с полной отдачей ей, в *твоем* представлении всегда неполной. Не Якоби создает то, о чём он философствует, а то, о чём он философствует, творит его³.

Важно понимать, что эта особенность Якоби-мистика не мешала (он считал, только помогала) ему быть реалистом в отношении многих обыденных вещей. Дело в том, что искомая острота восприятия была производной от той полноты жизни, которая открывалась его существованию и была залогом готовности *заметить*, не пройти мимо. Об этой способности «не пройти мимо», свойственной художнику, хорошо сказано у Л. Толстого в «Анне Карениной» (образ художника Михайлова). «Он подходил быстрым шагом к двери своей студии, и, несмотря на свое волнение, мягкое освещение фигуры Анны, стоявшей в тени подъезда и слушавшей горячо говорившего ей что-то Голинищева и в то же время, очевидно, желавшей оглядеть подходящего художника, *поразило его* (курсив мой. – Г. М.). Он и *сам не заметил*, как он, подходя к ним, *схватил и проглотил* это впечатление... и *спрятал* его куда-то, откуда он *вынет* его, когда понадобится» [Толстой 1987, 41].

Якоби-мистик и художник Михайлов оба знают «полноту жизни», им знакомо одно «чувство» (Sinn), производное от этой полноты. Немецкое слово Sinn не включает в себя смысл «чувств» в нашем понимании, равно не охватывается им и значение русского слова «смысл». Sinn Якоби берегся во всей совокупности его значений: «Это способность человека “воспринимать” вообще все, находящееся вне его сознания, усвоить себе, или сделать *своим*, некоторое объективное содержание, объективное положение вещей» [Чернов, Шевченко 2010, 248]. «Разумом» Якоби называл и эту, заключенную в нем способность пассивно, но точно воспринимать вещи, когда нельзя пройти мимо и не заметить действительно стоящее. Спекулятивное мышление и познание в целом держатся на этой актуальной стяжке существования человека, обратив-

шегося во взгляд (художника или философа), и воспринимаемой вещи или ситуации. Важно отметить в этой связи, что пассивная рецептивность Sinn активна – она предполагает полноту существования человека, его собранность. Художник Михайлов «и сам не заметил» («пассивность»), но он сумел «поразиться», «схватить», «проглотить» и «спрятать» впечатление («активность» совершающей, но невидимой «работы существования» Михайлова как художника). Человек, если угодно, его сознание, обращено вовне, к миру, кровно связано с ним и без него быть не может. Позже этот тезис станет прописной истиной феноменологии и особый отклик найдет в философии М. Хайдеггера.

Не только «взгляд художника», но и «взгляд инженера» или «взгляд политика», экономиста и пр. подчиняются Sinn. Когда у нас что-то ломается, мы приглашаем специалиста, надеясь на то, что он осмотрит сломанную вещь и, оценив степень ущерба, предложит способ решения проблемы. Мы ищем помощи у профессионалов, обладающих «натренированным взглядом». Художник, практикующий искусство на уровне взгляда, создает произведения. Инженер, экономист и пр. – принимают решения. Философия, обращаясь во взгляд, обретает свое место в душе человека, и в мире, с которым мы установили связь благодаря Sinn. Свидетельствами нашей разумности выступают не только созданные нами удивительные произведения и вещи, но и то, что лежит в их основе – связующий взгляд, достояние «полной жизни».

Позволим себе в этой связи несколько грубо и адаптивно (касаясь проблематики данной статьи) изложить знаменитую идею Ф. Якоби о «прыжке», Salto mortale. Главное в ней – допущение непреодолимого посредством воли и рассудка разрыва между двумя видами существования человека: обычным, привычным, повседневным и «собранным во взгляде», «полным», чреватым Sinn. Очевидно, и талантливый художник Михайлов мог пройти мимо Анны и не восхититься игрой света и изяществом линий, такого развития событий исключать нельзя. Не то настроение, озабоченность другим, мало ли что способно отвлечь нас, рассеять взгляд. Однако если мы собраны, у нас есть возможность дать свер-

шиться «прыжку» – он не определяется ни прежним (настроения, прошлый опыт), ни будущим (ничего нельзя предугадать). Мы не знаем, когда «прыгнем» и «прыгнем» ли вообще, но догадываемся о том, что может произойти в момент «прыжка». *Sinn*, связующее восприятие, собственно и есть свидетельство «прыжка», осуществленный переход в иной режим жизни, когда восприятие окружающего обостряется. Якоби – религиозный мыслитель, ничем не гарантированную «подхваченность» человека в прыжке он истолковывает онтологически. Что-то происходит, мы не знаем что, но это есть, и мы в нем есть – Михайлов останавливает взгляд на Анне. Потом придет понимание: вероятно, нас «приподняло», «перевернуло» «вверх ногами» и возвратило на то же место, хотя и с другим восприятием – нам удалось что-то разглядеть, откликнуться на призыв извне. Не «перевернувшись», мы не увидим, пройдем мимо, так мы устроены. Все смотрят в одном направлении, один замечает, видит, а другой – нет. Почему? Несомненно, существует опасность «приземлиться» неудачно (от ошибок никто не застрахован), но если оставаться собой (скажем, любящим свое дело), нам ничего не грозит. Философствование вырастает из «прыжки», наделяющего мыслителя связующим восприятием (*Sinn*).

Одни критиковал идею «прыжка» за недостаточный субъективизм (С. Кьеркегор), другие – за то, что он был истолкован слишком субъективно (Гегель). В самом деле, несмотря на глубоко личное отношение Якоби к философии, для Кьеркегора он излишне онтологичен. Происходящее с субъектом – отсвет происходящего в бытии. Субъект лишь подхвачен бытием. Во взгляде на вещи, в «непосредственном чувстве» сам мир смотрит на себя через человека, совершающего «прыжки». Остается открытым вопрос о Якоби-экзистенциалисте. Можно, конечно, считать его предтечей философов-экзистенциалистов (и как любой «предшественник» он был амбивалентен, неустойчив, непрямолинеен), но, скорее всего, он располагался ближе к философии жизни бергсоновского типа, столь же мистически ориентированной. Правда, не исключено, что Якоби счел бы А. Бергсона пантейистом, что заставило бы его склонить-

ся в сторону субъективной философии в кьеркегоровской версии. Если предположить невозможное – философский разговор С. Кьеркегора и А. Бергсона, в ходе которого они сошлись бы в чем-то, – точкой их схождения, возможно, и была бы философия Якоби, располагающаяся где-то между мистическим (онтологическим) витализмом А. Бергсона и экзистенциальной антропологией С. Кьеркегора. Первый говорил о том, что мы всегда «подхвачены» потоком жизни, второй – что нам требуется решимость, все равно придется принимать решение (увиденное призывает к ответу, возможности отклониться нет).

Гегель, понятно, считал Якоби излишне субъективным. Вместе «со смертельным прыжком» Якоби умирает и философия. Гегель не ошибся. Действительно, смысл «прыжка» для Якоби состоит в том, чтобы оставить любые имеющиеся взгляды и позиции, более того, и сам судящий рассудок как *pocheu*, от которой необходимо оторваться в «прыжке». Философия, мои представления о ней, наработанные приемы, привычные рефлексии, все, оставляется «на земле» ради возможности увидеть не-философское, бытие. Не случайно Якоби называл свою философию «не-философией». Противопоставляя философию веры спекулятивной философии Фихте, автору программного сочинения «О понятии научения, или так называемой философии», Якоби пишет: «Того, о чем я твердо намерен поведать, – а эта твердость моего намерения происходит от отчаяния, – я не знаю и сам; но именно поэтому оно все более соответствует моей *нефилософии*, сущность которой *незнание*, также как сущность Вашей философии заключается лишь в *знании*, благодаря чему только она одна... и заслуживает названия философии в строгом смысле...» [Якоби 2006, 209].

В этом месте стоит упомянуть феноменологию. *Salto mortale* Якоби, как и феноменологическая редукция Э. Гуссерля, призывает отбросить в том числе и «естественную установку», привычно-наивные представления о существующих порядках, но это невозможно сделать посредством сомнения и рефлексии (феноменологическая установка у Гуссерля предполагает введение в поле рефлексии любых представлений). Рефлексивное раз-

мышление как форма рассудка не принималась Якоби в расчет (но не отрицалась), на него (рефлексивное размышление) он не считал нужным полагаться как *на основной инструмент* в своем философствовании. Гуссерлевское категориальное созерцание, усматривающие связи и отношения, тоже, скорее всего, рассматривалось бы им как принадлежащее в целом (само)сознанию. Хотя не все согласились бы с этим. Например, Хайдеггер выводит акты категориального созерцания за пределы субъекта и его самосознания: «Существуют акты, в которых показывает себя идеальный состав предметов сам по себе, не являющийся продуктом этих актов, функцией мышления, субъекта» [Хайдеггер 1998, с. 78; см. также: Молчанов 2024, 309–317]. Сходной позиции придерживался Бибихин: «Категориальное содержание – не совсем точно. Мы видим этим невидимым зренiem не категории, а вещи. Лошадность – тоже не категория, это самая лошадь как таковая, но которую мы видим раньше, чем эту вот» [Бибихин 2009, 146]. Как бы то ни было, для самого Якоби в «прыжке» открывалось даже не *до-*, но *вне*-рефлексивное (дорефлексивное граничит с рефлексией) связующее восприятие (*Sinn*, он называл его «непосредственным»). В этом восприятии к нам обращены сами вещи. Приходится констатировать возможные параллели не-философии Якоби с постгуссерлевской феноменологией, исходящей из работ Хайдеггера.

Подводя итоги, предположим, что философия имеет три локации («местопребывания»): на уровне философских институций, на уровне философских доктрин и на уровне философского взгляда на вещи.

Философия, как минимум, институционализирована в двух формах – учебной дисциплины и исследовательской практики. Цель философии как социального института – организация (введение правил) философских исследований и трансляции (воспроизведения и передачи) имеющих знаний и представлений, а также способов жизни, связанных с философскими исследованиями. Философия Якоби – успешного финансиста, тайного советника и министерского эксперта по таможенным и коммерческим делам – не была связана с преподаванием. Насколько можно судить, лек-

ций он в учебных заведениях не читал. Извне жестко организовывать исследования тогда не было особой необходимости (философией занимались люди, в основном, состоятельные). Якоби вел жизнь свободного литератора, излагая свои идеи в романах, журнальных статьях, письмах (эпистолярное его наследие огромно) и беседах. Когда его финансовые дела стали складываться не лучшим образом, он на какое-то время вынужден был институциализироваться, приняв должность Президента Баварской академии наук (1807–1812), однако после разгромной публикации Шеллинга написал прошение об отставке, оставил и эту должность. Если обратиться к популярному некогда термину «дискурс», можно сказать, что философия Якоби была частично институционализирована (невольно подчинялась принятым тогда правилам) в форме наличного дискурса (Якоби принимал активное участие в философских дискуссиях того времени). Правда, сразу же стоит отметить, что с господствующим философским дискурсом он себя не отождествлял, напротив, делал все для того, чтобы держаться в стороне от него.

Философская доктрина – *содержание* учебных или исследовательских практик. В доктрине (философской концепции) выражается весомый результат исследований, выраженный в объективированной форме. Важная характеристика философии Якоби – ее недоктринальность⁴. Она не имела тесных связей с академическими институциями. Если она как-то и относилась к господствующему философскому дискурсу (немецкий идеализм), то по принципу отрицания и преодоления (это тоже способ «включения» в институции). Недоктринальность философии Якоби определяется не ее неинституциональностью, а способом тематизации и артикуляции ее предметности. Для М. Хампе доктринальный способ философствования артикулируется в стремлении «воспитать», привести аудиторию к обоснованному принятию положений излагаемого учения. В свою очередь это стремление основано на допущении «однородности среды»: говорящий и его сл�ушатели опираются на одни допущения. У них есть схожие способности (которые могут отличаться по степени их «пробужденности» и «развитости», отсюда задача образования

требуемых навыков), они полагаются на сформированные знания и усвоенные средства (инструменты), необходимые и приемлемые для сторон способы обоснования и аргументации и т. д. Недоктринальный мыслитель может иметь интенцию на принятие его учения другим, он может вступать в дискуссии, стремясь обосновать и даже утвердить свою позицию в глазах другого (именно так и поступал Якоби). Только способ его тематизации предметности контрастирует с этой интенцией. Предметом философствования здесь является то, чем обладать (в форме знания) невозможно. Это означает, что в коммуникации между философом и его потенциальными слушателями существует «разрыв»: нет «готового знания», нет инструментов, которые бы позволили адекватно воспринимать нужную информацию, эти «инструменты» еще сами должны «проявиться», да и собственные способности здесь значения не имеют (мои сочинения, пишет Якоби, создавал не я). Что-то определиться только в «прыжке», который ты сам, никто другой, и должен реализовать. Якоби – философ-мистик, именно этим обстоятельством в данном случае определяется недоктринальность его философствования.

Якоби стремился отождествлять себя не с определенной философской концепцией, а с «чувством» (Sinn), благодаря которому открывается возможность пережить философию как *пребывание* в мире. Это отождествление опознавалось Якоби как «прыжок». Якоби исходит из отождествления «чувства» (Sinn), его он также называет «разумом», философии и мира. В связующем чувстве (Sinn) мир как бы разговаривает сам с собой, а философ лишь фиксирует происходящее (напомним: пассивность Sinn активна, Sinn связана с «полнотой жизни»). Философия не ограничена текстами и заключенными в них доктриналиями. Философ не только собирает информацию, добывает знания, строит на их основе рассуждения, полагаясь на подобающий метод (разумеется, все это необходимо), но еще прежде он обращается во взгляд, в котором мир «видит» и его, и себя, оставляя все таким, каково оно есть – одним, связанным, конкретным, живым, ждущим от нас такого же живого отклика.

Трудно сказать, способствовала ли такого рода философия распространению невежества, не будем исключать и этого (напомним, согласно Гегелю, философия Якоби остается на уровне смутных субъективных чувствований, потому, по его мнению, и содействует развитию невежества). Но что несомненно: философия Якоби позже получила отклик в отдельных положениях философии истории Дильтея, в эстетике Мерло-Понти; о Кьеркегоре, Бергсоне, Шестове и Хайдеггерге уже было сказано, о некоторых других упомянем, сославшись на дискуссии о постсекулярной философии и мышлении [Узланер 2011, 3].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ XX в. показал, что философия Гегеля в этом смысле, впрочем, как и любая другая, не является исключением, – шагнувшая в массы и принятая ими во всеоружии, она, к сожалению, далеко не всегда служила обещанным лекарством от невежества. Многое зависело от того, в чьих руках находилась философия и для каких целей она использовалась. Ирония состояла еще и в том, что разум, воплощенный в философии Гегеля, пытались, и не без успеха, приспособить для доказательства отсутствия чистого духа; основания же «бездуховного духа» усматривали как раз в чем-то похожем на «субъективные чувствования», тоже смутные, только «коллективные», принявшие обличье «социальных интересов».

² В переводе К. Левинсона: «И тут мы затрагиваем то единственное качество, которое и сегодня еще могло бы отличать интеллектуала: способность первым почутъя нечто важное (“den avantgardistischen Spürsinn für Relevanzen” можно также вольно перевести как «чувство новизны, особая восприимчивость к происходящему». – Г. М., Н. М. [Habermas web]). Он должен быть способен начать волноваться по поводу определенных критических тенденций уже в тот момент, когда остальные еще как ни в чем не бывало занимаются своими обычными делами» [Хабермас 2006, 10–11].

³ «Я искал, – пишет Ф. Якоби в “Последнем слове к современникам”, – не ту истину, которая была бы моим созданием, а ту, созданием которой был бы я сам» [Якоби 2010, 554].

⁴ Особенности недоктринальной философии раскрываются в книге немецкого философа Михаэля Хампе: «Те философы, что посвятили себя доктринальной философии, желают посредством или на основании своих утверждений воспитывать дру-

гих людей; они желают привести их к принятию заявляемых утверждений как учения. Представители же недоктринальной философии, напротив, стараются избегать утверждений вообще или минимизировать их число. Их главным устремлением скорее является обнаружение и демонстрация утверждающим того, почему те считают должным что-то утверждать и каковы последствия этого» [Хампе 2016, 9]. Таким образом, для Хампе недоктринальная философия – разновидной рефлексивной философии, призванной оставлять в фокусе своего внимания неочевидные, лежащие в тени, основания любых утверждений. Для Якоби недоктринальная философия – это не-философия в указанном выше смысле: Якоби интересует то, что он знать ни при каких условиях не может, но то, что «знает» и создает его.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бибихин 2009 – Бибихин В.В. Чтение философии. СПб.: Наука, 2009.
- Молchanov 2024 – Молчанов В.И. Формы языка и акты сознания в VI Логическом исследовании Эдмунда Гуссерля // Э. Гуссерль. Логические исследования. Т. 2, ч. 2. Элементы феноменологического прояснения познания. М.: Академ. проект, 2024. С. 270–319.
- Толстой 1987 – Толстой Л.Н. Анна Каренина// Л. Толстой. Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 8. М.: Правда, 1987.
- Узланер 2011 – Узланер Д. Введение в постсекулярную философию // Логос. 2011. № 3 (82). С. 3–32.
- Хабермас 2006 – Хабермас Ю. Первым почутъя важное. Что отличает интеллектуала // Неприкосновенный запас. 2006. № 3 (47). С. 5–13.
- Хампе 2016 – Хампе М. Учения философии. Рассказывать vs. утверждать. М.: Логос, 2016.
- Хайдеггер 1998 – Хайдеггер М. Пролегомены к истории понятия времени. Томск : Водолей, 1998.
- Чернов, Шевченко 2010 – Чернов С.А., Шевченко И.В. Фридрих Якоби: вера, чувство, разум. М.: Прогресс-Традиция, 2010.
- Якоби 2006 – Якоби Ф. Письмо Якоби к Фихте // Гаман И.Г., Якоби Ф.Г.. Философия чувства и веры. СПб.: 2006. С. 206–264.
- Якоби 2010 – Якоби Ф. Последнее слово к современникам // Чернов С.А., Шевченко И.В. Фридрих Якоби: вера, чувство, разум. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 553–559.
- Habermas web – Habermas J. Ein Avantgardistischer Spürsinn für Relevanzen Was den Intellektuellen Auszeichnet // <https://www.blaetter.de/ausgabe/2006/mai/ein-avantgardistischer-spuersinn-fuer-relevanzen>

REFERENCES

- Bibikhin V.V., 2009. *Reading Philosophy*. St. Petersburg, Nauka Publ.
- Molchanov V.I., 2024. Forms of language and acts of consciousness in the VI Logical Investigation of Edmund Husserl. E. Husserl. *Logical Investigations. Vol. 2, pt. 2. Elements of the phenomenological clarification of knowledge*. Moscow, Academic project Publ.
- Tolstoy L.N., 1987. Anna Karenina. *Collected Works in Twelve Volumes*, vol. 8. Moscow, Pravda Publ.
- Uzlaner D. Introduction to Post-Secular Philosophy. *Logos*, no. 3 (82), pp. 3–32.
- Habermas J., 2006. To Be the First to Sense the Important: What Distinguishes an Intellectual // *Neprikosnovenny zapas*, no. 3, pp. 5–13.
- Hampe M., 2016. *Teachings of Philosophy. Telling vs. Asserting*. Moscow, Logos Publishing House.
- Heidegger M., 1998. *Prolegomena to the History of the Concept of Time*. Tomsk, Vodolay Publ.
- Chernov S.A., Shevchenko I.V., 2010. *Friedrich Jacobi: Faith, Feeling, Reason*. Moscow, Progress-Traditsiya Publ.
- Jacobi F., 2006. Jacobi's Letter to Fichte. Gaman I.G., Jacobi F. *Philosophy of Feeling and Faith*. St. Petersburg Publ., pp. 206–264.
- Jacobi F., 2010. A Final Word to Contemporaries. Chernov S.A., Shevchenko I.V. *Friedrich Jacobi: Faith, Feeling, Reason*. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., pp. 553–559.
- Habermas J., 2006. *Ein Avantgardistischer Spürsinn für Relevanzen Was den Intellektuellen Auszeichnet*. URL: <https://www.blaetter.de/ausgabe/2006/mai/ein-avantgardistischer-spuersinn-fuer-relevanzen>

Information About the Authors

German V. Melikhov, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Social Philosophy, Kazan Federal University, Kremlyovskaya St, 18, 420008 Kazan, Russian Federation, german.melikhov@kpfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4471-4841>

Nazilya N. Melikhova, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Philosophical Science and Social Work, Kazan National Research Technological University, Karl Marx St, 68, 420015 Kazan, Russian Federation, nmelikhova@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0002-3521-3631>

Информация об авторах

Герман Владимирович Мелихов, доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, ул. Кремлевская, 18, 420008 г. Казань, Российская Федерация, german.melikhov@kpfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4471-4841>

Назиля Накиповна Мелихова, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии науки и социальной работы, Казанский исследовательский национальный технологический университет, ул. Карла Маркса, 68, 420015 г. Казань, Российская Федерация, nmelikhova@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0002-3521-3631>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.4.2>UDC 101.1
LBC 87.25Submitted: 05.04.2025
Accepted: 15.10.2025

THE HISTORY OF THE INDIVIDUAL IN THE CONTEXT OF GILBERT SIMONDON'S THEORY OF TECHNICAL OBJECTS¹

Aleksandra M. Zhelnova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Abstract. In contemporary science and technologies classifying methods that arranging objects dominate over individualized approaches. Machine serves as a tool for more accurate calculation and organization of data in this context. The individual and the individual nature within such a scientific methodology are studied as static and grasp in simultaneous existence. His lability, ambivalence and uniqueness are seen as secondary and not defining for knowledge. This article attempts to reveal the main ideas of Gilbert Simondon's theory of individuation of technical objects. A reconstruction of the ancient history of the individual is conducted (criticizing hylomorphism, substantialism and the reduction of the technical object to function etc.) to find a new methodology for understanding the individual in its genesis, uncertainty, ambivalence and lability. The integrity and "internal resonance" inherent in technical objects open up the possibility for extrapolating the ideas of the theory of technical objects to a widely understood theory of individuation. The "pure individual" which Simondon understands as the engineer and technician in technical object created by him unites knowledge of the changing nature with the stability of the machine in invention. Technical objects knowledge and studying the creative activity of engineers can form the foundation for a new project in the humanities. A genetic method for understanding the individual in its pre-individual may replace the classifying methodology. Simondon's philosophy opens up a new perspective for the common research space of the natural sciences, technoscience and cultural studies, as the machine is open to a changeable nature, but its invention is possible thanks to the "pure individual" who establishes symmetrical relationships between humans and the world: a new project of humanitarian emerges.

Key words: individual, theory of individuation, theory of technical objects, Simondon, pre-individual, ontogenesis.

Citation. Zhelnova A.M. The History of the Individual in the Context of Gilbert Simondon's Theory of Technical Objects. *Logos et Praxis*, 2025, vol. 24, no. 4, pp. 14-24. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.4.2>

УДК 101.1
ББК 87.25Дата поступления статьи: 05.04.2025
Дата принятия статьи: 15.10.2025

ИСТОРИЯ ИНДИВИДА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ТЕХНИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ ЖИЛЬБЕРА СИМОНДОНА¹

Александра Марковна Желнова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Классифицирующие методы упорядочения объектов в науках и в технологиях сегодня преобладают над индивидуализирующими подходами. Машина в данном контексте выступает как инструмент для более точного расчета и упорядочения данных. Индивид и индивидуальное в рамках такой научной методологии изучается как статичное и схватываемое в данности одновременного сущее. Его лабильность, амбивалентность, уникальность оказываются второстепенными и не определяющими его для познания. В статье делается попытка раскрыть основные идеи теории индивидуации технических объектов Жильбера Симондона. Проведена реконструкция античной истории индивида (критика гилеморфизма, субстанционализма, редукция технического объекта к функции и т. д.) для поиска новой методологии познания индивида в его становлении, неопределенности, амбивалентности и лабильности. Целостность и «внутренний резонанс» присущие техническим объектам открывают возможность для экстраполяции идей теории технических объектов на более широкую понимаемую теорию индивидуации. «Чистый индивид», под которым

Симондон понимает инженера и техника в создаваемом техническом объекте, в изобретении соединяет знание об изменяющейся природе со стабильностью машины. Знание технических объектов и изучение творческой деятельности инженера может стать основой для нового гуманитарного научного проекта. На смену классифицирующей методологии может прийти генетический метод познания индивида в его до-индивидуальном становлении. Философия Симондона открывает возможность нового взгляда на общее пространство исследования для наук о природе, технонауки и наук о культуре, ибо машина открыта становящейся изменчивой природе, но ее изобретение возможно лишь благодаря «чистому индивиду», который устанавливает симметричные отношения между человеком и миром: возникает новый проект гуманитарного знания.

Ключевые слова: индивид, теория индивидуации, теория технических объектов, Симондон, до-индивидуальное, онтогенез.

Цитирование. Желнова А.М. История индивида в контексте теории технических объектов Жильбера Симондона // Logos et Praxis. – 2025. – Т. 24, № 4. – С. 14–24. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.4.2>

Мнимая противоречивость применения теории индивидуации к техническим объектам

Применение теории индивидуализации к техническому объекту, на первый взгляд, противоречит здравому смыслу, поскольку традиционно технический объект рассматривается как функциональная единица, предназначенная для выполнения определенной задачи. Это означает, что он создается и используется в соответствии с некоторыми универсальными внешними по отношению к нему, дегерминирующими его работу принципами, законами и целями. Его характеризуют воспроизведимость заданных функций, механизм и предсказуемость, а не имманентная сингулярная конкретность и динамическая неопределенность,ственные индивиду. В интервью о механиологии (1968 г.), данном Жану Ле Мойну, Жильбер Симондон так ответил на этот алогизм: «Существует индивидуальность, внутренне непротиворечивая индивидуальность самого объекта, инструмента» [Simondon 2009, 106].

В первых разделах статьи мы обозначим ключевые, на наш взгляд, проблемы теории индивидуации, чтобы затем через анализ истории теории индивидуации Античности обнаружить причины их возникновения и предложить их решение, предлагаемое теорией технических объектов Жильбера Симондона.

Смысл и назначение истории и теории индивидуации

История теории индивидуации не имеет исключительно дескриптивного характера.

Напротив, она становится концептуальным каркасом для формирования нового предмета и методов теории индивидуации. Также ее задача в том, чтобы критически обозначить границы наших знаний об индивиде и выявить слабые стороны устоявшейся методологии современной науки в познании уникального и индивидуального. Мы стараемся реконструировать историю индивида, написанную Жильбером Симондоном (1924–1989) с тем, чтобы лучше понять основные идеи его теории индивидуации. Сразу отметим, что представление о его идеях как о натуралистических не совпадает с редукционизмом или элиминацией человеческого духа и свободы из философии индивида². Его «исследования следовало бы рассматривать как кардинальную смену парадигмы в отношении онтогенеза, при которой тот факт, что субъект осваивает индивидуацию реальности, допускает – вследствие головокружительной эпистемологической рекурсии – аналогичную индивидуацию самого знания» [Гейро 2016, 22].

Противоречивость понятия «индивиду» и теория индивидуации в попытках снять его

Индивид – это понятие, которое прежде всего соотносится с представлением о человеке как о «социальном атоме, то есть далее принципиально неразложимом элементе бытия социума. Используется также для введения представления о человеке как носителе какого-либо единичного качества» [Новейший философский словарь 1999, 263]. В традиционном понятии “индивиду” содержится неяс-

ность, заключающаяся в том, что с одной стороны оно указывает на нередуцируемость целостности единицы, а с другой – на элемент множества индивидов с общим свойством. Таким образом, представление об индивиде как об элементе множества противоречит пониманию его уникальности и единичности. Это понимание «индивидуа» не дает ответа на вопрос о том, что именно мы имеем перед собой: уникальное и самореферентное или обладающее признаком, соотносящим его с множеством объектов без ущерба для первоначального смысла. В конце концов, классифицирующий метод, имеет ряд решающих недостатков именно для теории индивидуации и не дает ответ на вопрос о том, что такое индивид в его исключительности и неклассифицируемости. Следовательно, становится актуальным поиск новой методологии теории индивидуации, в которой единичное и уникальное индивида не будут редуцированы ни к его частям, ни ради соотнесения его с общим классом, превращая его в заменяемую часть механизма³.

История теории индивидуации

Обратимся к истории теории индивидуации Античности (рамки данного исследования определяют исторический период). Пары понятий: бытие и становление, одновременность и последовательность помогут лучше раскрыть смысл идей древних мыслителей. Смысловое напряжение, порождаемое противопоставлением пар терминов, позволяет не только рассмотреть спектр эпистемологических возможностей размышлений об индивиде, но и схватить основную идею исследуемой теории индивидуации Симондона, в которой индивид понимается в его онтогенезе как лабильное, амбивалентное и изменяющееся сущее.

Прежде всего, рассмотрим идеи ионийских философов и их стихии-первоначала в контексте теории индивидуации. Воду Фалеса, воздух Анаксимена и апейрон Анаксимандра объединяет одно общее свойство – однородность, к «консистентности и когерентности которой добавляется динамизм развития и роста: *physis*» [Симондон 2023, 321]. В силу этого добавления природного динамизма

«влажное вещество, с легкостью преображаясь [собств. “перелепливаясь”] во всевозможные [тела], принимает пестрое многообразие форм. Испаряющаяся часть его обращается в воздух, а тончайший воздух возгорается в виде эфира. Выпадая в осадок и превращаясь в ил, вода обращается в землю» [Фрагменты… 1989, 110]. Предвосхищая критику гилеморфизма, раскрываемую далее в тексте, подчеркнем, что материальность ионийских стихий-первоначал определяет сущность всего порожденного из них благодаря имманентному им динанизму *physis* (близкое к «рассти» (*phuein*)). «Именно *physis* изначального элемента-стихии лежит в основе существования и характеристик отдельных сущих» [Симондон 2023, 322] в Милетской традиции⁴. Объяснение индивидуальности через материю и форму, в которой форма доминирует над материей, редуцирует индивидуальное к форме⁵.

Иную позицию мы открываем у основоположника Элейской школы. Мощь философской мысли Parmenida постулируя приоритет мысли над миром, бытия над становлением как бы противопоставляет мир последовательного и знание одновременного. Его «концепция абсолютной и непорожденной индивидуальности характеризует некий тип мышления, состоящий из альянса рационализма и мифологии, являющегося результатом подлинного разрыва, практикуемого в опыте и разделяющему мир и знание в противовес генетическому и экспериментальному позитивному *physis*» [Симондон 2023, 324]. Подобный «парменидовский дуализм» вдохновит Платона⁶. Познать индивида в его генезисе и развитии в этой модели невозможно.

Идеи Гераклита одновременно и противопоставляются «парменидовскому дуализму», и в тоже время он исходит из первоначального единства: «из всего – единое и из единого – все» и гармонии космоса, которые выше человеческого разума. Противоположности и хаос являются условием и правилом интеллектуальной не имеющей конца игры младенца⁷. «Хаос не растворяется в космосе, но сохраняется внутри него, и более того, есть его необходимый аспект» [Доброхотов 2007]. Единство противоположностей, выражающееся в генезисе множественного и индивидуального, определяется Законом и Ло-

госом, ибо «пламя имеет бытие в становлении» [Фрагменты… 1989, 225]. Индивидуальное амбивалентно и именно это является определяющим его «судьбу как разум (логос), творящий [все] вещи через [их] «бег-в-противоположные-стороны»» [Фрагменты… 1989, 201]. Идентичность сущего в его постоянном изменении. Река, в которую невозможно войти дважды, остается собой именно движением все новых и новых вод. *Имманентная индивидуации амбивалентность становления – динамизм онтогенеза*. Элиминация динамизма внутренне присущего материи приводит к неоднозначным направлениям теории индивидуации: гилеморфизму, субстанционализму и классифицирующему методу. Абсолютный неизменный сфайрос Парменида противоположен сущему Гераклита.

Имманентный первоначалам-стихиям динамизм *physis* милетской традиции сменяется отделением воды, огня, воздуха и земли от сил любви и ненависти, которые объединяют и разделяют все сущее в космологии Эмпедокла. Пифагорейское пропорциональное соотношение первоначал в индивиде свидетельствует или о его здоровье, или о болезни и вдохновило концепцию медицинской школы Филистиона. У Анаксагора «элемент-стихия заменяется на бесконечное множество геометрий», так же не обладающих внутренней динамикой, которую задает им Нус (греч. νοῦς) [Симондон 2023, 330]. Понятие атом (неделимый) отражает важнейший признак индивидуального – его целостность и несводимость к сумме частей. Может сложиться впечатление, что именно Левкипп и Демокрит в истории древней мысли стали родоначальниками представления об индивиде. Однако раньше о человеке в контексте универсума рассуждал Гераклит⁸. Движение и существование атомов как индивидуальных сущих становится возможно благодаря пустоте: негативному принципу развития мира, редуцировавшему физику качеств. Становления атома нет, ибо он неделим и вечен.

Методология поиска индивидуального, состоящая в противопоставлении человека самому себе в акте самовопрошания выражена в известной надписи на стене древнегреческого храма Аполлона в Дельфах: «Познай самого себя». Самосознание как важней-

ший отличительный признак мыслящего существа направляется по пути поиска имманентного ему благосообразного сущего. Со-крат-овод иронией жалит сограждан и прислушивается к внутреннему *δαιμόνιον*. Внутри следует искать существо себя, но делать это посредством отрицания себя и устоявшегося мнения. Скорее всего, можно даже научить юношу быть лучше. Например, быть мужественным, однако для этого надо научить его «искусству соизмерять» (*μετρητικὴ τέχνη*)⁹. Технэ позволяет обнаружить существо индивида Платону: история мысли получает новый виток¹⁰. В паре понятий «становление» и «бытие» Платон делает акцент на последнем и в некотором роде технически достижимом¹¹. «Верно то, что от платонизма сохранилось статичное представление об индивидуальности согласно порядку одновременного. Сегодня учение Платона заслуживает возобновления и продолжения с помощью теории информации. В определенном смысле индивид – это машина» (Законы 803в, с)» [Симондон 2023, 361]. Идеальное государство должно в своем устройстве отражать совершенство космической гармонии. Именно через реализацию себя в ремесленном, военном и политическом искусстве обнаруживает свою суть индивид, заняв свое место микрокосмосе города находящимся в резонансе с макрокосмосом. В диалоге «Парменид» формулируется парадокс, который кажется автору диалога решенным: соотношение единого и многого разрешается через научное математическое знание и число. Один из парадоксов апофатически осмысливаемых в «Пармениде»: «единое существует и познаемо, только если оно есть многое» [Новая философская энциклопедия 2010, 203–204]. «Схватить» единое во множественном – это и есть задача числа и разрешение проблемы соотношения единого и многого согласно Платону. Число, будучи идеальным образованием содержит в себе и единство, и множественность. Причем последняя не имеет недостатков чувственной множественности становящегося мира, а сохраняет свой онтологический неизменный статус. Философия вбирает в себя математику как образец доказательного знания в сфере мысли и умозрения, а также как «схватывающее» одновременно единое и множественное. Мера математичес-

кого управляет и сферой морали в силу раскрытое выше сути «μετρητική τέχνη» и научению юноши мужественности. Такой условно названный «научно-технический метод», по мнению основателя Академии, позволяет видеть мир таким как он есть, а не кажется, даже если становится очевидным доступность только правильного мнения, но не истины для мысли выбравшей такой путь поиска. Индивидуальность элементов космоса раскрывается через стереометрию и платоновы тела, состоящих из двух видов треугольников (53d–57d)¹². «Третий род» – пространство Платона вмещает все и так же апофатически доказывается как то, что должно быть, но не постижимо¹³.

Аргумент «третьего человека» становится визитной карточкой критики Аристотелем своего учителя и отправным пунктом поиска сущности вещи в самой вещи. Дихотомия «бытие vs. становление», в которой за первым закреплена подлинность и оригинал, а за вторым копирование и подделка, не позволяет без ущерба логике соизмерить одно с другим. Мир идей тождествен и самодостаточен и для того, чтобы быть подобным ему – необходимо соответствовать. Проблема отношения совершенного оригинала и копии состоит в том, что для их соотношения и соответствия нужно что-то третье. Предлагаемый Платоном математический идеал числа не может отразить полноту сущего индивидуальной вещи с точки зрения Аристотеля. Однако гилеморфизм и субстанционализм предлагаемый Философом также не лишен логических недостатков. Попытка представить индивидуальность вещи через рассмотрение ее уникальности в конкретности соотношения формы и материи не выдерживает критики по многим причинам: главенство формы, пассивность материи, существование формы и материи до индивида и подмена изображения трудом. Во-первых, «материя должна была, с точки зрения античных теорий, подчиняться форме: инертная материя приобретает идентичность за счет того, что подводится под форму» [Хуэй 2020, 269]. Интеллектуальное разделение формы и материи приводит к стремлению найти суть формы как таковой, отдельно от субстрата, а не найти суть вещи. Во-вторых, как философ техники Симондон критикует гилеморфизм так же за то, что в нем не уч-

тывается активность материи, которая во многом определяет то, как явит себя форма из сознания и навыков мастера. В-третьих, «материя и форма предшествуют своему соединению», то есть они предшествуют индивиду [Boever et al. 2012, 228], а следовательно, его редукция к ним неправляется с тем, чтобы дать о нем исчерпывающее знание в отличие от теории до-индивидуального ионийских мыслителей. В-четвертых, «для человека, управляющего процессом труда, его содержанием является уже данный в нем порядок, а также первичный материал, являющийся условием выполнения операции, но не сама операция, благодаря которой и осуществляется принятие формы: его внимание направлено на форму и материю, а не на принятие формы как операцию» [Simondon 2011, 97]. Симондон подчеркивает, что использование технического объекта как функции оставляет «темную центральную зону» его сути. Некоторые исследователи указывают, что гилеморфизм приводит к проблеме «черного ящика» и неопределенности при рассмотрении сути индивидуального [Landes 2014, 157]. Проблемы индивидуации не решаются и в субстанционализме. «Для Симондона субстанциализм – это доктрина, которая утверждает наличие “принципа индивидуализации” без генезиса, будь этот принцип самим индивидуумом как неделимым (*atomos*) или формой или материей. <...> Симондон превращает Лейбница в представителя субстанциализма *par excellence*. Это объясняется тем, что у Лейбница «понятие индивидуума универсализируется, потому что все в мире индивидуально: существуют только индивиды, и эти индивиды являются субстанциальными» [Boever et al. 2012, 212]. Субстанционализм подразумевает соотнесение с чем-то трансцендентным по отношению к человеку, а следовательно, «аргумент третьего человека» остается нереальным в силу бесконечной регрессии к определяющему началу. Постоянное стремление к поиску непротиворечивого и тождественного не позволило разработать динамическую теорию онтогенеза индивида. Таким образом, анализируя историю теории индивидуации в Древней Греции, мы критически выделили слабые стороны некоторых направлений ее развития. Однако надеемся, что не умали величие ее мысли.

Несколько понятий теории технических объектов и теории индивидуации Жильбера Симондона

Для освещения теории технических объектов в контексте теории индивидуации необходимо ввести некоторые концепты философии Симондона. Существуют гlosсарии терминов Симондона. Мы выделим опционально те понятия, которые минимально необходимы в данном исследовании для реконструкции его теории технических объектов в контексте теории индивидуации: метастабильность, трансдукция, аллагматика и до-индивидуальное.

Метастабильность. Это состояние описывал Норберт Винер в контексте интерпретации парадокса второго закона термодинамики Максвелла и его «демона»¹⁴. Хрупкость стабильности состояния шарика, который лежит в неглубокой лунке и в любой момент может быть выброшен из нее – это пример метастабильного равновесия, в которой обнаруживается потенциал становления. Находясь в углублении, шарик потенциально уже вне него. Так, его состояние определено динамизмом и множественностью: его состояние покоя существует в неразрывном единстве с противоположным состоянием изменения. Метастабильность может быть понята как фаза индивидуации, однако ее содержательной характеристикой является операционный потенциал и близость изменения. «Физическая индивидуация есть случай разрешения метастабильной системы» [Симондон 2023]. Живой индивид в отличие от физического сохраняет метастабильность. Метастабильность всех состояний задает динамизм миру становления и индивидуации. Применительно к античной истории теории индивидуации метастабильное состояние определяет сущность динанизма *physis* стихий-первоначал ионийских философов и Единым противоположностям Гераклита. Технические объекты индивидуализируются посредством метастабильности изобретений.

До-индивидуальное. Основа принципа индивидуации в до-индивидуальном. Теория индивидуации Симондона – это, скорее, теория до-индивидуального не вписывающаяся в рамки законов классической логики, так как: «чтобы мыслить индивидуацию, нужно рас-

сматривать бытие не как субстанцию, материю или форму, а как напряженную, перенасыщенную систему, находящуюся выше единства, состоящую не только из самой себя и не поддающуюся адекватному мышлению с помощью принципа исключенного третьего; конкретное существо или завершенное существо, то есть доиндивидуальное существо, – это существо, которое представляет собой нечто большее, чем единицу» (цит. по: [Assis 2017, 701]). Ее задача в том, чтобы постигать индивида в его становлении, то есть еще до того момента как он может быть интерпретирован классифицирующим мышлением как абстрактный статичный индивид: «Чтобы постигать индивидуацию, начиная с индивидуируемого сущего, нужно ухватывать индивидуируемое сущее, начиная с индивидуации, а индивидуацию, начиная с до-индивидуального сущего» [Симондон 2023].

Аллагматика – это теория операций. Операция – это процесс посредством которой одна структура преобразуется в другую структуру. Структура и операция – это два полюса теории. Наука, в целом, структурна.

Трансдукция – это операция модификации, с помощью которой преобразуется структура. Симондон использует этот термин вслед за Пиаже и у него он так же имеет логический смысл наряду с дедукцией, абдукцией, индукцией. Содержательной характеристикой понятия является его нечувствительность к противоречиям. В то же время на подобие биологической трансдукции, осуществляющей перенос ДНК между клетками при помощи вирусов, в теории дифференциальной индивидуации благодаря ей до-индивидуальное становится внутренне присущим становящемуся индивиду и снимается противоречие априорного и апостериорного¹⁵. Образование кристалла из сверх насыщенного раствора – пример операции трансдукции в состоянии метастабильности. Социальная революция тоже рассматривается как пример трансдукции.

Техник и общество: чистый индивид и техническое сущее

Общим основанием для теории индивидуации и технического объекта является представление о «чистом индивиде»¹⁶ – это тех-

ник или инженер. В акте изобретения «чистый индивид» представляет собой нечто большее, чем социальную роль. Метастабильное состояние познаваемого инженером сущего лежит в основе эпистемологии изобретения. Он работает с «чистой информацией», а не формой¹⁷. Он обращается к сущему и «устанавливает соотношения с несоциальным объектом» [Симондон 2023]. Инженер творит из до-индивидуального, которое пронизывает все: «человек изобретает, воплощая в жизнь свое собственное природное основание, этот Трейспн, с которым соединено каждое индивидуальное бытие» [Simondon 2011, 101]. Феноменология единства «чистого техника» и технического объекта в том, что «техническая нормативность является внутренней для конституирующего ее жеста», а «техническое сущее предшествует нормативности»¹⁸. Инженер конструирует объекты с их собственными интенциональными характеристиками: «технический объект пригоден или не пригоден согласно его интенциональным характеристикам, передающим схематизм присущий усилию, благодаря которому он конституировался» [Симондон 2023]. «Чистый индивид» изобретает и открывает мир технических объектов с их «внутренним резонансом», целостностью, индивидуальностью и неделимостью.

«Внутренний резонанс» технического объекта и круговая каузальность технического универсума

Познание техники – это часть познания человеческой культуры. Однако культура познания техники оказывается не высока. Симондон утверждает, что современная цивилизация плохо технизирована в силу влияния потребителей на производителей. Он утверждает, что имеет место «культурный гистерезис» (от греч. ὑστέρησις – отставание, запаздывание) обусловленный не только мизонеизмом. Потребители не знают существование технического объекта: его техническая сущность закрыта для них. Например, одна из сторон критики гилеморфизма состоит в том (как показано выше), что труд вуалирует операцию, определяющую соотношение техники с природой,

предшествующую единству формы и материи и тем самым отчуждает человека от сути технического объекта, «побуждая считать технический объект утилитарным» [Simondon 2011, 99].

«Внутренний резонанс» объекта составляет его индивидуальность и целостность. Машина не просто целостна, она аллагматическое сущее и операционально со-относит технику и природу, сама оказываясь отношением, поскольку взаимодействует с «нечеловеческой реальностью». Она влияет на соотношение, она не нейтральный посредник между человеком и миром. Технический объект рационален, непротиворечив и активен. Такой объект не может существовать отдельно в любой из своих частей. Многократно в литературе воспроизведен и описан пример турбины Гимбала, которая олицетворяет конкретность технического объекта, то есть «нечто, что имеет устойчивое существование, и в котором органически ни одна из частей не может быть полностью отделена от других, не утратив своего смысла» [Simondon 2009, 122]: она не может существовать отдельно в любой из своих частей – она целостна. «Конкретный объект – это такой, в котором существует нечто, что можно назвать внутренним резонансом» [Simondon 2009, 121]. Он делает его независимым и сопротивляющимся внешним силам и обстоятельствам.

Эволюция техники идет через конвергенцию: от абстрактного к конкретному. Прогрессивное сокращение пропасти между функциями поливалентных структур определяет прогресс технического объекта; именно эта конвергенция специфицирует технический объект, потому что бесконечное множество функциональных систем невозможно. Мысль Симондона развивает понятие «круговой каузальности» технического универсума для того, чтобы объяснить культурно-исторический и онтологический генезис техники в связи с теорией индивидуации: «мы могли бы говорить о внутреннем резонансе технического универсума, куда эффективно вмешивается каждое техническое сущее как условие реального существования других технических сущих; таким образом, каждое техническое сущее подобно микрокосму, который содержит в своих условиях монадического существования

крайне большое число других пригодных технических сущих; круговая каузальность создает взаимность условий существования, которая наделяет технический универсум его консистентностью и его единством» [Симондон 2023]. Микрокосмос технического объекта выражается операциями и активностью, ибо без них он теряет свою суть. Гидроэлектростанция или радиостанция производит электроэнергию или передает сигналы.

Современный двигатель совершеннее двигателя 1910 г. благодаря его «внутреннему резонансу»: каждая деталь тесно связана с остальными элементами и не может функционировать вне общего контекста. Это подчеркивает его эволюционное развитие по сравнению с конструкциями начала XX века. «Одно из наиболее значимых отличий индустриального технического объекта от ремесленного технического объекта состоит в том, что он скорее подчиняется внутренним, а не внешним требованиям» [Подорога 2022, 137]. Соотношение внутреннего и внешнего демонстрирует генезис технического объекта, однако необходимо учитывать, что исторический прогресс можно наблюдать относительно каких-то разненных изобретений, а вместе их объединяет «каузальность технического универсума». Понятие прогресса относительно. «Попытка обнаружить, в движении от ремесленного производства к промышленному производству, причину производства специфических типов технических объектов, будет ошибкой, поскольку она перепутает следствие с условием; индустриализация производства становится возможной благодаря стабилизации устойчивых типов. Ручная работа соответствует примитивной стадии эволюции технических объектов, то есть абстрактной стадии; индустрия соответствует конкретной стадии» [Simondon 2010, 9]. Радиолокационная станция на вершине горы Пилатус – олицетворение эпистемологической гармонии между природой и техникой, возможной благодаря «чистому индивиду» по мнению Симондона.

Философия Симондона открывает возможность нового взгляда на общее пространство исследования для наук о природе, технонауки и наук о культуре, ибо машина открыта становящейся изменчивой природе, но ее изобретение возможно лишь благодаря «чистому

индивиду», который устанавливает симметричные отношения между человеком и миром: возникает новый проект гуманитарного знания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University «Preservation of the World Cultural and Historical Heritage».

² См., например: «Симондон проводит различие между «технической» и «природной» средами, указывая, что технический объект формируется на их пересечении, образуя «техногеографическую» или «ассоциированную» среду (Simondon, 1989: 52–53)» [Подорога 2022, 141–142].

³ Массовое производство и распределение претендуют на *всего* индивида, а индустриальная психология уже давно вышла за пределы завода. Многообразные процессы интроекции кажутся отвердевшими в почти механических реакциях. В результате мы наблюдаем не приспособление, но *мимесис*: непосредственную идентификацию индивида со своим обществом и через это последнее с обществом как целым уже давно вышла за пределы завода [Маркузе 1994, 14].

⁴ См. также: «Элементы милетцев суть силы вечно активные, божественные и “физические” одновременно» [Вернан 1999, 74].

⁵ Редукция понимания индивида к единству материи и формы не достаточна с точки зрения Симондона. Гилеморфизм не дает нам ответ на вопросы о том, что же есть индивид, сводя его к форме и материи, то есть к тому, что предшествует ему и определяет его существо, доминирует над ним, упуская из внимания его развитие и индивидуальный генезис.

⁶ «Одновременно мысль оказывается отсеченной, словно топором от природной реальности; ведь Разум не может иметь своим предметом что-либо, кроме Бытия неподвижного и тождественного самому себе» [Вернан 1999, 85].

⁷ «— А что такое Вечность? // [Гер.] – Дитя играющее, кости бросающее, то выигрывающее, то проигрывающее» [Фрагменты… 1989, 180].

⁸ Например: «“Сам Логос” удерживает существо человека средоточенным на нем, «Логосе», причем удерживает так, что именно он, этот *Лόγος*, хранит в себе чуткую принадлежность человека бытию, то есть в меру дает и в меру отка-

зывает. Короче говоря, в 50 фрагменте говорится о гомологическом отношении человеческого “логоса” к самому “Логосу”» [Хайдеггер 2011, 361–362]. «С Гераклита начинается размыщение о человеческом индивиде и наделяется ценностью отношение между смыслом человеческой жизни и учением об универсуме» [Симондон 2023, 325].

⁹ Одним только искусством измерять обличается этот обман чувств; одно оно, открывая истину, доставляет душе спокойствие, устанавливает ее в истине и спасает жизнь. И так, искусство ли измерять, или какое другое искусство почли бы люди спасением жизни? // – Искусство измерять, – отвечал Протагор, – не знание ли, не мера ли, как средство определять избыток и недостаток? И так как это искусство имеет дело с равным и неравным; то не арифметика ли? Конечно подтвердили бы, – отвечал Протагор. – ...Усиливаешься доказать, что все виды добродетели, – и справедливость, и рассудительность, и мужество, – суть знание; но ведь отсюда следует, что все они могут быть предметом науки» [Платон 1863, 129].

¹⁰ «Тот факт, что именно в эпоху Сократа и Платона слово *τῆχνη* (которое, правда, в ту пору означало нечто существенно иное, чем «техника» в современном ее понимании) начинает употребляться и осмысляться все чаще, свидетельствует о том, что система заранее продуманных действий берет верх над опытом. Способность прислушиваться к сказанию ослабевает и начинает утрачивать свою изначальную сущность» [Хайдеггер 2009, 278–279].

¹¹ «Ибо на раскрытии потаенности стоит всякое про-из-ведение» [Хайдеггер 1993, 225]. Приведем пример иного фундаментального философского соотношения искусства и техники: «У Жильсона искусство в технике, хотя и осознает себя, но это вторичное осознание, ибо сначала есть Божье творение, подталкивающее к осознанию» [Неретина 2020, 16].

¹² «Все вообще треугольники восходят к двум, из которых каждый имеет по одному прямому углу и по два острых, но при этом у одного по обе стороны от прямого угла лежат равные углы величиной в одну и ту же долю прямого угла, ограниченные равными сторонами, а у другого – неравные углы, ограниченные неравными сторонами» [Платон 1994, 538].

¹³ «Другой способ ее постижения – апофатический (в отличие от аристотелевского аналогического): последовательное отрицание, или вычитание, всех качеств, пока не останется нуль – материя» [Бородай 2008, 134].

¹⁴ «До того как демон событесь с толку, может пройти немалое время, и оно может оказаться столь продолжительным, что мы вправе назы-

вать активную fazу демона метастабильной» [Винер 1968, 114].

¹⁵ «Новая трансдуция оставляет в стороне противоположность между априорным и апостериорным» [Симондон 2023].

¹⁶ Параллелизм Канта и Симондона отмечается исследователями в связи с проводимых ими критикой гилеморфизма и рассуждениях о «чистом индивиде». В частности, Симондон указывает на то, что социология не делает «чистого индивида» объектом своего исследования. Он подчеркивает необходимость свободы в творчестве инженера, утверждая, что она не должна подчиняться исключительно запросам общества [Contreras 2024, 99].

¹⁷ Технический объект, оцененный и познанный в соответствии со своей сутью, то есть согласно основавшему его человеческому акту изобретения, функционально понятный, валоризованный сообразно с внутренними нормами, несет в себе чистую информацию [Simondon 2011, 100].

¹⁸ «Феноменология технического объекта продолжилась бы таким образом психологией отношений между человеком и машиной» [Simondon 2011, 99].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бородай 2008 – Бородай Т.Ю. Рождение философского понятия. Бог и материя в диалогах Платона. М.: Изд. Савин, 2008.
- Вернан 1999 – Вернан Ж.П. От мифа к разуму: формирование позитивной мысли в архаической Греции // Z. Философско-культурологический журнал. 1999. № 1. С. 70–96.
- Винер 1968 – Винер Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине. М.: Советское радио, 1968.
- Гейро 2016 – Гейро Ж. Предисловие к русскому изданию // Симондон Ж. Два урока о животной и человеке. М.: Grundrisse, 2016. С. 2–28.
- Доброхотов 2007 – Доброхотов А. Гераклит: Фрагмент B52 // Доброхотов А. Избранное. М.: Территория будущего, 2007. С. 217.
- Маркузе 1994 – Маркузе Г. Одномерный человек. М.: REFL-book, 1994.
- Неретина 2020 – Неретина С.С. «Ни одно слово не лучше другого». Философия и литература. М.: Голос, 2020.
- Новая философская энциклопедия 2010 – Новая философская энциклопедия: в 4 томах. Т. 3. М.: Мысль, 2010.
- Новейший философский словарь 1999 – Новейший философский словарь. Минск: Изд. В.М. Скаун, 1999.

- Платон 1863 – Сочинения Платона, переведенные с греческого и объясненные профессором Карповым: в 6 томах. Т. 1. СПб.: Странник, 1863.
- Платон 1994 – *Платон*. Собр. соч. в 4 томах. Т. 3. М.: Мысль, 1994.
- Подорога 2022 – *Подорога Б.В.* Эволюция технических систем в философской мысли Жильбера Симондона // Знание. Понимание. Умение. 2022. № 4. С. 134–144.
- Симондон 2023 – *Симондон Ж.* История понятия индивида // Психическая и коллективная индивидуация. М.: Ин-т общегуманит. исследований, 2023. С. 319–623.
- Хайдеггер 1993 – *Хайдеггер М.* Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и высступления. М.: Республика, 1993.
- Хайдеггер 2009 – *Хайдеггер М.* Парменид. СПб.: Владимир Даль, 2009.
- Хайдеггер 2011 – *Хайдеггер М.* Гераклит. СПб.: Владимир Даль, 2011.
- Хуэй 2020 – *Хуэй Ю.* Рекурсивность и контингентность. М.: VAC Press, 2020.
- Фрагменты... 1989 – Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I. М.: Наука, 1989.
- Assis 2017 – *de Assis P.* Gilbert Simondon’s ‘Transduction’ as Radical Immanence in Performance // *Performance Philosophy*. 2017. Vol. 3, № 3. P. 695–716. DOI: 10.21476/PP.2017.33140
- Boever et al. 2012 – *Boever A., Murray., Roffe J., Woodward A.* Gilbert Simondon: Being and Technology. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2012. DOI: 10.1515/9780748645268
- Contreras 2024 – *Contreras R. A.* Kant and Simondon on Hylomorphism and Individuation: A Discussion About Realism, Idealism, Matter, and Information // *Chacteristica Universalis Journal*. Vol. 2, № 1. P. 79–104 DOI: 10.59437/cuj.v2i1.33
- Landes 2014 – *Landes D.A.* Individuals and Technology: Gilbert Simondon, from Ontology to Ethics to Feminist Bioethics // *Continental Philosophy Review* 47. 2014. № 2. P. 153–176. DOI: 10.1007/s11007-014-9292-2
- Simondon 2009 – *Simondon G.* Entretien sur la mécanologie // *Revue de synthèse*. 2009. Vol. 30. P. 103–132. DOI: 10.1007/s11873-009-0072-9
- Simondon 2010 – *Simondon G.* On the Mode of Existence of Technical Objects. Paris: Mellamphy, 2010.
- Simondon 2011 – *Simondon G.* Du mode d’existence des objets techniques. Paris: Aubier, 2011.
- Vernant J.P., From myth to reason: the formation of positive thought in archaic Greece. *Z. Filosofsko-kulturologicheskiy zhurnal*, no. 1, pp. 70–96.
- Wiener N., 1968. *Cybernetics or control and communication in an animal and a machine*. Moscow, Soviet Radio.
- Geiro J., 2016. Preface to the Russian edition. Simondon J. *Two lessons about animals and humans*. Moscow, Grundrisse Publishing House.
- Dobrokhoto A., 2007. *Heraclitus: Fragment B52*. Moscow, Publishing house “Territory of the Future”.
- Marcuse G., 1994. *One-dimensional man*. Moscow, REFL-book.
- Neretina S.S., 2020. “*No word is better than another:*” *Philosophy and Literature*. Moscow, Golos Publ.
- New Philosophical Encyclopedia. In four volumes. 2010. Vol. III. Moscow, Mysl.
- The newest philosophical dictionary, 1999. Minsk: Publishing house of V.M. Skakun.
- Plato, 1863. *The Works of Plato, Translated from Greek and Explained by Professor Karpov*. Vol. 1. SPb, Wanderer.
- Plato, 1994. *Collected works in 4 volumes*. Vol. 3. Moscow, Mysl.
- Podoroga B.V., 2022. The evolution of technical systems in the philosophical thought of Gilbert Simondon. *Knowledge. Understanding. Ability*, no. 4, pp. 134–144.
- Simondon J., 2023. *The history of the concept of the individual. Mental and collective individuation*. Moscow, IOI, pp. 319–623.
- Heidegger M., 1993. *The question of technology*. Heidegger M. *Time and being: Articles and speeches*. Moscow, Republika Publ.
- Heidegger M., 2009. *Parmenides*. Moscow, Vladimir Dahl Publ. House.
- Heidegger M., 2011. *Heraclitus*. Saint Petersburg, Vladimir Dahl.
- Hui Yu., 2020. *Recursiveness and Contingency*. Moscow, VAC Press.
- Fragments of early Greek philosophers, 1989. Part I. Moscow, Nauka Publ.
- de Assis P. Gilbert Simondon’s ‘Transduction’ as Radical Immanence in Performance. *Performance Philosophy*, vol. 3, no. 3, pp. 695–716. DOI: 10.21476/PP.2017.33140
- Boever M., Roffe J., Woodward A., Woodward A., 2012. *Gilbert Simondon: Being and Technology*. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2012. DOI: 10.1515/9780748645268
- Contreras R.A., 2024. Kant and Simondon on hylomorphism and individuation: A discussion

REFERENCES

- Borodai T.Y., 2008. *The birth of a philosophical concept. God and Matter in Plato’s Dialogues*. Moscow, Savin Publishing House.

- about realism, idealism, matter, and information. *Chacteristica universalis journal*, vol. 2, no. 1, pp. 79-104. DOI: 10.59437/cuj.v2i1.33
- Landes D.A., 2014 Individuals and technology: Gilbert Simondon, from Ontology to Ethics to Feminist Bioethics. *Continental Philosophy Review* 47, no. 2, pp. 153-176. DOI: 10.1007/s11007-014-9292-2
- Simondon G., 2009. Entretien sur la mécanologie. Revue synthèse. *Revue de synthèse*, vol. 30, pp. 103-132. DOI: 10.1007/s11873-009-0072-9
- Simondon G., 2010. *On the Mode of Existence of Technical Objects*. Paris, Mellamphy.
- Simondon G., 2011. *Du mode d'existence des objets techniques*. Paris: Aubier, 2011.

Information About the Author

Aleksandra M. Zhelnova, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy and Methodology of Science, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Prospekt Lomonosovskiy, 27, Bld. 4, 119991 Moscow, Russian Federation, zhelnova.am@philos.msu.ru, <https://orcid.org/0009-0006-2393-5601>

Информация об авторе

Александра Марковна Желнова, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки философского факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, просп. Ломоносовский, 27, корп. 4, 119991 г. Москва, Российская Федерация, zhelnova.am@philos.msu.ru, <https://orcid.org/0009-0006-2393-5601>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.4.3>UDC 159.9
LBC 87Submitted: 01.10.2025
Accepted: 15.10.2025

CURRENT DISCUSSIONS ABOUT THE “CONSCIOUSNESS – BRAIN” PROBLEM

Sergey A. Malofeykin

RUDN University, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article presents current discussions and trends in understanding the relationship between “consciousness and the brain,” which highlights the importance of the information approach of the Russian scientist D.I. Dubrovsky. Given the growing social and scientific importance of intelligent systems at the beginning of the 21st century, the theories and methodological approaches under consideration are refracted through the prism of information science and the question of the possibility of overcoming the problems of using “artificial intelligence” for a wide range of tasks. Identifying key trends in understanding consciousness, the context of historical and philosophical discussions and the history of the formation of analogy forms of reproduction of natural thinking and functional abilities of the brain is used. But the main focus is on developing the potential of philosophical theories in describing the problem of the “consciousness-brain” relationship after the famous 1994 discussions in the city of Tucan (Arizona) to expand the applied importance of information technology. The content of the article distinguishes the understanding of the terms “natural thinking” and “artificial intelligence”, “consciousness” and “brain” in the context of identifying a common path of development of philosophy and information sciences in the question of the possibilities of creating analogy or fundamentally new information processing mechanisms. In this context, the author tries to present D.I. Dubrovsky’s research as a promising direction for an interdisciplinary format for solving problems of understanding the specifics of natural thinking and the potential for the development of artificial intelligent systems.

Key words: consciousness, brain, philosophy of consciousness, psychophysiological problem, information approach, functionalism.

Citation. Malofeykin S.A. Current Discussions About the “Consciousness – Brain” Problem. *Logos et Praxis*, 2025, vol. 24, no. 4, pp. 25-34. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.4.3>

УДК 159.9
ББК 87Дата поступления статьи: 01.10.2025
Дата принятия статьи: 15.10.2025

АКТУАЛЬНЫЕ ДИСКУССИИ О ПРОБЛЕМЕ «СОЗНАНИЕ – МОЗГ»

Сергей Александрович Малофейкин

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлены актуальные дискуссии и тенденции в понимании соотношения «сознания и мозг», где особо выделяется значение информационного подхода Отечественного ученого Д.И. Дубровского. Учитывая рост социального и научного значения интеллектуальных систем в начале XXI в., рассматриваемые теории и методологические подходы, преломляются сквозь призму информационных наук и вопроса о возможности преодоления проблем применения «искусственного интеллекта» для широкого спектра задач. Обозначая ключевые тенденции к пониманию сознания, используется контекст историко-философских дискуссий и истории формирования аналоговых форм воспроизведения естественного мышления и функциональных способностей мозга, но основное внимание уделяется развитию потенциала философских теорий в описании проблемы соотношения «сознание – мозг» после известных дискуссий 1994 г. в городе Тусан (штат Аризона) для расширения прикладного значения информационных технологий. В содержании статьи разграничивается понимание терминов «естественное мышление»

ние» и «искусственный интеллект», «сознание» и «мозг» в контексте выявления общего пути развития философии и информационных наук в вопросе о возможностях создания аналоговых или принципиально новых механизмов обработки информации. В данном контексте автор пытается представить исследования Д.И. Дубровского в качестве перспективного направления для междисциплинарного формата решения задач понимания специфики естественного мышления и потенциала развития искусственных интеллектуальных систем.

Ключевые слова: сознание, мозг, философия сознания, психофизиологическая проблема, информационный подход, функционализм.

Цитирование. Малофеин С. А. Актуальные дискуссии о проблеме «сознание – мозг» // Logos et Praxis. – 2025. – Т. 24, № 4. – С. 25–34. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.4.3>

В философии XX в. под влиянием роста технологического прогресса вновь актуальным стали дискуссии о возможностях рациональной рецепции сознания как особого феномена реальности. Со времен Р. Декарта и Б. Спинозы вопрос об основаниях мышлений и его качествах стал частью системных форм философии. Однако проблема субстанционального дуализма и монизма значительно трансформировалась с появлением и распространением критического идеализма И. Канта. Позже под влиянием обозначенных направлений в эпоху Просвещения проблема психофизиологической организации человека, вопросы о специфике сознания и источниках когнитивной деятельности развиваются в философии языка, первых формах аналитической традиции и философско-психологических исследованиях. К началу XX в. дискуссии заметно смещаются в сторону объединения проблем функционирования мозга и психической активности человека. Если первое является объективированным началом когнитивных процессов, без которых невозможно эмпирическое следствие наличия сознательной деятельности, то второе – феномен, лежащий в области субъективного и строго логически не rationalизированного начала человеческой деятельности [Владимиров 2017].

С ростом информационных технологий и появлением искусственных механизмов обработки больших данных в дискуссиях о проблеме сознания и источниках когнитивных процессов значимым стало раскрытие операционных свойств мышления. В информационных науках первостепенно было прояснение функционирования мышления с целью воспроизведения аналоговыми средствами исключительных качеств естественного сознания. Однако актуальные дискуссии о проблеме

«сознание – мозг», начавшиеся в 1970-х гг. с новой силой, до сих не привели к прояснению различий между сознанием, мышлением и мозгом.

С конца 1980-х гг. обнаруживается смещение в сторону реабилитации философии языка, логического позитивизма и завуалированных форм бихевиоризма. Как итог, отсутствие достаточной корреляции и оснований для сооправления различных теорий и представлений, лежащих в индифферентных плоскостях методологии науки и философии, привело к смешению понятий и семантической трудности понимания ключевой проблематики и предмета дискуссий. Более того, обнаруживается подмена понятий и поспешные обобщения при рассуждениях о потенциале и возможностях искусственного интеллекта, что вносит свою долю затруднений в непростой дискурс о соотношении «сознание – мозг». Для уточнения терминологии в данной статье понятие «интеллект» будет использоваться в историческом ракурсе, то есть в употреблении А. Тьюринга и А. Черча, обозначившими возможность создания аналоговых форм обработки данных по аналогии с естественным функционированием мозга [Turing 1950]. Понятие «искусственный интеллект» представлено в этимологии М.Дж. Лайтхилла (M.J. Lighthill), который в 1972–1974 гг., по мнению Дж. Агара (Jon Agar) [Agar 2003], ввел в широкое и массовое употребление термин AGI (Artificial general intelligence – Общий искусственный интеллект) в противоположность технологиям упрощенной аналогии обработки информации, то есть AI (artificial intelligence – искусственный интеллект). Современные дискуссии подразумевают обсуждение технологических возможностей и практического воплощения теоретических положений, поэтому в вопросе

о соотношении «сознание – мозг» в настоящее время есть как минимум одна практическая область – область оптимизации и развития интеллектуальных систем. Во многом именно от развития философских положений о сознании и значении мозга зависит возможность воплощения в цифровых инструментах специфики способностей естественного мышления.

Вслед за известными математиками, сформулировавшими базовые положения информационных наук (А. Тьюринг, А. Черч, Дж. фон Нейман, Н. Винер и др.), при рассмотрении способов развития интеллектуальных систем и машинного обучения будет подразумеваться следующее: 1) термин «искусственный интеллект» (ИИ) обладает слишком широкой областью значения, поэтому применение термина «интеллектуальные системы» (ИС) более точно отражает специфику современных технологий; 2) при создании интеллектуальных систем не воспроизводятся и не реконструируются онтологические качества сознания, а воспроизводятся аналоговые механизмы естественного мышления в рекурсивных формах, которые могут быть линейными (в соответствии с принципами строгого детерминизма) или нелинейными (в соответствии с принципами не строгого детерминизма или даже индетерминизма).

После обозначения прикладного значения философской проблемы «сознание – мозг» в области информационных наук, появления кибернетики и синергетики ученые обратились к опыту дискуссий о психофизиологической и психофизической проблемах. Стоит отметить, что без внимания к уже достигнутым результатам в области создания интеллектуальных систем дискуссии о функциональных и конкретных операциональных проявлениях мышления человека уже не могут отличаться полнотой знания. В свою очередь, мышление есть явление, связанное с сознанием и пониманием того, как коррелируют друг с другом физиологическая и психическая организация. При этом сложно не согласиться с Д.И. Дубровским, сформулировавшим очевидное положение, которое нередко остается вне дискурса философов XXI в.: психофизиологическая проблема лежит в области естествознания, в то время как психофизическая проблематика является частью ис-

тории философии [Дубровский 2012]. Тем не менее в настоящее время есть множество подходов и концепций предлагающих свои решения или оригинальную проблематизацию отношения сознания и мозга.

Условно можно разделить современные дискуссии на несколько групп по методологии и по объектной области исследования. Наиболее обширная группа теорий представлена в плоскости аналитической философии, ее позиция была обозначена в конференции «На пути к науке о сознании», проходившей в городе Тусан (Аризона) в 1994 году. Здесь выделяются теории Д. Деннета [Dennet 1991] и Дж. Серля [Серл 2002], а также Д. Чалмерса [Chalmers 1997]. Дискуссии о соотношении сознания и физического носителя в аналитической традиции нередко описываются в терминах «трудная» и «легкая» проблема сознания. В свою очередь, В.В. Васильев справедливо указывает, что проблема «сознания и мозга» находится на более высоком уровне обобщения знаний, чем попытка дать рецепцию функциональным или феноменологическим качествам исключительно сознания. Философ во вступлении к рубрике журнала, где описывались актуальные тенденции и проблемы философии сознания, пишет следующее: «Трудная проблема сознания – это проблема субъективного опыта, наших приватных переживаний. Ее можно рассматривать как заострение более широкой проблемы “сознание – тело”, которая в свою очередь является вопросом об онтологическом статусе сознания, понятого как внутренний мир, совокупность квалиа, “феноменальное сознание” (проблема сознания в смысле “сознания доступа”, описываемого метафорой глобального рабочего пространства и соотнесенного с обыденным пониманием сознания, относится к числу легких проблем). Проблема “сознание – тело”, распадающаяся на ряд более конкретных вопросов, решение каждого из которых позволяет продвигаться в решении этой общей проблемы» [Васильев 2022, 737].

Очевидно, что в настоящее время в дискуссиях философов, относящих себя к аналитической традиции или к философии сознания в общем, обнаруживается плюрализм теорий и представлений, где выявляются противолежащие идеи. В частности, подход Д. Деннета

и Дж. Серла являются противоположностями друг друга, точно так же как интеракционизм и эпифеноменализм. В целом современный эпифеноменализм, где исходным тезисом служит утверждение, что «ментальные состояния <...> не имеют никакого каузального влияния на поведение», а «сознание – не больше чем тень физических событий» [Волков 2019, 55], восходит к представлениям Дж. Уотсона [Watson 1913] и реализовались в завуалированной форме у Б.Ф. Скиннера [Skinner 1976]. На сегодняшний день подобная позиция распространена, но не в философском дискурсе; она служит основой для упрощенной формы физикализма (например, в классической биологии, аналитической химии или медицинских науках).

Вторая группа теорий может быть объединена по объектной области исследования и начинается в плоскости логико-математического знания, а позже развивается в теориях машинного обучения и информатики. Здесь идеиное ядро принадлежит А. Тьюрингу и А. Черчу, а также Дж. фон Нейману [Нейман 2023], но современные дискуссии обусловлены деятельностью известных популяризаторов фундаментального естествознания – Р. Пенроуза [Пенроуз 2022, 338–399], Д. Дойча [Дойч 2017, 199–227], Дж. Аль-Халили (J. Al-Khalili) и Дж. МакФадден (J. McFadden) [Al-Khalili 2015]. В рамках близких направлений описания проблемы «сознание – мозг» можно выделить подход Н. Хомского, который, находясь в контексте лингвистического подхода, активно привлекает актуальные достижения естествознания. В качестве одного из выводов в работе «О природе и языке» в разделе «Язык и мозг» указывается на перспективы развития квантовых исследований в определении структуры и функционирования того, что можно обозначить как «сознание» [Хомский 2023, 94–135]. Данная формулировка и в целом ход рассуждений близок представлениям Р. Пенроуза, изложенным в ряде статей и, в особенности, в переизданиях труда «Новый ум короля: О компьютерах, мышлении и законах физики» [Пенроуз 2022, 366–371].

Третья группа представлена достижениями когнитивных наук и исследованиями в области нейрофизиологии. Различие с пред-

шествующей группой выражается в акцентировании внимания на психофизиологической проблеме с позиций физиологической организации психики человека. Вопрос о сознании выявляется как следствие из теории и практики изучения структуры мозга, высшей нервной системы, химических и электродинамических процессов, молекулярно-атомарного устройства органического вещества. Здесь можно выделить исследования Г. Нортхоффа [Northoff 2018], который «предлагает сместить фокус внимания с сознания и мозга на отношения между мозгом и миром как необходимое условие возникновения феноменальных свойств и сознания» [Жудина 2022, 793]. Отдельно отметим отечественного популяризатора нейробиологии В.А. Дубынина и исследования Института перспективных исследований мозга при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, возглавляемого К.В. Анохиным.

Четвертая группа может быть обозначена по методологическому критерию, где основой являются достижения «группы Сантьяго» (У. Матурана и Ф. Варела) и идея «системного подхода к описанию жизни». Здесь выделяется комплексное изложение достижений системного подхода к проблеме «жизни» Ф. Капра и П.Л. Луизи и в особенности их коллективный труд «Системный взгляд на жизнь: Целостное представление». В разделе «Разум и сознание» предлагается исключить принципы детерминизма в пользу современных представлений о самоорганизующихся системах, где объединяются кибернетика, синергетика и философский дискурс на природу разума и феномена сознания [Капра 2020, 252–273]. Проблематика соотношения сознания, мозга и когнитивной активности является значимой частью концепции «системного описания жизни».

Отдельно выделим информационный подход Д.И. Дубровского, объединяющий развитие информационных наук и историю философских дискуссий о проблеме «сознание – мозг». А.А. Жудина справедливо отмечает, что «в современных междисциплинарных исследованиях проблемы сознание – мозг особый интерес представляют информационные подходы, согласно которым процессы в мозге понимаются как информационные: мозг получает сигнал, обрабатывает его, и содержание сиг-

нала может стать доступным сознанию» [Жудина 2024б, 39], где кибернетика оказала существенное влияние на объяснение принципов передачи информации в органических структурах. Действительно, Н. Винер, один из родоначальников кибернетики, обозначал проблемы математического формулирования структур мышления и сознания в целом как одну из наиболее сложных, но и перспективных в будущем информационных наук [Wiener 1985]. Д.И. Дубровский учитывал историю развития кибернетики и появление синергетических моделей описания систем (предположительно в интерпретации Г. Хакена), однако продолжал подчеркивать, что существующих эвристических моделей недостаточно для понимания психических явлений. В труде «Психические явления и мозг» (1971) он пишет: «В едином контексте разнотипных психических явлений идеальное выступает в качестве наиболее “стренной” и наиболее трудной для научного понимания стороны психики» [Дубровский 1971, 164]. При этом российский ученый аккуратно и осторожно высказывается о перспективах фундаментальной физики в окончательном решении вопроса об источнике сознания и его взаимосвязи с физическим носителем. В подобной же манере не даются эксплицитные суждения о возможности разобщения сознательных и физических источников системы «сознание – мозг». То есть отсылки к теориям русского космизма, где информационные формы существует вне предметной действительности источника информации, не высказываются. Более того, позиция Д.И. Дубровского отличается крайней умеренностью и по отношению к позициям физикализма и философским моделям функционализма в объяснении сознания. А.А. Жудина в статье «Информационные концепции сознания Д.И. Дубровского и Д. Чалмерса» обозначает единство дискурса в представления Т. Нагеля, Д. Чалмерса и Д.И. Дубровского». «Однако ключевой предмет дискуссий о демаркации «легкой» и «трудной» проблемы сознания российскому ученому представляется «условным, поскольку с позиции третьего лица субъективная реальность не исследуется. Он предлагает путь к решению проблемы “сознание – мозг” с позиции первого лица с помощью дискретизации континуума

субъективной реальности» [Жудина 2024а, 139]. Так, разделение на психофизиологическую и психическую проблему (включающее дискуссию «трудных» и «легких» вопросов о сознании) уже обозначено в истории философии и науки, а применять философские обобщения к объектной области физического основания когнитивных процессов так же затруднительно, как и использовать редукционизм эмпирических данных для объяснения сложности целостного феномена естественного сознания. Иначе говоря, есть вопросы, решаемые в точном естествознании и эмпирических исследованиях, а есть группа проблем требующих философских обобщений и новых методологических подходов. Они должны дополнять друг друга, но не подменять исходные позиции. Следовательно, не обоснованы как утверждения об исключительности мозга как источника сознания, так и суждения о том, что сознание не обусловлено физическим носителем. Однако это не возвращение к позиции декартовского дуализма, а использование актуальных положений теории систем, в частности синтеза кибернетики и синергетики при объяснении свойств и качеств целостных систем. Здесь стоит добавить, что операции «корреляции» и «корреляционного отношения», обозначенные в поздних трудах неокантинцев (в том числе в русской традиции [Владимиров 2017]), а позже в теории конструктивизма и в истории французской философии (подразумеваются методы деконструкции и модель «ризомы»), уже обозначили несводимость многих естественных форм существования системных отношений исключительно к линеарным схемам и детерминизму.

Стоит согласиться содержанной критикой Д.И. Дубровского, так как доводы и аргументы о «бостонском зомби» Д. Деннетта или о «жизни летучей мыши» Т. Нагеля не отличаются полнотой знания и не могут быть верифицированы в корреляции теории и практики естественнонаучных исследований [Дубровский 2002]. Достаточно подробный разбор данных аргументов представлен в исследованиях В.А. Лекторского [Лекторский 2016], В.В. Васильева и Д.Б. Волкова [Волков 2019], Д.Э. Гаспарян [Гаспарян 2014] и Д.В. Мамченкова [Мамченков 2017]. Действительно, подобные мыслительные конструкции избега-

ют последовательной согласованности теорий понимания когнитивных процессов как сложных явлений, включающих нематериальные причины, то есть понятия истины и истинности, культурные и социальные факторы, детерминацию массовыми общественными процессами и элитарными эстетическими феноменами [Дубровский 2013]. В свою очередь, ссылки подобных аргументаций к достижениям естествознания и фундаментальных наук в целом крайне ограничены достижениями классической науки, и лишь в редких случаях используются фрагментарные данные из области нейронаук. При этом это происходит без ссылок на естествознание любые формы физикализма, апеллирующие к эволюционным теориям, биологическим наукам или фундаментальной физике, они должны быть обеспечены актуальными исследованиями, а не только ссылками на теории механицизма или ранних форм дуализма.

Рассмотрение проблемы «сознание – мозг» предполагает (1) привлечение актуального естественнонаучного контекста или (2) ограничение исследуемого феномена вопросами, которые находятся исключительно в контексте философского дискурса, что было предпринято в рамках трансцендентального метода Э. Гуссерля и последующей традиции феноменологии. Но при обсуждении взаимосвязи физического и психического основания когнитивных процессов и тем более для интеграции теорий сознания в область прикладных наук, в том числе в информационные науки, требуется делегирование исследовательских этапов. Последнее может привести к редукционизму. Преодоление недостатков редукционизма возможно посредством разделения исследования на этапы, где выявляются существенные качества и свойства при сохранении системного представления о сложности и целостности рассматриваемого объекта. В предложенном подходе Д.И. Дубровского осуществлено разграничение по: 1) методологии (системный, структурный, дуалистический подходы и т. д.); 2) предмету исследования (какие качества и структурные компоненты выступают основой для исследовательской практики); 3) исходным предположениям (эмпирическим и теоретическим); 4) целившему основанию (для каких конкретных це-

лей и задач исследуются структуры мозга или феномен сознания) [Дубровский 1971].

При формулировании основных компонентов Д.И. Дубровский уточняет диспозицию субъективной реальности и физической действительности. Если «совокупность психических явлений» составляет основу для субъективной реальности, то объективное основание данных процессов не представлено для сознания, так как «мозговые процессы – от переживающего скрыты» [Жудина 2024а, 137]. Здесь обнаруживается общность с суждениями Д. Чалмерса. Однако он выделяет «два аспекта ментального – психологическое и феноменальное» [Жудина 2024а, 138], которые существуют в единой функциональной взаимосвязи и образуют внутреннее и внешнее содержание ментальных состояний, которые имплицитно обозначают сознание.

В контексте актуальных дискуссий значимым представляется выявление содержательного, или качественного, уровня в понимании системы когнитивных процессов. П.Д. Абрамов указывает, что у Д.И. Дубровского выявляется как минимум шесть компонентов в описании соотношения «сознания – мозг» (или «параметры субъективной реальности»): 1) временной; 2) содержательный (или качественный); 3) формальный; 4) истиный; 5) ценностный; 6) деятельностный, или волевой) [Абрамов 2017, 154]. Одним из ключевых моментов в описании соотношения сознательного и физического выступает понимание причинности и формы взаимосвязи: «Психическая причинность является видом информационной причинности, отличие которой от обычной физической причинности определяется принципом инвариантности информации по отношению к свойствам ее физического носителя», таким образом, «сознание влияет на тело как информационная причина» [Абрамов 2017, 153].

Выделенные компоненты могут быть обозначены как источник дифференциации эвристических стратегий описания единства феномена сознание-мозг. Если для развития машинного обучения и технологий построения интеллектуальных систем требуется формирование новых эвристических стратегий, то логико-математическое формулирование первых трех компонентов позволяют в перспективе

преодолеть проблему «комбинаторного взрыва». В общем виде данная проблема составляет одну из трудностей обработки больших массивов данных, когда при повторении циклов обработки информации осуществляется экспоненциальный «взрыв» первичных функций и данных, приводящий к появлению сверх-экспоненциального роста. В подобных обстоятельствах работа системы или останавливается, или требует дополнительных ресурсов для поддержания процесса обработки данных. На текущий момент нет исчерпывающих технологических решений о возможности преодоления проблемы «разброса», обозначенной еще в «Отчете Лайтхилла» в 1973 г., кроме создания оптимальных эвристических систем запроса и корректировки процесса со стороны внешнего оператора посредством внесения дополнительных обобщений или осуществления математического переноса данных.

Другой положительной чертой теории Д.И. Дубровского выступает принципиальная нередукционистская позиция о соотношении «сознания – мозга». Упрощение или элиминация смысловых контекстов без потери формообразующих факторов возможна только при рассмотрении физической стороны вопроса, где не подразумевается ответ на вопрос об источниках и телеологических основаниях сознания. Отграничиваая понятие «физической реальности» от соотносительных понятий «объективной» и «субъективной» реальности, Д.И. Дубровский позволяет обозначить существующие различия при схематизации структур мышления и целостного когнитивного восприятия [Жудина 2024].

Если мышление можно представить в виде правильных логических последовательностей, что в истории философии и науки было предпринято Б. Расселом, Л. Витгенштейном и Т. Нагелем, то схематизировать целостное восприятие через понятие «сознание окружающей физической действительности» проблематично. Ярким примером выступает эстетическое и художественное созерцание, которое объективно отражает внешние объекты во внутреннем «созерцании» человека или в субъективной реальности. Однако рационализировать эстетическое созерцание или акт «нуминозного опыта» затруднительно. Присвоить значения истинности или ложности

«процессу» восприятия ценности культурных или художественных образов в строгих линейных функциях невозможно. Даже современные методы нелинейной обработки информации не справляются в ближайшем будущем с вопросами о ценности эстетических образов и их значения для истории мировой культуры. Данная тематика широко обсуждалась в философии с конца XIX в. и стала отдельным предметом исследования в неокантианской традиции (в том числе в среде русских неокантианцев – в статьях Б.А. Фохта и В.Э. Сеземана), а позже в философии искусства и с середины XX в. в теории социального конструктивизма П. Бергера и Т. Лукмана.

Как итог, предложенное методологическое решение о разделении объективной, субъективной и физической реальности позволяет выделить те когнитивные процессы, которые могут быть схематизированы или описаны логико-математическим языком. Без последнего невозможно запустить функции интеллектуальных систем, которые способны к самообучению на заданном и не строго определенном массиве данных. Подчеркнем, что вне зависимости от развитости искусственной интеллектуальной системы она по-прежнему требует запуска отдельных модулей посредством компилятора и наличия оформленной искусственной языковой структуры (то есть языка программирования). В свою очередь, правильно оформленные языки программирования не могут быть построены на принципах индeterminизма, так как даже стохастические методы математики и в особенности теоретической физики не поддаются прямому переносу в функционал нейронных сетей.

В условиях существования плюрализма философских теорий об источниках и проявлениях когнитивных способностей человека (интенциональных, интенсиональных, феноменальных, трансцендентных и пр.), говорить о наличии единой эвристической модели, применимой для прикладных задач информационных наук, затруднительно. Общественные и массово-культурные интерпретации возможностей и функционирования интеллектуальных систем усложняют имеющийся дискурс, так как понятие «интеллект» приобретает устойчивую аналогию с феноменом «сознание» [Белов 2024].

В контексте актуальных дискуссий информационный подход Д.И. Дубровского, который начал формироваться еще в конце 1960-х гг. и постоянно актуализировался передовыми достижениями философии, естествознания и социально-гуманитарных наук, представляется оптимальным источником для схематизации процессов естественного мышления без отсылок к проблематике источника и происхождения сознания как отдельного феномена. При этом в концепции Д.И. Дубровского есть описание механизмов преодоления недостатков редукционизма, при которых сложные психические явления упрощаются до уровня физиологических операций или сводятся исключительно к физическому основанию [Дубровский 2013]. Таким образом, исследователи в области машинного обучения и информационных наук в целом, используя схематизацию первых трех уровней описания проблемы «сознание – мозг» (временной, содержательный, или качественный, и формальный), могут учитывать возможные погрешности и некогерентность логико-математических описаний (и математического моделирования естественного мышления в целом) с системностью и неразрывной целостностью естественного сознания. Подчеркнем, что кроме проблем наличия оператора и необходимости корректировки вводных данных у современных интеллектуальных систем существует трудность с обобщением и логико-математическим переносом данных и информации в целом при отсутствии непосредственных линейных и рекурсивных связей. Естественное сознание и соответствующие ему структуры мышления способны сделать вывод или обобщить большие массивы информации без очевидных и точных последовательных связей. При отсутствии необходимого количества и качества эмпирических фактов человеческое мышление способно к построению теоретического знания, обладающего статусом универсальных закономерностей, которые потом становятся регулятивными основаниями для практико-прикладной деятельности. К сожалению, на сегодняшний день нет известных фактов применения интеллектуальных систем для построения фундаментального и универсального знания, где, подчеркнем, отсутствует деятельность оператора по вводу

первичных данных и корректировке в процессе работы алгоритмов. Более того, первичные алгоритмические данные «пред-задают» область обработки информации, и без нахождения новых эвристических моделей решить данную проблематику сложно. Таким образом, адаптация исследований Д.И. Дубровского создает возможность для разработки эвристической модели, способной преодолеть проблематику «комбинаторного взрыва», логических обобщений и ошибки при математическом переносе больших массивов данных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов 2017 – Абрамов П.Д. Сильные и проблемные стороны информационной концепции сознания // Философские науки. 2017. №10. С. 151–159.
- Белов 2024 – Белов В.Н., Малофеин С.А. Модели объяснения сознания в контексте проблемы определения сильной формы ИИ // Актуальные социально-политические исследования. 2024. № 4 (14). С. 89–100.
- Васильев 2022 – Васильев В.В. Философия сознания: введение // Вестник РУДН. Серия: Философия. № 4 (22). 2022. С. 735–739.
- Владимиров 2017 – Владимиров П.А. Значение критики «нового психофизиологического закона» А.И. Введенского в русской философии // Кантовский сборник. 2017. № 1 (36). С. 52–65.
- Волков 2019 – Волков Д.Б. Бостонский зомби: Д. Деннет и его теория сознания. М.: ЛЕНАНД, 2019.
- Гаспарян 2014 – Гаспарян Д.Э. В защиту феноминального сознания: Аргументы против физикализма в современной аналитической философии (Часть 2) // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2014. № 1 (7). С. 52–85.
- Дойч 2017 – Дойч Д. Структура реальности: Наука параллельных вселенных. М.: Альпина нон-фикшн, 2017.
- Дубровский 1971 – Дубровский Д.И. Психические явления и мозг: философский анализ проблемы в связи с некоторыми актуальными задачами нейрофизиологии, психологии и кибернетики. М.: Наука, 1971.
- Дубровский 2002 – Дубровский Д.И. Проблема идеального. Субъективная реальность. М.: Канон+, 2002.
- Дубровский 2012 – Дубровский Д.И. Субъективная реальность и мозг. К вопросу о полувековом

- опыте разработки «трудной проблемы сознания» в аналитической философии // Эпистемология: перспективы развития. М.: Канон+, 2012. С. 229–273.
- Дубровский 2013 – Дубровский Д.И. Проблема «сознание и мозг»: информационный подход // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 4. С. 92–98.
- Жудина 2022 – Жудина А.А. Нейрофилософский подход Георга Нортхоффа // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2022. № 4 (26). С. 790–804.
- Жудина 2024а – Жудина А.А. Информационные концепции сознания Д.И. Дубровского и Д. Чалмерса // Философский журнал. 2024. № 3 (17). С. 135–149.
- Жудина 2024б – Жудина А.А. Функционалистская теория сознания Д.И. Дубровского // Вестник Московского университета. Серия 7, Философия. 2024. № 5 (48). С. 38–53.
- Капра 2020 – Капра Ф., Луизи П.Л. Системный взгляд на жизнь: Целостное представление. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2020.
- Лекторский 2016 – Лекторский В.А. О возможностях чужой субъективности (комментарий к тексту Т. Нагеля «Что значит быть летучей мышью (What's Like to be a Bat?) // Анатомия философии: как работает текст. М.: Дом ЯСК, 2016. С. 897–908.
- Мамченков 2017 – Мамченков Д.В. «Трудная проблема» аналитической философии // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2017. № 2 (21). С. 222–228.
- Нейман 2023 – фон Нейман Дж. Вычислительная машина и мозг. М.: ACT, 2023. 192 с.
- Пенроуз 2022 – Пенроуз Р. Новый ум: О компьютерах, мышлении и законах физики. М.: УРСС, 2022.
- Серл 2002 – Серл Дж. Открывая сознание заново. М.: Идея-Пресс, 2002.
- Хомский 2023 – Хомский Н. О природе и языке. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2023.
- Agar 2003 – Agar J. The Government Machine: A Revolutionary History of the Computer. Cambridge: MIT Press, 2003.
- Al-Khalili 2015 – Al-Khalili J., McFadden J. Life on the Edge. The Coming of Age of Quantum Biology. London: Black Swan, 2015.
- Chalmers 1997 – Chalmers D.J. The Conscious Mind. In Search of a Fundamental Theory. Oxford: Oxford University Press, 1997.
- Dennet 1991 – Dennett D. Consciousness Explained. Boston: Little Brown and Co, 1991.
- Northoff 2018 – Northoff G. The Spontaneous Brain. From the Mind-Body to the World-Brain Problem. Cambridge: The MIT Press, 2018.
- Skinner 1976 – Skinner B.F. Particulars of my life. N. Y.: Publ. by Alfred A. Knopf, 1976.
- Turing 1950 – Turing A. Computing machinery and intelligence // Mind. 1950. Vol. 59. P. 433–460.
- Watson 1913 – Watson J. Psychology as the behaviourist views it // Psychological review. 1913. Vol. 20. P. 158–177.
- Wiener 1985 – Wiener N. Cybernetics: or control and communication in the animal and the machine. N. Y.: The MIT Press, 1985.

REFERENCES

- Abramov P.D., 2017. Strengths and weaknesses of the information concept of consciousness. *Filosofskiye nauki*, 2017, no. 10, pp. 151–159.
- Belov V.N., Malofeykin S.A., 2024. Models of explaining consciousness in the context of the problem of defining a strong form of AI. *Aktual'nyye sotsial'no-politicheskiye issledovaniya*, vol. 14, no. 4, pp. 89–100.
- Vasil'yev V.V., 2022. Philosophy of consciousness: an introduction. *Vestnik RUDN. Seriya: Filosofiya*, vol. 22, no. 4, pp. 735–739.
- Vladimirov P.A., 2017. The significance of A.I. Vvedensky's criticism of the “new psychophysiological law” in Russian philosophy. *Kantovskiy sbornik*, vol. 36, no. 1, pp. 52–65.
- Volkov D.B., 2019. *The Boston Zombie: D. Dennett and His Theory of Consciousness*. Moscow, LENAND.
- Gasparyan D.E., 2014. In Defense of Phenomenal Consciousness: Arguments Against Physicalism in Contemporary Analytical Philosophy (Part 2). *Filosofskiye problemy informatsionnykh tekhnologiy i kiberprostranstva*, vol. 7, no. 1, pp. 52–85.
- Dubrovskiy D.I., 1971. *Mental Phenomena and the Brain: A Philosophical Analysis of the Problem in Relation to Some Current Issues in Neurophysiology, Psychology, and Cybernetics*. Moscow, Nauka.
- Dubrovskiy D.I., 2002. *The problem of the ideal. Subjective reality*. Moscow, Kanon.
- Dubrovskiy D.I., 2012. Subjective Reality and the Brain. On the Half-Century Experience of the “Hard Problem of Consciousness” in Analytical Philosophy. *Epistemologiya: perspektivy razvitiya*. Moscow, Kanon, pp. 229–273.
- Dubrovskiy D.I., 2013. The Problem of Consciousness and the Brain: An Informational Approach. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye*, no. 4, pp. 92–98.
- Zhudina A.A., 2022. Georg Northoff's Neurophilosophical Approach. *RUDN University Bulletin. Series: Philosophy*, vol. 26, no. 4, pp. 790–804.
- Zhudina A.A., 2024a. Informational Concepts of Consciousness by D.I. Dubrovsky and

- D. Chalmers. *Filosofskiy zhurnal*, vol. 17, no. 3, pp. 135-149.
- Zhudina A.A., 2024b. The Functionalist Theory of Consciousness by D.I. Dubrovsky. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya*, no. 5 (48), pp. 38-53.
- Capra F., Luizi PL., 2020. *A systemic view of life: A holistic perspective*. Moscow, URSS, LENAND.
- Lektorskiy V.A., 2016. About the possibility of someone else's subjectivity (commentary on T. Nagel's text "What does it mean to be a Bat?"). *Anatomiya filosofii: kak rabotayet tekst*, Moscow, Dom. Pp. 897-908.
- Mamchenkov D.V., 2017. The "Hard Problem" of Analytical Philosophy. *Vestnik RUDN. Seriya: Filosofiya*, vol. 21, no. 2, pp. 222-228.
- Neiman J., 2023. *Computing machine and brain*. Moskva, AST.
- Penrouz R., 2022. *The New Mind: About Computers, Thinking, and the Laws of Physics*. Moscow, URSS.
- Sorl Dzh., 2002. *Rediscovering consciousness*. Moscow, Ideya-Press.
- Khomskiy N., 2023. *About nature and language*. Moscow, URSS, LENAND.
- Agar J., 2003. *The Government Machine: A Revolutionary History of the Computer*. Cambridge, The MIT Press.
- Al-Khalili J., McFadden J. *Life on the Edge. The Coming of Age of Quantum Biology*. London, Black Swan, 2015.
- Chalmers D.J., 1997. *The Conscious Mind. In Search of a Fundamental Theory*. Oxford, Oxford University Pr.
- Dennett D., 1991. *Consciousness Explained*. Boston, Littl Brown and Co.
- Northoff G., 2018. *The spontaneous Brain. From the Mind-Body to the World-Brain Problem*. Cambridge, The MIT Press.
- Skinner B.F., 1976. *Particulars of my life*. New York, Publ. by Alfred A. Knopf.
- Turing A., 1950. Computing machinery and intelligence. *Mind*, vol. 59, pp. 433-460.
- Watson J., 1913. Psychology as the behaviourist views it. *Psychological review*, vol. 20, pp. 158-177.
- Wiener N., 1985. *Cybernetics: or control and communication in the animal and the machine*. New York, The MIT Press.

Information About the Author

Sergey A. Malofeykin, Postgraduate Student, Department of Ontology of the Theory of Knowledge, RUDN University, Miklukho-Maklaya St, 6, 117198 Moscow, Russian Federation, student_science_iss_ran@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0007-2490-8514>

Информация об авторе

Сергей Александрович Малофейкин, аспирант кафедры онтологии теории познания, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198 г. Москва, Российская Федерация, student_science_iss_ran@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0007-2490-8514>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.4.4>UDC 1:37.064.2
LBC 87.751.72Submitted: 29.09.2025
Accepted: 15.10.2025

CARE IN THE EDUCATIONAL PROCESS

Tatyana S. Gorina

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Annotation. The article analyzes the role of care in the educational process. The evolution of ideas about care in philosophy from antiquity to modern times is explored. It is noted that care is understood not only as a private matter but is also found in public life. The temporal aspect of care is highlighted: it can be directed both at the present and the future, ensuring the well-being of future generations. The study of care in education includes an analysis of its fundamental components, necessary characteristics, goals, levels, motivation, as well as parameters for assessing the quality of the activity in which care is manifested. In the educational process, care implies purposeful, conscious actions by the teacher, focused on satisfying the needs and interests of students, protecting them from dangers and threats, and assisting them in realizing their potential. Furthermore, care is associated with the teacher's willingness to accept responsibility for the consequences of these actions. Care fosters a trusting educational environment in which students feel safe, supported, recognized, and respected. This helps them perceive learning as a collaborative process, learn to care for themselves and others, and make independent decisions. It is noted that various types of care are manifested in pedagogical activity, including epistemic care, which characterizes the relationships between participants in the educational process as bearers of knowledge. The limitations that prevent a teacher from creating a caring-based interaction are considered. The importance of teacher self-care is emphasized, which requires some effort but is necessary for their well-being, personal preservation, achievement of educational goals, and prevention of the negative consequences of care.

Key words: care, educational process, education, self-care, epistemic care, well-being, trust, responsibility.

Citation. Gorina T.S. Care in the Educational Process. *Logos et Praxis*, 2025, vol. 24, no. 4, pp. 35-42. (in Russian).
DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.4.4>

УДК 1:37.064.2

ББК 87.751.72

Дата поступления статьи: 29.09.2025

Дата принятия статьи: 15.10.2025

ЗАБОТА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Татьяна Сергеевна Горина

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется роль заботы в образовательном процессе. Исследуется эволюция представлений о заботе в философии от Античности до современности. Отмечается, что забота понимается не только как частное дело, но обнаруживается и в общественной жизни. Обращается внимание на темпоральный аспект заботы: она может быть направлена как на настоящее, так и на будущее, обеспечение благополучия следующих поколений. Изучение заботы в образовании включает анализ ее фундаментальных составляющих, необходимых характеристик, целей, уровней, мотивации, а также параметров, позволяющих оценить качество деятельности, в которой проявляется забота. В образовательном процессе забота подразумевает целенаправленные, осознанные действия педагога, ориентированные на удовлетворение потребностей, интересов обучающихся, защиту их от опасностей и угроз, помочь в реализации возможностей. Кроме того, забота предполагает готовность педагога нести ответственность за последствия указанных действий. При помощи заботы формируется доверительная образовательная среда, в которой учащиеся чувствуют себя в безопасности, получают поддержку, уважение, признание, благодаря чему они воспринимают обучение как сотрудничество, учатся заботиться о себе и других, принимать самостоятельные решения. Отмечается, что в педагогической деятельности проявляются различные виды заботы, в том числе эпистемическая

забота, характеризующая отношения между участниками образовательного процесса как носителями знаний. Рассматриваются ограничения, препятствующие учителю выстраивать взаимодействие, основанное на заботе. Подчеркивается важность заботы педагога о себе, которая требует определенных усилий, но необходима для его благополучия, сохранения себя как личности, достижения образовательных целей, предотвращения негативных последствий заботы.

Ключевые слова: забота, образовательный процесс, образование, забота о себе, эпистемическая забота, благополучие, доверие, ответственность.

Цитирование. Горина Т. С. Забота в образовательном процессе // Logos et Praxis. – 2025. – Т. 24, № 4. – С. 35–42. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.4.4>

Развитие цифровых технологий, в том числе искусственного интеллекта, пандемия COVID-19 и растущее культурное разнообразие привели к переосмыслению процесса образования, изменению отношения к потребностям его участников, переоценке используемых методов и приемов, показателей успеваемости учеников, необходимых педагогу компетенций, а также роли заботы, эмпатии и безопасности в образовательной деятельности. Указанные факторы стимулировали поиск новых подходов для создания благоприятных условий обучения, управления эмоциональным благополучием, выстраивания системы социальной поддержки учащихся и сотрудников образовательных учреждений.

Забота как объект исследования интересовала уже античных авторов, в том числе Сократа, Платона, Исократа, Ксенофonta, Аристотеля, Цицерона, Сенеку, Эпиктета и др. По мнению Сократа, для людей любого возраста важно прежде всего заботиться «о душе, чтобы она была как можно лучше», так как «не от денег рождается доблесть, а от доблести бывают у людей и деньги и все прочие блага, как в частной жизни, так и в общественной» [Платон 1990, 84]. Забота понимается как неравнодушное, деятельное отношение к чему-либо или кому-либо как важному, значимому, направленное на его поддержание или благо. Роль заботы в сохранении целостности человека подчеркивается в греко-римском мифе «Забота», найденном в латинском сборнике мифов II в. нашей эры [Гигин 2017, 260–261].

Философские исследования заботы в Средние века связаны с именами Тертулиана, Оригена, Аврелия Августина, Бонавентуры и др. В работах Августина Блаженного забота рассматривается в контексте христианских ценностей, таких как милосердие, сострадание, справедливость, нравственное ру-

ководство. Он понимает заботу как моральный долг, основанный на милосердии, характеризующийся любовью к Богу и ближнему, которая ставит благополучие других на первое место. Забота, в том числе о слабых и нуждающихся, подразумевает действия не ради собственной выгоды, а для общего блага [Блаженный Августин 1998].

Изучением заботы в Новое время занимались Р. Декарт, Б. Спиноза, И. Кант, Ф. Ницше и др. Р. Декарт считал, что каждый человек, насколько способен, обязан проявлять заботу о благополучии других, ведь тот, кто не делает ничего полезного для окружающих, не имеет настоящей ценности. Вместе с тем наши заботы должны выходить за пределы текущего момента, поэтому иногда стоит отказаться от того, что могло бы приносить пользу ныне живущим, чтобы сосредоточиться на тех делах, которые окажутся более полезными для потомков [Декарт 1953, 58].

В XX в. забота привлекла внимание М. Хайдеггера [Хайдеггер 1993; 1997; 1998]. Он понимает заботу как «экзистенциально-онтологический основофономен» [Хайдеггер 1997, 196], фундаментальную структуру человеческого бытия (*Dasein*). М. Хайдеггер отличает заботу от связанных в неё желания, влечения, стремления, воли. Внешними проявлениями заботы выступают озабочение, выражющее отношение к вещам, и заботливость, раскрывающая отношение с другими. М. Хайдеггер выделяет следующие позитивные модусы заботливости: заменяюще-подчиняющий и заступнически-освобождающий [Хайдеггер 1998].

М. Фуко изучает заботу прежде всего в контексте заботы о себе, ее исторической трансформации и влиянии на существование человека [Фуко 1998; 2007; 2008]. Он рассматривает заботу о себе в рамках традиции, вос-

ходящей к Сократу, считавшему заботу о себе предпосылкой этического поведения и способности заботиться о других. М. Фуко предлагает различать три аспекта понятия заботы о себе: 1) установка по отношению к себе, к другим и к миру; 2) направление внимания с того, что является внешним для человека, на самого себя; 3) практики, в которых реализуется забота о себе и при помощи которых заботящийся о себе человек изменяется, преображается [Фуко 2007, 23]. Он отличает заботу о себе от современного идеала самопознания, подчеркивая, что забота предшествует самопознанию, включает его в себя, а не сводится к нему.

Э. Фромм трактует заботу как проявление ориентации «быть»: «При установке на бытие счастье состоит в любви, заботе о других, самопожертвовании» [Фромм 1986, 107]. Отказ от установки на обладание, «требование проявлять социальную активность в духе заботы о человеке и человеческой солидарности» объединяют идеи Будды, М. Экхарта, К. Маркса и А. Швейцера [Фромм 1986, 185]. В заботе реализуется любовь, которая «усиливает ощущение полноты жизни» и представляет собой «процесс самообновления и самообогащения» [Фромм 1986, 74]. Э. Фромм считает, что забота должна быть направлена как на настоящее, так и на будущее: «Настоящая забота означает, что она распространяется не только на всех наших современников, но также и на наших потомков» [Фромм 1986, 211].

В докладе Международной комиссии по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее» подчеркивается необходимость заботы об окружающей среде при тесном сотрудничестве различных стран [Наше общее будущее... 1989]. Отмечается, что забота является значимым фактором человеческого благополучия, равенства и устойчивого развития. Для обеспечения последнего необходима «забота о социальной справедливости по отношению к разным поколениям, забота, которая логически должна быть распространена на отношения справедливости к различным слоям населения в пределах каждого поколения» [Наше общее будущее... 1989, 50].

Таким образом, забота понимается не только как частное дело, она обнаруживается как в

личной, так и в общественной сфере. Важный вклад в изучение философских аспектов заботы в современном образовательном процессе был внесен при анализе обучения в школе.

По мнению Н. Ноддингс, забота является основой образования, способствует удовлетворению познавательных и моральных потребностей ученика, формирует навыки взаимодействия с другими людьми, поощряя служение обществу. Н. Ноддингс противопоставляет свой подход моделям образования, ориентированным исключительно на передачу знаний при игнорировании эмоционального и социального развития учащихся [Noddings 1984; 2002; 2003].

Л. Мортари указывает на отологическую значимость заботы, выделяя ее активный и пассивный уровни, уделяя особое внимание этическим основам и практическим аспектам заботы в образовательной деятельности [Мортари 2016; Mortari 2022; Mortari, Valbusa, Ubbiali 2025]. По ее мнению, забота в образовании «находит свой экзистенциальный смысл в том, чтобы принимать близко к сердцу существо другого человека со всем его потенциалом» [Mortari 2022, 172]. Однако такая забота не предполагает полный перенос на учителя ответственности за благополучие ученика, так как это означало бы лишение последнего его онтологической ответственности, что противоречит цели образования.

Исследователи заботы в образовании анализируют ее фундаментальные составляющие и необходимые характеристики и выделяют параметры, позволяющие оценить качество деятельности, в которой проявляется забота. Подчеркивается, что цель заботы, реализуемой во взаимодействии учителя и ученика, состоит в оказании помощи последнему [Володин 2024, 10]. Изучаются уровни заботы в образовательном процессе и мотивация поведения, ориентированного на заботу. Отмечается, что тот, кто совершает такого рода действия, получает награду в виде самореализации. Понимание и переживание ценности, значимости заботы для жизни учеников также придает смысл ее осуществлению [Баранов, Белокрылова 2007; Андреева 2009; Mortari 2022].

В документах, регулирующих образование в России, понятие «забота» используется

редко, но подразумевается при характеристике условий обучения и успешной работы как учеников, так и учителей. Согласно профессиональному стандарту, педагог должен уметь понимать и принимать обучающихся, признавать и защищать их достоинство и интересы, а также «помогать детям, оказавшимся в конфликтной ситуации и/или неблагоприятных условиях» [Приказ ... web]. В ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» отмечается, что «обучающиеся обязаны <...> заботиться о сохранении и об укреплении своего здоровья» (ст. 43, п. 3) [Федеральный закон... web].

Хотя забота, как правило, присутствует в современной педагогической деятельности, она не всегда осознается и выделяется как ее значимый фактор. Понимание важности и ценности заботы предполагает, что она должна быть замечена, признана как объектом заботы, так и другими заинтересованными сторонами образовательного процесса, в том числе администрацией учебных заведений.

Неслучайный характер заботы в образовательной среде объясняется тем, что она связана как с удовлетворением жизненных потребностей индивида, защитой его от различных опасностей и угроз, так и с помощью в реализации возможностей другого человека, воспринимаемого как личность. Забота в образовании выходит за пределы простой эмпатии и подразумевает целенаправленные, осознанные действия, ориентированные на интересы и цели каждого учащегося, а также готовность учителя прикладывать усилия для создания условий для обеспечения благополучия учеников. Высокая степень ответственности в таких случаях обусловлена непредсказуемыми и радикальными последствиями ошибки в осуществлении заботы.

Благодаря заботе создается сообщество, в котором учащиеся чувствуют безопасность, в том числе психологическую, получают поддержку, признание, что способствует построению доверительных отношений и является критически важным для образовательного процесса. Ощущение принадлежности к такой группе делает возможным восприятие учениками обучения как сотрудничества, а не как вмешательства, снижает их тревожность, повышает мотивацию, ответственность, уверен-

ность в себе, положительно влияет на поведение и академическую успеваемость. Подобная образовательная среда позволяет пробудить в учащихся стремление проявлять внимание к собственному благополучию, научить их соответствующим навыкам, что отражает сформировавшееся еще в Античности «понимание образования как воспитания готовности и потребности человека заботиться о самом себе» [Пичугина 2013, 4]. Указанные условия помогают ученикам в раскрытии и реализации своих способностей, поиске направления и смысла собственного пути, принятии самостоятельных решений.

Исследователи выделяют различные виды заботы в педагогической деятельности: воспитательная; жизненно-практическая; как образование, «берущее-на-себя-заботу»; забота о себе и др. [Педагогические труды... 2013; Камби 2015; «Забота о себе» ... 2018; McKenzie, Blenkinsop 2006; Demetrio et al. 2012]. Эпистемическая забота – одно из проявлений заботы в образовании [Lackey 2020; Johnson 2023].

Эпистемическая забота характеризует отношения между носителями знаний, исходит из эпистемической уязвимости человека, допускает возможность совершения ошибок при получении, трансляции знания, обусловленных особенностями развития индивида, системой его убеждений, социальным контекстом, целями и т. п. Эпистемическая забота в образовательной среде связана с признанием многообразия путей познания, диалогом как способом взаимодействия, доверием и уважением к знанию и опыту ученика, благодаря чему не допускается или преодолевается пренебрежительное отношение, основанное на предрассудках и предубеждениях. Такая забота поощряет вопросы, способствует творческому поиску, побуждает учащихся оценивать достоверность собственных знаний, подвергать сомнению различные точки зрения, тем самым развивая критическое мышление, осмысленное взаимодействие со знанием. Она также стимулирует рефлексию педагога, понимание им собственных процессов получения знания, постановки познавательных целей. Однако при изучении и реализации эпистемической заботы возникает проблема соотношения эпистемического патернализма, навязы-

вания эпистемических суждений, стандартов, с одной стороны, и сохранения автономии, свободы действий познающего субъекта, защиты его интеллектуального суверенитета – с другой [Broncano-Berrocal 2020; Schmechtig 2025].

При всей важности реализации заботы в образовании следует учитывать ограничения, препятствующие такого рода усилиям учителя. В связи с большими различиями учеников в потребностях, способностях, интересах педагогу, ориентированному на заботу, сложно постоянно подбирать и корректировать методы обучения, стратегии общения. Проявление учащимися нежелательного поведения требует от учителя навыков управления группой, поддержания дисциплины при одновременном сохранении атмосферы заботы. Также возникают трудности в достижении баланса между отношениями, основанными на заботе, и формальными требованиями к деятельности педагога в системе образования. Административная нагрузка, большое количество работы по ведению документооборота, составлению отчетности и пр. ограничивают время учителя для общения с учениками, выстраивания взаимодействия, в котором проявляется забота. Забота требует сильной интеллектуальной и эмоциональной вовлеченности педагога, вызывает у него не только радость и гордость за своих учеников, их успехи, но и страх, тревогу, а потому может привести к стрессу, профессиональному выгоранию, эмоциальному истощению. Некорректные формы реализации заботы в образовании опасны другими негативными последствиями, среди которых: чрезмерный контроль со стороны педагога и, следовательно, высокая зависимость учащихся от образовательной организации; сложность адаптации к среде вне образовательного учреждения, где забота проявляется в меньшей степени или отсутствует, что приводит к повышению уязвимости учеников.

Забота о других не должна противопоставляться заботе учителя о себе, которую неверно рассматривать как проявление эгоизма или противопоставлять ее образовательным целям. Внешней заботе предшествует забота педагога о себе, необходимая ему для поиска и поддержания своего Я, предотвращения негативных последствий заботы, сохра-

нения и возобновления ресурсов для ее реализации. Забота о себе – работа, результатом которой является не только личностный рост учителя, но и трансформация отношений, которые он выстраивает в образовательном процессе. Эта забота требует от него определенных усилий, но позволяет сохранить себя как личность, оставаться собой в ситуации заботы о других людях, держа в фокусе, уважая и не разрушая индивидуальность, суверенитет другого. Сократ призывал человека прежде всего заботиться «о себе самом, – как бы ему быть что ни на есть лучше и умнее» [Платон 1990, 91]. Забота о себе, необходимая для благополучия учителя, реализуется в том числе через его работу с собственным эмоциональным опытом, эмоциональное самопонимание [Mortari, Valbusa 2025].

Таким образом, забота в образовательном процессе представляет собой значимый принцип, который противопоставляется формализму, стандартизации, обезличенности, принуждению и разобщенности. Она способствует возникновению доверия и поддержки в образовательной среде, являясь важным фактором ее гуманизации. Данный подход направлен на развитие способности замечать и признавать проявления заботы, а также на ее воспроизведение в различных жизненных контекстах и передачу соответствующего опыта другим. Забота выступает основой нравственного воспитания, личностного развития и успешного обучения, формируя культуру взаимной ответственности в обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреева 2009 – Андреева М.В. Феноменология заботы личности (на примере учителей с разным уровнем успешности профессиональной деятельности): дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2009.
- Баранов, Белокрылова 2007 – Баранов А.А., Белокрылова М.В. Педагогическая забота как атрибут профессионализма субъекта обучения и воспитания // Вестник Российской государственного университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2007. № 11. С. 59–62.
- Блаженный Августин 1998 – Блаженный Августин. Творения: в 4 т. Т. 4. О граде Божием. Кн. XIV–XXII. СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998.

ФИЛОСОФИЯ

- Володин 2024 – Володин В.В. Формирование готовности к педагогической заботе у будущих учителей в вузе: дис. ... канд. пед. наук. Благовещенск, 2024.
- Гигин 2017 – Гигин. Мифы. СПб.: Аллестейя, 2017.
- Декарт 1953 – Декарт Р. Рассуждение о методе: с прил. Диоптрика, Метеоры, Геометрия. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953.
- «Забота о себе»... 2018 – «Забота о себе» как образовательная практика современного классического университета: сб. ст. и материалов междунар. науч. конф. (24–25 ноября 2017 г.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2018.
- Камби 2015 – Камби Ф. Забота в педагогике: критические замечания // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015, № 4 (99). С. 4–9.
- Мортари 2016 – Мортари Л. Практика заботы. СПб.: Аллестейя, 2016.
- Наше общее будущее ... 1989 – Наше общее будущее : доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР). М.: Прогресс, 1989.
- Педагогические труды ... 2013 – Педагогические труды академика И.П. Иванова: в 2 т. Т. 2. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2013.
- Пичугина 2013 – Пичугина В.К. Развитие антропологического дискурса «заботы о себе» в истории античной педагогики: дис. ... док. пед. наук. Волгоград, 2013.
- Платон 1990 – Платон. Апология Сократа // Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 70–96.
- Приказ... web – Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 18 октября 2013 г. № 544н «Об утверждении профессионального стандарта «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)» (с изменениями и дополнениями) // <https://base.garant.ru/70535556/>
- Федеральный закон... web – Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/
- Фромм 1986 – Фромм Э. Иметь или быть? М.: Прогресс, 1986.
- Фуко 1998 – Фуко М. История сексуальности-III. Забота о себе. Киев: Дух и литература, 1998.
- Фуко 2007 – Фуко М. Герменевтика субъекта: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году. СПб.: Наука, 2007.
- Фуко 2008 – Фуко М. О генеалогии этики: обзор текущей работы // Логос. 2008. № 2. С. 135–159.
- Хайдеггер 1993 – Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993.
- Хайдеггер 1997 – Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997.
- Хайдеггер 1998 – Хайдеггер М. Пролегомены к истории понятия времени. Томск: Водолей, 1998.
- Broncano-Berrocal 2020 – Broncano-Berrocal F. Epistemic Care and Epistemic Paternalism // Epistemic Paternalism Reconsidered: Conceptions, Justifications and Implications. London: Rowman and Littlefield, 2020. P. 169–182.
- Demetrio et al. 2012 – Demetrio, D., Biffi, E., Castiglioni, M., Mancino E. Educare и narrare: le teorie, le pratiche, la cura. Milán: Mimesis, 2012.
- Johnson 2023 – Johnson C. R. Epistemic Care: Vulnerability, Inquiry, and Social Epistemology. N. Y.: Routledge, 2023.
- Lackey 2020 – Lackey J. Epistemic Duties Regarding Others // Epistemic Duties: New Arguments, New Angles. N. Y.: Routledge 2020. P. 281–294.
- McKenzie, Blenkinsop 2006 – McKenzie M., Blenkinsop S. An Ethic of Care and Educational Practice // Journal of Adventure Education and Outdoor Learning. 2006. Vol. 6, № 2. P. 91–105.
- Mortari 2022 – Mortari L. The Philosophy of Care. Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden, 2022.
- Mortari, Valbusa 2025 – Mortari L., Valbusa F. Caring, emotion, optimisation // Realities in Pedagogical and Phenomenological Contexts. Experience, Mediality, and Optimisation in Education. Wiesbaden: Springer VS, 2025. P. 353–372.
- Mortari, Valbusa, Ubbiali 2025 – Mortari L., Valbusa F., Ubbiali M. MelArete: A Research Project to Promote Ethical Education in Kindergarten and Primary School // Athens Journal of Education 2025. № 12. P. 1–20.
- Noddings 1984 – Noddings N. Caring: A Feminine Approach to Ethics and Moral Education. Berkeley: University of California Press, 1984.
- Noddings 2002 – Noddings N. Educating Moral People: A Caring Alternative to Character Education. N. Y.: Teachers College Press, 2002.
- Noddings 2003 – Noddings N. Happiness and Education. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Schmechtig 2025 – Schmechtig P. Epistemic Paternalism and Protective Authority in a Non-Ideal World // Social Epistemology. 2025. Vol. 39, № 6. P. 683–698.

REFERENCES

- Andreeva M.V., 2009. Phenomenology of personality care (based on the example of teachers with different levels of professional success): dis. ... candidate of psychological sciences. Kazan.

- Baranov A.A., Belokrylova M.V., 2007. Pedagogical care as an attribute of professionalism of the subject of training and education. *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psichologiya*, 2007, no. 11, pp. 59-62.
- Blessed Augustine, 1998. *Works: In 4 volumes. Vol. 4. On the City of God. Books XIV–XXII.* St. Petersburg, Aletheia; Kyiv, UTSIMM-Press.
- Volodin V.V., 2024. *Formation of readiness for pedagogical care in future teachers at the university:* diss. ... candidate of pedagogical sciences. Blagoveshchensk.
- Hyginus, 2017. *Myths.* St. Petersburg, Aletheia.
- Descartes R., 1953. *Discourse on the Method: with appendixes Dioptrics, Meteors, Geometry.* Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences.
- “Self-care” as an educational practice of a modern classical university: collection of articles and materials of the international scientific conference (November 24–25, 2017), 2018. Tomsk: Tomsk University Press.
- Cambi F., 2015. Care in pedagogy: critical remarks. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 4 (99), pp. 4-9.
- Mortari L., 2016. *The practice of care.* St. Petersburg, Aletheia.
- Our Common Future: Report of the World Commission on Environment and Development (WCED)*, 1989. Moscow, Progress.
- Pedagogical works of academician I.P. Ivanova in 2 volumes.* T.2. SPb., Publishing house of the Polytechnic University, 2013.
- Pichugina V.K., 2013. *Development of the anthropological discourse of “self-care” in the history of ancient pedagogy:* diss. ... doctor of Pedagogical Sciences. Volgograd.
- Plato, 1990. *Apology of Socrates. Plato. Collection of works in 4 volumes: Vol. 1.* M., Mysl. Pp.70-96.
- Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation of October 18, 2013 No. 544n “On approval of the professional standard “Teacher (teaching activity in the field of preschool, primary general, basic general, secondary general education) (educator, teacher)” (with amendments and additions). URL: <https://base.garant.ru/70535556/>
- Federal Law “On Education in the Russian Federation” dated 29.12.2012 No. 273-FZ.* URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/
- Fromm E., 1986. *To Have or to Be?* Moscow, Progress.
- Foucault M., 1998. *History of Sexuality-III. Care of the Self.* Kyiv, Spirit and Literature.
- Foucault M., 2007. *Hermeneutics of the Subject: A Course of Lectures Delivered at the Collège de France in the 1981–1982 Academic Year.* St. Petersburg, Nauka.
- Foucault M., 2008. On the Genealogy of Ethics: A Review of Current Work. *Logos*, no. 2, pp. 135-159.
- Heidegger M., 1993. *Time and being: articles and speeches.* M., Republic, 1993.
- Heidegger M., 1997. *Being and Time.* Moscow, Ad Marginem.
- Heidegger M., 1998. *Prolegomena to the History of the Concept of Time.* Tomsk, Vodoley Publishing House.
- Broncano-Berrocal F., 2020. Epistemic Care and Epistemic Paternalism. *Epistemic Paternalism Reconsidered: Conceptions, Justifications and Implications.* London, Rowman and Littlefield, pp. 169-182.
- Demetrio D., Biffi E., Castiglioni M., Mancino E., 2012. *Educating is narrating: theories, practices, and care.* Milan, Mimesis.
- Johnson C.R., 2023. *Epistemic Care: Vulnerability, Inquiry, and Social Epistemology.* New York, Routledge.
- Lackey J., 2020. Epistemic Duties Regarding Others. *Epistemic Duties: New Arguments, New Angles* New York, Routledge, pp. 281-294.
- McKenzie M., Blenkinsop S., 2006. An Ethic of Care and Educational Practice. *Journal of Adventure Education and Outdoor Learning.* Vol. 6, no. 2, pp. 91-105.
- Mortari L., 2022. *The Philosophy of Care.* Wiesbaden, Springer Fachmedien Wiesbaden.
- Mortari L., Valbusa F., 2025. Caring, emotion, optimization. *Realities in Pedagogical and Phenomenological Contexts. Experience, Mediality, and Optimisation in Education.* Wiesbaden, Springer VS, pp. 353-372.
- Mortari L., Valbusa F., Ubbiali M., 2025. MelArete: A Research Project to Promote Ethical Education in Kindergarten and Primary School. *Athens Journal of Education*, no. 12, pp. 1-20.
- Noddings N., 1984. *Caring: A Feminine Approach to Ethics and Moral Education.* Berkeley, University of California Press.
- Noddings N., 2002. *Educating Moral People: A Caring Alternative to Character Education.* N.Y., Teachers College Press.
- Noddings N., 2003. *Happiness and Education.* Cambridge, Cambridge University Press.
- Schmechtig P., 2025. Epistemic Paternalism and Protective Authority in a Non-Ideal World. *Social Epistemology*, vol. 39, no. 6, pp. 683-698.

Information About the Author

Tatyana S. Gorina, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy and Theory of Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, gorina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5114-1821>

Информация об авторе

Татьяна Сергеевна Горина, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, gorina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5114-1821>

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.4.5>

UDC 316.752.4

LBC 60.54

Submitted: 23.09.2025

Accepted: 15.10.2025

VALUE ORIENTATIONS OF GENERATIONS IN THE DIGITAL AGE (IN THE CONTEXT OF INTERGENERATIONAL INTERACTION)

Margarita V. Vdovina

Russian State Social University, Moscow, Russian Federation

Ruslan A. Kuznetsov

Russian State Social University, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to a sociological analysis of the value orientations of various age cohorts of modern Russians in the context of intergenerational interaction in the era of digitalization. The authors focus on how the digital environment is changing communication between generations and influencing their perception and interpretation of both traditional and modern values. The novelty lies in the introduction of new empirical data into scientific circulation, obtained as a result of our own sociological survey, taking into account traditional Russian spiritual and moral values, reflected in Presidential Decree No. 809 of Nov. 9 2022. The data from the primary online survey ($n = 1105$, 2023–2024) were used, in which the sample was conditionally divided into three key cohorts: the “predominantly digital” generation (respondents aged 14–29 years), the “transitional” (respondents aged 30–49 years) and the “predominantly pre-digital” generation (respondents aged 50 years and older). The article presents the main survey materials with the author’s interpretation of the results, taking into account sociological approaches explaining the formation of values of different generations. The data obtained demonstrate areas of value consensus, for example, regarding the value of “Education and knowledge”, and also indicate a pronounced generational gap in the acceptance of the value of “Innovation and progress”, which is very contradictory in the digital age. The study provides an opportunity to gain a deeper understanding of the dynamics of changing values and ways of effective intergenerational interaction in modern society. The conclusions of the article allow us to conceptualize the ambiguous nature of the impact of digitalization on intergenerational relations. They can be used for further research in the field of digital sociology and the sociology of generations, as well as in the development of practical recommendations for the harmonization of intergenerational interaction in a digital society.

Key words: modern Russian generations, value orientations, traditional Russian values, digital age, intergenerational interaction, “digital divide”.

Citation. Vdovina M.V., Kuznetsov R.A. Value Orientations of Generations in the Digital Age (In the Context of Intergenerational Interaction). *Logos et Praxis*, 2025, vol. 24, no. 4, pp. 43-55. (in Russian).
DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.4.5>

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ПОКОЛЕНИЙ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ (В КОНТЕКСТЕ МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ)

Маргарита Владимировна Вдовина

Российский государственный социальный университет, г. Москва, Российская Федерация

Руслан Анатольевич Кузнецов

Российский государственный социальный университет, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена социологическому анализу ценностных ориентаций различных возрастных когорт современных россиян в контексте межпоколенческого взаимодействия в эпоху цифровизации. Авторы фокусируются на том, как цифровая среда изменяет коммуникацию между поколениями и влияет на восприятие и интерпретацию ими как традиционных, так и современных ценностей. Новизна заключается во введении в научный оборот новых эмпирических данных, полученных в результате собственного социологического опроса с учетом традиционных российских духовно-нравственных ценностей, выраженных в указе Президента РФ № 809 от 09.11.2022. Использованы данные первичного онлайн-опроса ($n = 1105$, 2023–2024 г.), в котором выборочная совокупность условно разделена на три ключевые когорты: «преимущественно цифровое» поколение (респонденты в возрасте 14–29 лет), «переходное» (респонденты в возрасте 30–49 лет) и «преимущественно до-цифровое» поколение (респонденты в возрасте 50 лет и старше). В статье приводятся основные материалы опроса с авторской интерпретацией результатов, с учетом социологических подходов, объясняющих формирование ценностей различных поколений. Полученные данные демонстрируют зоны ценностного консенсуса, например, в отношении ценности «Образование и знания», а также указывают на выраженный поколенческий разрыв в принятии ценности «Иновации и прогресс», что весьма противоречиво в цифровую эпоху. Исследование дает возможность глубже понять динамику изменения ценностей и способы эффективного взаимодействия между поколениями в современном обществе. Выводы статьи позволяют концептуализировать неоднозначный характер влияния цифровизации на межпоколенческие связи. Они могут быть использованы для дальнейших исследований в области цифровой социологии и социологии поколений, а также при разработке практических рекомендаций по гармонизации межпоколенческого взаимодействия в цифровом обществе.

Ключевые слова: современные российские поколения, ценностные ориентации, традиционные российские ценности, цифровая эпоха, межпоколенческое взаимодействие, «цифровой разрыв».

Цитирование. Вдовина М. В., Кузнецов Р. А. Ценностные ориентации поколений в эпоху цифровизации (в контексте межпоколенческого взаимодействия) // Logos et Praxis. – 2025. – Т. 24, № 4. – С. 43–55. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.4.5>

Введение

В эпоху информационных технологий цифровые платформы становятся мощным средством коммуникации, преображая традиционные механизмы передачи культурных ценностей. Распространение цифровых инноваций демонстрирует заметную неоднородность на глобальном и национальном уровнях, привлекая внимание исследователей как за рубежом, так и в России [Nieminen 2016; Ragnedda, Kreitem 2018; Груздева 2020; Шиняева, Слепова 2019].

Социологический анализ ценностных ориентаций нашел отражение в работах М. Вебе-

ра, Ф. Знанецкого, Т. Парсонса, Н. Смелзера и др. Эти ученые сформулировали основные принципы классификации ценностей, связанных с различными аспектами человеческой деятельности, и подробно изучили факторы, влияющие на их изменения. Однако, несмотря на современные научные исследования, посвященные новым ценностным ориентирам в российском обществе [Воскресенская 2022; Дробышева 2021], масштабные социологические работы, исследующие ценностные ориентации представителей различных возрастных групп в условиях цифровой эпохи, недостаточны. Имеющиеся исследования либо сосредотачи-

ваются на отдельных поколениях и их ценностях, либо изучают ценности в специфическом контексте (экономическом, политическом, историческом, региональном и др.). Например, целью недавней работы О.С. Алексеевой и И.Е. Ржановой было «проследить, как изменилась картина ценностей в зависимости от изменений социальной ситуации, и изучить характер ее взаимосвязей с личностными чертами» [Алексеева, Ржанова 2021, 121]. Г.П. Рогочая делает попытку интерпретировать «перспективы дальнейшего развития общества исходя из мировоззренческих установок и ценностных ориентаций» сквозь призму поколенческого подхода [Рогочая 2024, 23]. Особого внимания заслуживает работа Д.С. Петруниной, в которой она представила исследования об идентичности миллениалов¹: как молодые люди описывают свое поколение и связывают его с национальным и глобальным культурным контекстом. Автор исследования подчеркивает, что «Интернет и высокая скорость социальных трансформаций создали новые условия для формирования поколений» [Петрунина 2022, 58]. Цифровая трансформация затрагивает все возрастные группы, подчеркивая важность социологических исследований в этой сфере, включая анализ интеграции детей в цифровую среду и проблемы цифрового включения пожилых [Шабунова, Груздева, Калачикова 2020; Вдовина, Ускова 2024; Вдовина, Кузнецов 2023].

Проблема исследования заключается в том противоречии, порожденном цифровизацией, что, с одной стороны, цифровые платформы создают беспрецедентные возможности для коммуникации и обмена информацией между поколениями, потенциально укрепляя их связи; с другой стороны, различия в цифровой грамотности, формирование «информационных пузырей» и специфика онлайн-общения (клиповость, анонимность и т. п.) могут приводить к углублению межпоколенческого разрыва, искажению и конфликту в процессе интерпретации ценностей. Актуальность проблемы обусловливается необходимостью осмыслиения возможных противоречий и выявления предпосылок к так называемому «цифровому разрыву» между поколениями [Вдовина 2024, 32–33], чья первичная социализация проходила в доцифровом и цифровом обществах.

Актуальность анализа межпоколенческих связей нарастает в условиях крупных общественных изменений. В настоящее время она связана с трансформацией поколенческих отношений в условиях интенсивной цифровизации российского общества. Особого внимания требует динамика взаимодействия поколений при переходе от традиционных средств коммуникации к цифровым технологиям, влиянию этих перемен на сохранение и трансформацию ценностей в различных возрастных группах. Таким образом, возникают ключевые исследовательские вопросы: каковы ценностные ориентации поколений в эпоху цифровизации (в контексте межпоколенческого взаимодействия), в чем состоят механизмы и последствия трансформации межпоколенческого ценностного диалога в условиях цифровизации общества?

Методология и методы исследования

В период с декабря 2023 г. по февраль 2024 г. на базе кафедры социологии Российского государственного социального университета нами был проведен полевой этап социологического исследования межпоколенческого взаимодействия в цифровом обществе. Эмпирической базой послужили данные первичного онлайн-опроса по разработанной авторами анкете.

Объектом исследования стали представители различных современных российских поколений.

Предметом практики межпоколенческого взаимодействия в цифровой среде и ценностные ориентации поколенческих когорт.

Цель настоящего исследования – выявить и проанализировать ценностные ориентации представителей различных поколений с учетом их взаимодействия в цифровой коммуникативной среде.

Задачи исследования:

- охарактеризовать интенсивность и предпочтаемые платформы цифрового взаимодействия между представителями разных поколенческих когорт;
- провести сравнительный анализ иерархии традиционных и современных ценностей у представителей выделенных поколений;
- выявить зоны ценностного консенсуса и конфликта между поколениями, проявляю-

шиеся в оценках социальных явлений, опосредованных цифровыми медиа;

– определить, как респонденты из разных поколенческих когорт воспринимают роль цифровых технологий в процессе передачи ценностей: как механизм, обеспечивающий передачу ценностей (механизм содействия), или как разрушающий фактор.

Ключевые гипотезы исследования: цифровые технологии способствуют как укреплению взаимодействия поколений через обмен информацией и опытом, так и разделению их из-за различий в цифровой грамотности и восприятии технологий. Носителями новых цифровых ориентаций выступают представители молодого поколения, однако ценности старшего поколения создают основу для социализации более цифровизированных поколений.

В нашем исследовании использовалась целенаправленная выборка по полу, включавшая примерно равное количество мужчин и женщин; объем – 1 105 респондентов. Выборочная совокупность состояла из детей и подростков 10–17 лет, совершенолетней молодежи 18–35 лет, среднего поколения 36–59 лет, представителей старшего поколения в возрасте 60–82 года, разделенных для глубины анализа² на подгруппы учащихся средних (10–13 лет: 3,5 %) и старших (14–17 лет: 13,4 %) классов или ссузов; студенческой и работающей молодежи (18–23 лет: 35,4 %) и молодых специалистов (24–29 лет: 13,7 %); молодых взрослых (30–39 лет: 11,2 %); лиц среднего (40–49 лет: 9,6 %) и предпенсионного (50–59 лет: 5,9 %) возрастов; пенсионеров 60–69 лет (4,2 %) и людей, достигших 70-летнего возраста и старше (2,9 %); жителей разных населенных пунктов России, в основном городов. Молодые люди 18–29 лет, представляющие собой наиболее значимую и в то же время недостаточно исследованную группу, были включены в исследование с увеличенной долей для более детализированного анализа их ценностных ориентаций. Для опроса авторами была разработана анкета из 30 вопросов закрытого, полузакрытого и открытого типов.

Для обеспечения большей статистической надежности сравнительного анализа и исходя из теоретических предпосылок о роли цифровизации в процессе социализации, исход-

ные возрастные группы респондентов были объединены в три ключевые поколенческие когорты: «Преимущественно цифровое» поколение (14–29 лет), чье взросление пришлось на эпоху развитого Интернета; «переходное» поколение (30–49 лет), заставшее переход от аналогового к цифровому обществу; «преимущественно до-цифровое» поколение (50 лет и старше), чья первичная социализация прошла вне цифровой среды. Признавая наличие диспропорции в итоговом распределении (62,5 %, 20,8 % и 13,0 % соответственно), данное исследование делает основной акцент на анализе ценностей «преимущественно цифрового» поколения, рассматривая две старшие когорты как необходимый контекст для выявления поколенческих различий [Дзаи 2019].

Новизна работы заключается в анализе влияния цифровизации на сохранение и трансформацию традиционных российских ценностей в рамках межпоколенческого взаимодействия. Авторами впервые проведено эмпирическое исследование с использованием перечня традиционных российских ценностей, закрепленных в Указе Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», для сравнительного анализа их восприятия среди представителей различных поколений.

Эти результаты углубляют представления о трансформации традиционных российских ценностей в условиях цифровой эпохи и открывают возможности для разработки новых подходов к анализу взаимодействия поколений и сохранения ценностей в российском обществе.

При анализе были использованы аксиологический, поколенческий и структурно-функциональный подходы.

В исследовании приняли участие школьники, студенты, представители разнообразных социальных слоев и профессий, пенсионеры, что способствовало всестороннему анализу ценностных ориентаций людей разных поколений, выделению сходств и различий в их приверженности традиционным российским и другим ценностям, их роли во взаимодействии поколений в цифровую эпоху.

Результаты

Анализ территориальной принадлежности участников опроса показал, что чуть больше половины из них (52,9 %) проживают в столичном регионе, что, на наш взгляд, подчеркивает неравенство в доступности цифровых сервисов между разными районами страны. Представителей поколения Z было около половины всех опрошенных, что указывает на значимые позиции этого поколения в формировании цифровой культуры. Миллениалы также активно участвовали, хотя их доля несколько меньше.

Анализ доходов, имеющих значение для обеспеченности материальными ценностями цифровизации, по возрастным группам показал типичную связь между возрастом респондентов и их финансовым положением. Наименьшие доходы характерны для несовершеннолетних (самых цифровизированных когорт), что объясняется их зависимостью от финансовой поддержки родителей для обеспечения цифровой техникой. В группе 18–23 года отмечен рост доходов, что может быть связано с началом карьеры или подработками на время обучения.

В возрастной группе от 24 до 49 лет наблюдается рост доходов, указывающий на период стабилизации и профессионального роста. У людей 50–69 лет отмечается нео-

днородность уровня доходов, отражающая продолжение карьеры или переход к пенсионному возрасту. У лиц старше 70 лет доходы сокращаются из-за пенсионного статуса. Так, в нашем опросе приняли участие типичные по своим «возрастным» доходам представители поколений.

Исследование также показало, что большинство участников (87,9 %) имеет более или менее стабильный доступ к Интернету, что свидетельствует о возможности поддерживать современный уровень коммуникаций.

Предпочтение 90 % опрошенной молодежи общаться в цифровом пространстве отражает глубокие трансформации в социальном взаимодействии и социализации. Этот сдвиг подчеркивает необходимость освоения компетенций для эффективного и безопасного использования цифровых инструментов. Он указывает на изменение социальных норм коммуникации, акцентируя значимость цифровой грамотности как ключевого элемента культуры всех поколений.

Анализ отношения респондентов различных возрастных когорт к российским национальным ценностям позволили выявить такие тенденции (рис. 1).

На рисунке 1 видно, что почти две трети опрошенных подростков 14–17 лет уже считают себя носителями российских национальных ценностей. Молодежь 18–23 лет так же ассо-

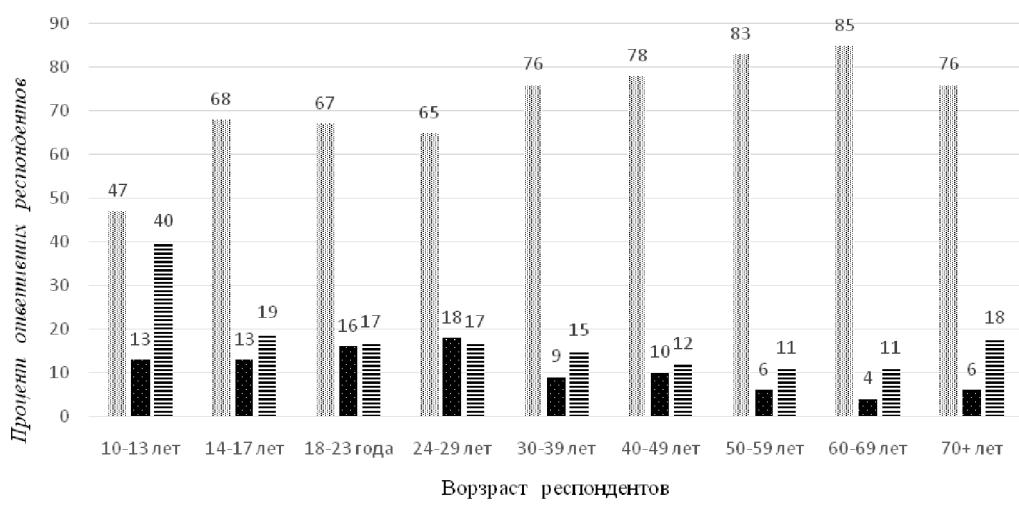

Рис. 1. Распределение по возрастным когортам ответов на вопрос «Вы считаете себя носителем российских национальных ценностей?» (% от совокупности опрошенных, $n = 1105$)

цирует себя с таковыми. Возрастная группа 24–29 лет тоже демонстрирует период углубления восприятия национальных ценностей.

В возрасте 30–39 лет роль культурных ценностей заметно усиливается (см. рис. 1), что, вероятно, связано с осуществлением этим поколением воспитания детей и интенсивным профессиональным развитием. Более чем у трех четвертей респондентов 40–49 лет проявляется глубокое насыщение культурными ценностями, обусловленное зрелостью и стабильностью.

Лица 50–59 лет активно передают традиции младшему поколению, укрепляя свою роль хранителей отечественного наследия. Пожилые люди 60–69 лет и старше 70 считают культурные ценности частью своего жизненного опыта и мудрости.

Наш опрос позволил выделить разные уровни восприятия поколениями влияния цифровизации на укрепление российских ценностей (рис. 2).

По данным рисунка 2 и ответов респондентов, поколение несовершеннолетних, выросшее в условиях цифровизации, воспринимает ее как естественную часть жизни, отмечая позитивное влияние на формирование и укрепление традиционных национальных ценностей. Молодежь 18–23 лет видит в цифровизации не только платформу для самореализации, но и инструмент утверждения культурных

основ общества. Для людей 24–29 лет цифровая интеграция связана с жизненной стабильностью и качеством жизни, способствуя восприятию технологий как укрепляющих культурную идентичность.

Когорта 30–39 лет, балансируя между работой и семьей, считает цифровые платформы средствами сохранения традиций. Те, кто находится в возрасте 40–59 лет, видят в цифровизации возможности для социальной интеграции и поддержания национального духа. Старшее поколение, пожилые люди (60+) признают роль цифровых технологий в поддержании связи с современностью и национальной культурой.

В проведенном социологическом исследовании особое внимание удалено различиям в восприятии традиционных российских ценностей среди разных возрастных групп. Мы подробно рассмотрели, как различные поколения оценивают значимость традиционных российских и современных ценностей и отмечают свою приверженность им. Особое внимание привлекли ценности молодого и старшего поколений, как прошедших основную часть социализации в цифровом и доцифровом обществах.

Анализируя выбор ценностей среди достаточно цифровизированного поколения респондентов в возрасте 14–17 лет (см. рис. 3), с одной стороны, мы отметили, что наименее

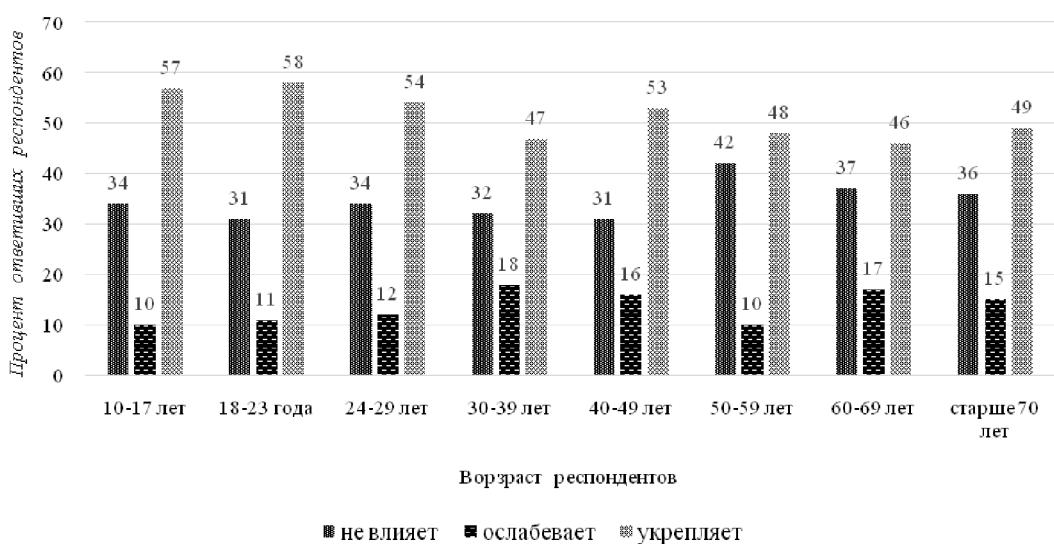

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос о влиянии процесса цифровизации и взаимодействия людей с помощью цифровых технологий на укрепление российских национальных ценностей
(% от совокупности опрошенных, $n = 1\,105$)

популярны ценности, такие как «Коллективизм», «Верховенство закона» и «Религия». По-видимому, это может отражать недостаточное понимание этой когорты таких понятий из-за ограниченного жизненного опыта.

С другой стороны, была выражена более высокая приверженность таким ценностям, как «Свобода и равенство», «Любовь к природе и Родине», «Стремление к личному счастью», «Образование и знания», а также «Жизнестойкость и выносливость», и виден акцент на индивидуализм и личностное развитие. Такие результаты могут быть связаны с важностью самоопределения и поиска индивидуального пути в данной возрастной когорте. Традиционные семейные ценности также получили поддержку у подрастающего поколения.

Примерно такое же количество голосов набрали ценности «Память предков», «Братство народов» и «Открытость и терпимость», что может указывать на усиление интереса к историческому и культурному контексту и формированию межкультурной коммуникации в молодежной среде.

Основываясь на данных респондентов в возрасте 18–29 лет (см. рис. 4), можно отметить, что для этой возрастной группы наиболее значимыми ценностями являются «Обра-

зование и знания», «Права человека» и «Стремление к личному счастью».

Данные рисунка 4 можно интерпретировать в контексте «ранней взрослости», когда основными задачами являются формирование профессиональной идентичности и самореализация. Приверженность знаниям связана со стремлением молодежи к интеллектуальному развитию и социальной мобильности в информационном обществе, где знания становятся ключевым ресурсом.

Ценность «Права человека» отражает уровень гражданского самосознания молодого поколения и их стремление к социальной справедливости. «Стремление к личному счастью» отражает индивидуалистическую ориентацию, акцент на личной удовлетворенности и самореализации. Ценности «Патриотизм», «Жизнестойкость и выносливость» показывают связь с национальной идентичностью и понимание важности устойчивости в быстро меняющемся мире.

В целом, полученные данные отражают ценностные ориентации молодого поколения на образование, права человека и стремление к личному счастью, подчеркивая значимость индивидуального развития в процессе перехода к взрослости.

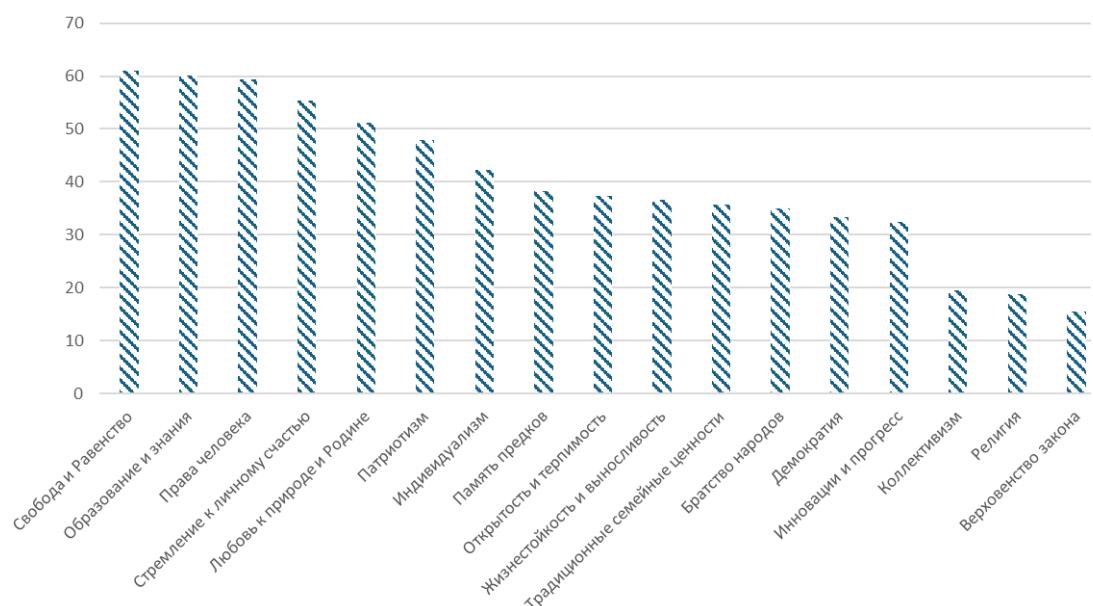

Рис. 3. Распределение ответов респондентов в возрасте 14–17 лет на вопрос «Какие ценности из списка ниже Вам близки?» (% от совокупности опрошенных, $n = 1105$)

Анализ ответов респондентов 30–39 лет на вопрос о близких им ценностях выявил интересные тенденции. «Традиционные семейные ценности» (53,7 %) и «Любовь к природе и Родине» (52,7 %) стали приоритетными для этой группы, что свидетельствует о значимости стабильности и связи с природой. Это можно объяснить активным участием в семейной и профессиональной жизни, а также стремлением передать любовь к Родине детям.

«Образование и знания» (52,7 %) не менее важны для этой когорты, связаны с необходимостью профессионального и личностного развития для успешной карьеры и социального продвижения. «Память предков» (44,4 %) занимает важное место, отражая стремление сохранить культурное наследие и традиции, подчеркивая роль исторической памяти.

«Иновации и прогресс» (38,9 %) и «Стремление к личному счастью» (39,8 %) значимы для респондентов этой группы, указывая на ценность как традиционных, так и современных ценностей. «Права человека» (47,2 %) и «Свобода и равенство» (40,7 %) важны, подчеркивая значимость гражданских свобод и справедливости. Высоко ценятся «Жизнестойкость и выносливость» (42,5 %), что связано с необходимостью преодоления трудностей и адаптации к изменениям. Низкие показатели по ценностям «Верховенство зако-

на» (15,7 %), «Религия» (22,2 %) и «Коллективизм» (23,1 %) могут свидетельствовать о снижении роли религиозных институтов и ориентации на коллективные социальные ценности.

В целом, результаты показывают, что респонденты 30–39 лет стремятся к балансу между традиционными и современными ценностями, фокусируясь на семейных и общественных идеалах, личностном развитии и социальной справедливости.

Ответы респондентов в возрасте 40–49 лет показали, что доминирующей ценностью у них являются «Традиционные семейные ценности» (76,9 %). Также большую значимость для данной когорты имеют такие ценности, как «Образование и знания» (62,6 %), «Права человека» (50,5 %) и «Память предков» (59,3 %). Эти данные можно интерпретировать в контексте зрелой фазы жизненного цикла, когда люди обладают устойчивой социальной, профессиональной и семейной ролью.

Приверженность образованию и знаниям может быть обусловлена стремлением поддерживать социальную мобильность и конкурентоспособность на рынке труда, а также желанием обеспечить детям лучшее образование. «Права человека» – ценность, которая была высоко оценена респондентами данной возрастной группы, отражает зрелость гражданского самосознания. «Память предков» указывает на глубокое проникновение в куль-

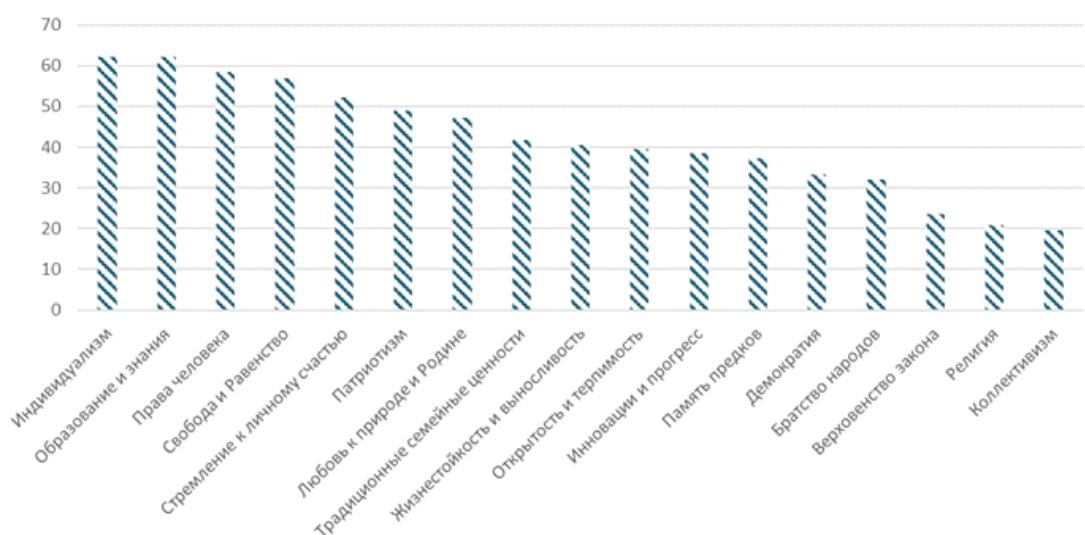

Рис. 4. Распределение ответов респондентов в возрасте 18–29 лет на вопрос «Какие ценности из списка ниже Вам близки?»
(% от совокупности опрошенных, $n = 1\,105$)

турные традиции и стремление сохранить связь с прошлым для будущих поколений.

Ориентации на «Коллективизм» (16,4 %) и «Индивидуализм» (15,3 %) могут свидетельствовать о поиске гармонии между личными и общественными интересами, что является характерной чертой людей, находящихся в середине своего профессионального и жизненного пути.

Опрос показывает, что зрелое и сбалансированное восприятие традиционных и современных ценностей этой возрастной когорты отражает их социальную и культурную адаптацию к быстро меняющимся условиям современного цифровизирующегося общества. Именно это поколение часто выполняют роль связующего звена, соединяющего младшие и старшие поколения, особенно внутри семьи.

В возрастном диапазоне 50–59 лет «Традиционные семейные ценности» получили наивысшую поддержку (77,3 %), подчеркивая приверженность поколения к семье как основе социальной структуры и передачи культурного наследия. Значительный выбор ценности «Образование и знания» (71,7 %) свидетельствует о стремлении этой когорты к интеллектуальному обогащению и непрерывному саморазвитию, что соответствует концепции обучения «через всю жизнь» (life-long learning) [Бочкина 2023]. Это может отражать адаптацию к требованиям современного мира, где знания и информационная компетентность чрезвычайно важны. Большинство опрошенных отмечают

ценности «Патриотизм» (62,2 %), «Память предков» (69,8 %), что подчеркивает важность для этого поколения культурной памяти в их социальной идентичности.

Анализ ответов поколения 60–69-летних (рис. 5) выявил значительное признание ими ценностей «Патриотизм» и «Любовь к природе и Родине», поддержанных 73,1 % участников. Это подчеркивает глубокую связь старшего поколения с национальной идентичностью и экологической осведомленностью, вероятно связанной с их воспитанием в периоды значительных социальных изменений в стране. Исторический и культурный контекст, в котором выросло данное поколение, мог сыграть ключевую роль в формировании такой высокой степени патриотических чувств.

Важность ценностей «Образование и знания», а также «Права человека» для этой возрастной группы отражает осознание старшим поколением значимости непрерывного образования и правовой защиты как фундаментальных элементов общественного прогресса и личного развития. Чуть меньше половины респондентов выразили приверженность к жизнестойкости и выносливости, что подчеркивает важность данных качеств в условиях социальных и экономических вызовов, с которыми они сталкивались на протяжении жизни. Логичным выглядят и низкие позиции в их иерархии ценностей «Демократия» и «Индивидуализм», которые отнюдь не доминировали в советское время, когда это поколение ак-

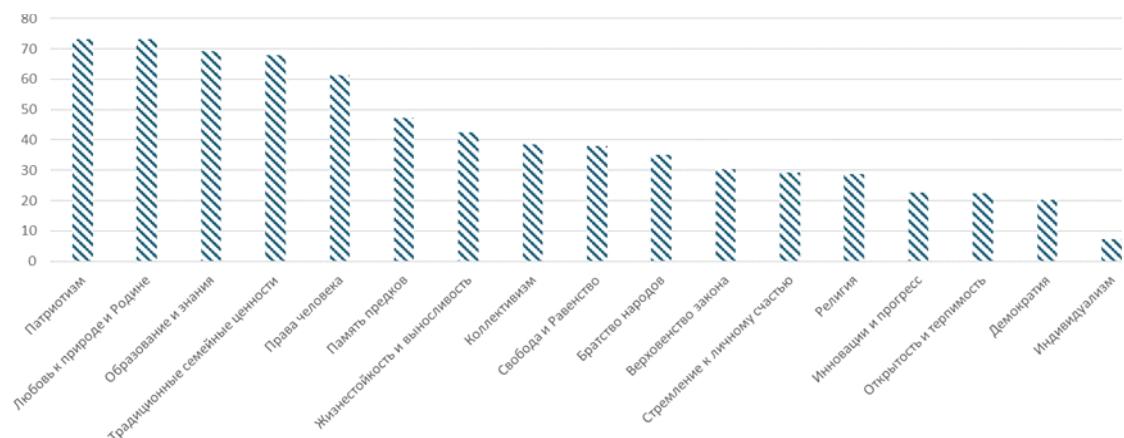

Рис. 5. Распределение ответов респондентов в возрасте 60–69 лет на вопрос «Какие ценности из списка ниже Вам близки?»
(% от совокупности опрошенных, $n = 1\,105$)

тивно социализировалось и осуществляло общественную деятельность.

Исследуя распределение ответов респондентов старше 70 лет, мы выявили, что наиболее значимой ценностью для данной когорты является «Образование и знания» (75,7 %). Отмечается также высокая важность «Патриотизма» (69,6 %), «Традиционных семейных ценностей» (69,6 %), «Любви к природе и Родине» (69,6 %), «Жизнестойкости и выносливости» (66,6 %). Эти данные можно интерпретировать в контексте «поздней» фазы жизненного цикла, характеризующейся активной рефлексией и приверженностью к сохранению и передаче культурного наследия, включая знания и традиции. Приверженность «Образованию и знаниям» (75,7 %) в данном контексте может быть обусловлена желанием поддерживать интеллектуальную активность, а также стремлением к передаче знаний младшим поколениям.

Ценности «Патриотизм» и «Любовь к природе и Родине» отражают глубокую связь старшего поколения с национальной идентичностью и окружающим миром, что, вероятно, коррелирует с их советской средой воспитания. «Традиционные семейные ценности» и «Жизнестойкость и выносливость» подчеркивают укорененность в культурных традициях и историческом опыте, сформировавшихся на протяжении жизни того поколения.

Незначительность признания «Иноваций и прогресса» (30,3 %) может отражать принадлежность к поколению, для которого новые технологии и быстрый ритм цифрового общества могут быть сложными для понимания и адаптации. Это важный момент для осмысления динамики межпоколенческого взаимодействия и передачи ценностей в эпоху цифровизации.

Обсуждение

Исследование показало, что цифровизация меняет не только способы коммуникации и доступа к информации, но и социальные ценности и образ жизни разных поколений. Однако, судя по эмпирическим данным, основные ценностные ориентиры российского общества для всех поколений остаются неизменными.

По мнению 65,2 % наших респондентов, носителями российских национальных ценностей в цифровую эпоху являются образовательные платформы и проекты, способствующие сохранению культурного наследия. Однако 35,4 % выражают беспокойство, что глобализация и цифровизация могут привести к утрате уникальности российской культуры, отражая сложность обретения баланса между интеграцией в мировое информационное пространство и сохранением национальной идентичности. Ценности семьи и друзей остаются приоритетом для 80,2 % опрошенных, подчеркивая, что несмотря на технологические изменения, традиционные социальные связи продолжают играть ключевую роль в жизни россиян.

«Патриотизм» и «Любовь к природе и Родине» важны для большинства возрастных групп, особенно старших (60 и более лет). Старшие поколения, выросшие в период значительных исторических изменений, сильнее привязаны к национальным ценностям. Патриотизм способствует укреплению социальной сплоченности и поддерживает чувство принадлежности Отечеству, что особенно важно в цифровую эпоху, связанную с глобализацией.

Все возрастные группы высоко ценят «Образование и знания», что подчеркивает универсальность этой ценности в обществе, где информация является ключевым ресурсом. Образование способствует личностному развитию, конкурентоспособности на современном рынке труда и повышению уровня жизни. Высокий уровень образования необходим как для профессионального роста молодых и среднего поколений, так и для успешной адаптации старших поколений.

«Права человека» и «Стремление к личному счастью» значимы для молодых поколений (18–29 лет), отражая высокий уровень гражданского самосознания и стремление к социальной справедливости. Молодые люди, активные в цифровом обществе, более осведомлены о своих правах, что содействует их гражданской позиции и стремлению улучшить условия жизни. Стремление к личному счастью связано с потребностью в самореализации и гармонии в личной и профессиональной сферах.

«Коллективизм», «Верховенство закона» и «Религия» получают низкую оценку во всех возрастных группах, что отражает сдвиг к более светским и индивидуалистическим ценностям. В цифровую эпоху коллективизм теряет актуальность из-за индивидуализации жизни, но эти ценности продолжают играть значимую роль в определенных контекстах и сообществах.

«Иновации и прогресс» вполне ожидаемо более высоко оцениваются молодыми поколениями наших респондентов и низко – старшими, что отражает различия в принятии новых технологий и быстрого ритма жизни. Молодые, выросшие в условиях цифровизации, более открыты к инновациям, тогда как старшие могут испытывать сложности в освоении новых технологий, что влияет на их оценку прогресса. Отсюда – возможные предпосылки к недопониманию, противоречиям и даже «цифровым разрывам» во взаимодействии поколений.

Заключение

Проведенный анализ выявил ключевые тенденции того, как цифровизация влияет на межпоколенческое взаимодействие и передачу культурных ценностей от поколения к поколению, определив положительные и отрицательные эффекты такого взаимодействия.

В целом, полученные в результате социологического опроса данные подчеркивают важность для всех поколений образования, прав человека, стремления к личному счастью, а также сохранения традиционных ценностей, таких как патриотизм и семейные ценности. В условиях глобализации и культурного разнообразия, понимание и укрепление ценностей различных поколений способствует социальной сплоченности и устойчивому развитию общества.

Подводя итоги, отметим, что ценностные ориентации поколений в условиях цифровизации, с одной стороны, имеют характерные возрастные особенности, с другой стороны, отражают специфику цифровой эпохи – лидирующие позиции молодежи. В процессе межпоколенческого взаимодействия выявленные в нашем исследовании ценности способны как объединять, так и разъединять индивидов раз-

личных возрастных когорт. В целях гармонизации межпоколенческих отношений и снижения рисков «цифровых разрывов» между поколениями важно создавать и развивать социальные механизмы, направленные на усиление социальной интеграции и минимизацию цифровой изоляции среди старших возрастных групп, обеспечивая таким образом продуктивное взаимодействие различных поколений в цифровых условиях. Молодые поколения должны быть ориентированы на поддержку цифровой адаптации старших возрастных когорт в силу того, что без их жизненного опыта и проверенных временем ценностей крайне сложно созидачально функционировать и развиваться обществу в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Согласно классификации «Теории поколений» Нейла Хоува и Вильяма Штрауса [Strauss, Howe 1991], годы рождения миллениалов (поколения Y, заставшего развитие Интернета) – 1986–1996 гг.; Z, или Зумеры, – первое поколение, выросшее в цифровую эпоху, родились в 1997–2012 годах.

² С опорой на различные психологические, правовые подходы к возрастным периодизациям, например, с учетом периодизаций, предложенных Э. Эриксоном [Erikson 1950], с учетом Федерального закона от 30.12.2020 № 489-ФЗ о молодежной политике в Российской Федерации (в ред. от 23.07.2025 № 258-ФЗ) [Федеральный закон от 30.12.2020... web] и т. д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева, Ржанова 2021 – Алексеева О.С., Ржанова И.Е. Ценностные ориентации представителей четырех возрастных групп россиян // Новые психологические исследования. 2021. № 3. С. 121–133. DOI: 10.51217/npr-syresearch_2021_01_03_06
- Бочкина 2023 – Бочкина Е.В. Основные компоненты образовательной концепции «life-long learning» // Эпоха науки. 2023. № 34. С. 138–142. DOI: 10.24412/2409-3203-2023-34-138-142
- Вдовина 2024 – Вдовина М.В. Цифровизация российского общества: социальные риски и их преодоление // Цифровое общество: социологическое измерение настоящего и будущего. Сборник материалов конференции Российской общества социологов РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2024. С. 28–34.

- Вдовина, Кузнецов 2023 – Вдовина М.В., Кузнецов Р.А. Межпоколенческое взаимодействие и проблема «отмены» ценностей старшего поколения в условиях цифровизации общества // Социальная политика и социология. 2023. Т. 22, № 2 (147). С. 44–49. DOI: 10.17922/2071-3665-2023-22-2-44-49
- Вдовина, Ускова 2024 – Вдовина М.В., Ускова Е.В. Механизмы цифровой социализации в детско-родительских отношениях // Социальная динамика населения и человеческий потенциал: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. М.: Федерал. науч.-исследовател. социологич. центр РАН, 2024. С. 23–26.
- Воскресенская 2022 – Воскресенская Н.О. Духовные ценности и их межпоколенческая трансмиссия в контексте базовых функций современного российского государства // Общество: философия, история, культура. 2022. № 10. С. 50–54. DOI: 10.24158/fik.2022.10.7
- Груздева 2020 – Груздева М.А. Включенность населения в цифровое пространство: глобальные тренды и неравенство российских регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13, № 5. С. 90–104. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.5
- Дзаэи 2019 – Дзаэи Х.Н.А. Взаимодействие поколений: методология социологического исследования // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8, № 3. С. 165–173. DOI: 10.23683/2227-8656.2019.3.17
- Дробышева 2021 – Дробышева А.В. Изменение нравственного сознания поколений в процессе социокультурной трансформации постсоветской России // Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 55–60. DOI: 10.24158/fik.2021.6.9
- Петрунина 2022 – Петрунина Д.С. «Переходное поколение»: поколенческая идентичность миллениалов // Социологические исследования. 2022. № 2. С. 57–64. DOI: 10.31857/S013216250018036-2.
- Рогочая 2024 – Рогочая Г.П. Политические ценностные ориентации поколений X и Z в контексте теории поколений // Социально-политические исследования. 2024. № 1 (22). С. 21–37. DOI: 10.20323/2658-428X-2024-1-22-21
- Федеральный закон от 30.12.2020... web – Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» (в ред. от 23.07.2025 № 258-ФЗ) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/
- Шабунова, Груздева, Калачикова 2020 – Шабунова А.А., Груздева М.А., Калачикова О.Н. Поселенческий аспект цифрового неравенства в современной России // Проблемы разви-
- тия территории. 2020. № 4 (108). С. 7–19. DOI: 10.15838/ptd.2020.4.108.1
- Шиняева, Слепова 2019 – Шиняева О.В., Слепова О.М. Информационно-цифровое неравенство населения: факторы риска и антириска // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2019. Т. 19, Вып. 1. С. 53–61. DOI: 10.18500/1818-9601-2019-19-1-53-61
- Erikson 1950 – Erikson E.H. Childhood and Society. N. Y.: W.W. Norton & Co, 1950.
- Niemenen 2016 – Niemenen H. Digital divide and beyond: What do we know of information and communications technology's long-term social effects? Some uncomfortable questions // European Journal of Communication. 2016. Vol. 31 (1). P. 19–32. DOI: 10.1177/0267323115614198
- Ragnedda, Kreitem 2018 – Ragnedda M., Kreitem H. The three levels of digital divide in East EU countries // World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies. 2018. Vol. 4. С. 5–27. DOI: 10.30547/worldofmedia.4.2018.1
- Strauss, Howe 1991 – Strauss W., Howe N. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. N.Y.: William Morrow & Company, 1991.

REFERENCES

- Alekseeva O.S., Rzhanova I.E., 2021. Value orientations in representatives of four age groups of Russians. *Novye psikhologicheskie issledovaniya*, no. 3, pp. 121-133.
- Bochkina E.V., 2023. The Main Components of the Educational Concept “Life-Long Learning”. *Epokha nauki*, no. 34, pp. 138-142.
- Vdovina M.V., 2024. Digitalization of Russian Society: Social Risks and their Overcoming. *Tsifrovoe obshchestvo: sotsiologicheskoe izmerenie nastoyashchego i budushchego. Sbornik materialov konferentsii Rossiyskogo obshchestva sotsiologov RAN*. Moscow, FNISITs RAN, pp. 28-34.
- Vdovina M.V., Kuznetsov R.A., 2023. Intergenerational Interaction and the Problem of the “Abolition” of the Values of the Older Generation in the Conditions of Digitalization of Society. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya*, vol. 22, no. 2 (147), pp. 44-49. DOI: 10.17922/2071-3665-2023-22-2-44-49
- Vdovina M.V., Uskova E.V., 2024. Mechanisms of Digital Socialization in Child-Parent Relations. *Sotsial'naya dinamika naseleniya i chelovecheskiy potentsial. Materialy VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy*

- konferentsii.* Moscow, Federal'nyy nauchno-issledovatel'skiy sotsiologicheskiy tsentr Rossiyskoy akademii nauk, pp. 23-26.
- Voskresenskaya N.O., 2022. Spiritual Values and Their Intergenerational Transmission in the Context of the Basic Functions of the Modern Russian State. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*, no. 10, pp. 50-54.
- Gruzdeva M.A., 2020. Inclusion of population in digital space: global trends and inequality of Russian regions. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, vol. 13, no. 5, pp. 90-104.
- Dzaei Kh.N.A., 2019. Interaction of Generations: Methodology of Sociological Research. *Gumanitarniy Yuga Rossii*, vol. 8, no. 3, pp. 165-173.
- Drobysheva A.V., 2021. Change of the Moral Consciousness of Generations in the Process of Socio-Cultural Transformation of Post-Soviet Russia. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*, no. 6, pp. 55-60. DOI: 10.24158/fik.2021.6.9
- Petrunina D.S., 2022. "Transitional generation": generational identity of millennials. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 2, pp. 57-64.
- Rogochaya G.P., 2024. Political value orientations of Generations X and Z in context of generational theory. *Sotsial'no-politicheskie issledovaniya*, no. 1 (22), pp. 21-37.
- Federal'nyj zakon ot 30.12.2020 № 489-FZ «O molodezhnoj politike v Rossijskoj Federacii» (v red. ot 23.07.2025 № 258-FZ).* URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/
- Shabunova A.A., Gruzdeva M.A., Kalachikova O.N., 2020. Settlement aspect of digital inequality in modern Russia. *Problemy razvitiya territorii*, no. 4 (108), pp. 7-19.
- Shinyaeva O.V., Slepova O.M., 2019. Information Digital Inequality of Population: Risk and Anti-Risk Factors. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya*, vol. 19, iss. 1, pp. 53-61.
- Erikson E.H., 1950. *Childhood and Society*. New York, W.W. Norton & Co.
- Niemenen H., 2016. Digital divide and beyond: What do we know of information and communications technology's long-term social effects? Some uncomfortable questions. *European Journal of Communication*, vol. 31 (1), pp. 19-32. DOI: 10.1177/0267323115614198
- Ragnedda M., Kreitem H., 2018. The three levels of digital divide in East EU countries. *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*, vol. 4, pp. 5-27.
- Strauss W., Howe N., 1991. *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*. New York, William Morrow & Company.

Information About the Authors

Margarita V. Vdovina, Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Department of Sociology, Russian State Social University, Vilgelma Pika St, 4, 129226 Moscow, Russian Federation, antigon1922@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8617-2940>

Ruslan A. Kuznetsov, Postgraduate Student, Department of Sociology, Russian State Social University, Vilgelma Pika St, 4, 129226 Moscow, Russian Federation, kra2036@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-2828-7922>

Информация об авторах

Маргарита Владимировна Вдовина, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, Российский государственный социальный университет, ул. Вильгельма Пика, 4, 129226 г. Москва, Российская Федерация, antigon1922@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8617-2940>

Руслан Анатольевич Кузнецов, аспирант кафедры социологии, Российский государственный социальный университет, ул. Вильгельма Пика, 4, 129226 г. Москва, Российская Федерация, kra2036@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-2828-7922>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.4.6>UDC 316.35
LBC 60.524Submitted: 23.09.2025
Accepted: 15.10.2025

**THE TRANSFORMATION OF SOCIAL PRACTICES
IN OLDER ADULTS THROUGH DIGITAL TOOLS
(A CASE STUDY OF MESSENGER CHAT CREATION AND SELF-ORGANIZATION)**

Mariya B. Poltavskaya

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Irina B. Kondrashina

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation;
Fund for the Promotion of Territories and Communities “Vysota”, Volgograd, Russian Federation

Abstract. This study presents a comprehensive analysis of the “Active Pensioner” virtual community as a successful model of digital adaptation and social integration for older adults. A key element of this model’s success is its effective organizational structure, manifested in the division into thematic groups “Communication” and “Announcements.” This division reflects the participants’ inherent drive to achieve a balance between emotionally expressive interaction and efficient information exchange. This approach minimizes information overload while significantly enhancing the quality and relevance of group communication. The community’s development trajectory, evolving from a single initial group into a complex, structured system, clearly demonstrates the principle of social self-organization, theoretically grounded in the work of N. Luhmann. Empirical data confirm that a stable order within the community emerges from numerous “bottom-up” interactions rather than being imposed through “top-down” administrative control. Within the “Communication” group, an organic distribution of social roles – such as moderators, experts, creators, and activists – is observed, along with the formation of a stable core of the most active participants. This creates an autopoietic social system capable of self-reproduction and maintaining its own boundaries. The most significant theoretical conclusion of this work is the identification of a symbiosis between the two forms of social capital as defined by R. Putnam. In the digital environment of the community, bonding social capital, based on mutual support, a shared age identity, and emotional closeness, and bridging social capital, which provides access to diverse information and external social connections, do not oppose but rather mutually reinforce each other. This symbiosis gives rise to a new, hybrid form – “digital social capital,” characteristic of the communicative practices of the modern era. The community’s functioning is ensured by a balanced normative system that combines traditional values of mutual aid and respect for age with critical thinking and adaptability to new technologies. This system is supported by flexible mechanisms of social control, including positive reinforcement through approving reactions and soft sanctions aimed at behavioral correction and information verification. The study proves that digital technologies do not replace traditional forms of sociality but, when properly integrated, open new avenues for maintaining social activity, overcoming isolation, and constructively rethinking life experience in old age.

© Полтавская М.Б., Кондрашина И.Б., 2025

Key words: older adults, digital technologies, social practices, digital tools, social activity, social capital, transformation of social practices, self-organization, messenger chat.

Citation. Poltavskaya M.B., Kondrashina I.B. The Transformation of Social Practices in Older Adults Through Digital Tools (A Case Study of Messenger Chat Creation and Self-Organization). *Logos et Praxis*, 2025, vol. 24, no. 4, pp. 56-68. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.4.6>

УДК 316.35
ББК 60.524

Дата поступления статьи: 23.09.2025
Дата принятия статьи: 15.10.2025

ЦИФРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ (НА ПРИМЕРЕ СОЗДАНИЯ И САМООРГАНИЗАЦИИ ЧАТА В МЕССЕНДЖЕРЕ)

Мария Борисовна Полтавская

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Ирина Борисовна Кондрашина

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация;
Фонд содействия развитию территорий и сообществ «Высота», г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Настоящее исследование посвящено комплексному анализу виртуального сообщества «Активный пенсионер» как успешной модели цифровой адаптации и социальной интеграции людей старшего поколения. Ключевым элементом успешности данной модели является эффективная организационная структура, выражающаяся в разделении на тематические группы «Общение» и «Объявления». Данное разделение отражает естественное стремление участников к достижению баланса между эмоционально-экспрессивным общением и эффективным информационным обменом. Такой подход позволяет минимизировать информационную перегрузку, существенно повышая качество и целесообразность группового взаимодействия. Динамика развития сообщества, прошедшая путь от первоначальной единой группы к сложной структурированной системе, наглядно демонстрирует принцип социальной самоорганизации, теоретически обоснованный Н. Луманом. Эмпирические данные подтверждают, что устойчивый порядок в сообществе возникает из множества взаимодействий «снизу вверх», а не навязывается посредством административного управления «сверху». Внутри группы «Общение» наблюдается органичное распределение социальных ролей, таких как модераторы, эксперты, творцы и активисты, а также формирование стабильного ядра из наиболее активных участников. Это формирует аутопоэтическую социальную систему, способную к самовоспроизведению и поддержанию собственных границ. Важнейшим теоретическим выводом работы является выявление симбиоза двух форм социального капитала по Р. Патнэму. В цифровой среде сообщества объединяющий социальный капитал (*bonding social capital*), основанный на взаимной поддержке, общей возрастной идентичности и эмоциональной близости, и связующий капитал (*bridging social capital*), обеспечивающий доступ к разнообразной информации и внешним социальным связям, не противостоят друг другу, а находятся в состоянии взаимного усиления. Этот симбиоз порождает новую, гибридную форму – «цифровой социальный капитал», характерный для коммуникативных практик современной эпохи. Функционирование сообщества обеспечивается сбалансированной нормативной системой, которая сочетает в себе традиционные ценности взаимопомощи, уважения к возрасту с критическим мышлением и адаптивностью к новым технологиям. Эта система поддерживается гибкими механизмами социального контроля, включающими поощрения в виде одобрительных реакций и мягкие санкции, направленные на коррекцию поведения и проверку информации. Исследование доказывает, что цифровые технологии не замещают традиционные формы социальности, а, будучи грамотно интегрированными, открывают новые возможности для поддержания социальной активности, преодоления изоляции и конструктивного переосмысления жизненного опыта в пожилом возрасте.

Ключевые слова: пожилые люди, цифровые технологии, социальные практики, цифровые инструменты, социальная активность, социальный капитал, трансформация социальных практик, самоорганизация, чат в мессенджере.

Цитирование. Полтавская М. Б., Кондрашина И. Б. Цифровые инструменты как фактор трансформации социальных практик пожилых людей (на примере создания и самоорганизации чата в мессенджере) // Logos et Praxis. – 2025. – Т. 24, № 4. – С. 56–68. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.4.6>

Введение

Современные цифровые технологии включаются в повседневную жизнь пожилых людей, становясь инструментом социальной интеграции, самовыражения и поддержания активного образа жизни. В данном исследовании чат в мессенджере рассматривается не как техническая платформа общения, но как социальное пространство, в котором реализуются практики «позитивного старения» [Tornstam 2005].

Проведенное исследование показывает, как цифровизация трансформирует традиционные социальные практики пожилых людей и продолжает исследование потенциала и социального капитала сообществ [Полтавская, Кондрашина, Бубликова 2025]. Пожилые люди становятся активными агентами цифровой трансформации, а не пассивными объектами, а цифровые инструменты выступают средством преодоления социальной исключенности и возрастных ограничений.

Мессенджеры и сетевое сообщество

Сетевое сообщество возникает на основе достижений информационных и коммуникационных технологий. В нем объединяются межличностные, организационные и массовые коммуникации, люди получают постоянный доступ к информации и общению друг с другом. М. Кастельс выделяет переход от традиционных, иерархических сообществ к сетевым формам организации, где основным типом социальной структуры становится сеть [Кастельс 2000]. Виртуальные сообщества функционируют как децентрализованная сеть, где ключевыми агентами являются не только администраторы, но и активные участники. Отметим, в урбанизированных условиях цифровые платформы компенсируют дефицит местных сообществ [Castells 2001].

К началу 2025 г. число пользователей Интернета в мире составило 5,56 миллиарда человек, что соответствует уровню проникновения в 67,9 процента [Kemp web]. В отчете Digital 2025: Global Overview Report отмечается, что «люди по всему миру обращаются к подключененным устройствам и сервисам для более широкого спектра действий и по-

требностей, чем год назад, и эти меняющиеся модели поведения, возможно, в большей степени отражают цифровые тенденции» [Kemp web].

Портрет современного пользователя Интернета, согласно данным «Digital 2025 July Global Statshot Report», представлен актором, который использует цифровое пространство для решения практических задач, поддержания социальных связей, организации досуга и управления ключевыми аспектами своей жизни. Данные отчета отражают значительную интеграцию цифровых технологий в социальные практики людей во всем мире. Среди мотивов использования Интернета доминируют: поиск информации 61,3 %, общение с друзьями и семьей 58,8 %, просмотр видео, ТВ-шоу или фильмов 55,0 %, поиск новостей и событий 53,3 %, поиск инструкций и советов (как что-то сделать) 50,1 %.

По данным «Digital 2025 July Global Statshot Report», растет популярность сервисов мгновенного обмена сообщениями (мессенджеров) среди различных демографических групп. Мессенджеры могут быть рассмотрены как новые медиа, поскольку они представляют собой средства массовой коммуникации, которые изменяют способы взаимодействия и обмена информацией в современном информационном обществе. Если в социальных сетях часто возникает проблема информационного перегруза из-за большого количества контента, который появляется в ленте новостей, в мессенджерах пользователи имеют более непосредственный контроль над тем, с кем они общаются, и какая информация доходит до них. В сетевом обществе наблюдается тренд популярности мессенджеров, где они выступают как новые формы социальности и меняют способы коммуникации. В научной литературе ведется дискуссия, являются ли такие сервисы отдельным медиаканалом или представляют собой этап эволюции социальных сетей [Van Dijck, Poell, De Waal 2018].

Мессенджеры более адресны, и пользователи таких платформ самостоятельно выбирают тот контент, который они хотят получать. Цель мессенджеров – объединять людей с помощью онлайн-коммуникации. Мессенджер представляет собой программу для мгновенного обмена текстовыми сообщени-

ями, аудиозаписями, фотографиями и другими мультимедиа.

Согласно данным «Digital 2025 July Global Statshot Report» GWI, 2025 мессенджеры и чаты стали универсальной коммуникационной технологией, интегрированной в повседневную жизнь подавляющего большинства пользователей Интернета (табл. 1).

Высокие проценты использования во всех возрастных группах подтверждают популярность. Наблюдается ярко выраженная негативная корреляция между возрастом и интенсивностью использования мессенджеров. Пик использования приходится на самые молодые группы (16–24 и 25–34 лет), где показатели достигают 95–96 %. Это поколение, для которого онлайн-коммуникация является естественной средой общения. Наиболее значительный спад наблюдается в возрастной группе 65+, особенно среди мужчин (74,7 %). Гендерные различия усиливаются с возрастом, в молодых и средних возрастных группах (до 54 лет) разница между мужчинами и женщинами минимальна (менее 1,5 процентных пункта), а в некоторых случаях женщины даже немного активнее. После 55 лет гендерный разрыв усиливается. Во всех старших группах (55–64 и 65+) женщины используют мессенджеры чаще мужчин (разрыв составляет 2,2–4,7 п.п.). Это может быть связано с тем, что количество женщин в более старших возрастных когортах превышает количество мужчин, а также с более развитыми социальными связями и ролью женщин как «хранительниц семейного общения».

Падение популярности мессенджеров в группе старше 65 лет связано с комплексом причин: технологические барьеры, консервативность коммуникативных привычек

(предпочтение телефонным звонкам), меньшая вовлеченность в социальные и профессиональные сети, требующие постоянного онлайн-контакта.

Данные таблицы 1 демонстрируют, что хотя мессенджеры и стали инфраструктурной основой цифровой коммуникации, модель их использования не является однородной. Молодежь воспринимает их как естественную и необходимую среду существования, в то время как для старшего поколения это часто остается одним из многих, не всегда основным, каналом связи.

Отметим, что в России значительная часть пожилых людей по-прежнему остается за пределами цифровой среды [Перинская 2022; Васильева и др. 2018]. Наше исследование по умолчанию сосредоточено на «продвинутой» группе, своего рода цифровом авангарде старшего поколения. Однако за рамками изучения остается другая, «невидимая» в цифровом поле часть пожилого населения, чьи стратегии выживания и удовлетворения потребностей требуют отдельного глубокого исследования. Можно предположить, что в сельской местности пожилые люди, не использующие цифровые технологии, во многом полагаются на традиционные формы поддержки, такие как помошь соседей. В городе же ситуация иная: из-за ослабления соседских связей и активного перевода услуг в онлайн, неиспользование технологий грозит им усилением изоляции, что создает серьезное давление и вынуждает осваивать цифровые инструменты.

Методология и материалы

Теория активного старения (долголетия), продвигаемая Всемирной организацией здравоохранения

Таблица 1

Использование чатов и мессенджеров по возрастным и гендерным группам, процент пользователей, %

Возрастная группа	Женщины	Мужчины
16–24 лет	96,4	95,7
25–34 лет	96,0	94,4
35–44 лет	95,6	94,2
45–54 лет	94,3	92,2
55–64 лет	91,7	89,0

Примечание. Источник: [Digital 2025... web].

воохранения (ВОЗ) с 2002 г., подчеркивает важность участия пожилых людей в социальной, экономической, культурной и гражданской жизни [Boudin 2013]. Согласно докладу ВОЗ активное старение (долголетие) – «процесс оптимизации возможностей для поддержания здоровья, участия в жизни общества и безопасности в целях обеспечения качества жизни по мере старения населения» [Всемирный доклад... web].

Мы опирались также на положения концепции «продуктивного старения» [Morrow-Howell, Hinterlong, Sherraden (eds.) 2001], согласно которой пожилые люди продолжают вносить вклад в общество через творчество, волонтерство и наставничество.

Для объяснения динамики внутренней структуры чата, распределения ролей и форм взаимодействия без централизованного управления были использованы положения теории самоорганизации социальных систем Н. Лумана [Luhmann 1995].

Взаимодействие в виртуальном сообществе рассматривалось через призму связующего (bridging) и объединяющего (bonding) социального капитала Р. Патнэма [Putnam 2000].

Функционирование чата «Активный пенсионер Волгоград» представляет собой пример сообщества, способствующего формированию позитивного образа старости как у самих участников, так и у внешней аудитории. Объектом анализа являлось виртуальное сообщество в WhatsApp * «Активный пенсионер Волгоград», объединяющее людей пожилого возраста. Структура сообщества представлена двумя связанными группами: «Общение» (85 чел.) и «Объявления» (166 чел.). Общая численность (с учетом пересечения): 203 человека. Анализ контента сообщества проводился за период с 15 сентября по 1 октября 2025. Всего в анализируемый период было опубликовано 712 сообщений от 43 уникальных участников.

В исследовании использовался метод контент-анализа сообщений чата виртуального сообщества. Единицей наблюдения являлось отдельное сообщение в чате (текстовое,

голосовое, медиа-контент), единицей счета – тематические категории и коммуникативные паттерны.

Анализ сообщества позволил выявить ядро (наиболее активных и влиятельных участников), периферию (менее активных). Анализ включал: подсчет сообщений по авторам; выявление ядра и периферии на основе активности (количество сообщений) и содержания сообщений (влияние, ответы на сообщения); качественный анализ тем обсуждений, тип контента, взаимодействия.

Критериями анализа выступили параметры: структура и аудитория; цели и функции; коммуникационные паттерны; социальный капитал и сплоченность; ценностно-нормативная система.

Количественный компонент контент-анализа включал фиксацию частоты сообщений по тематическим категориям: информационный обмен (25 %); эмоционально-поддерживающая коммуникация (30 %); координационная функция (20 %); творческий контент (15 %); нормативно-оценочные высказывания (10 %).

Качественный компонент контент-анализа заключался в выявлении социальных ролей через анализ содержания сообщений. Были выявлены роли «примиритель» – использование голосовых сообщений в конфликтных ситуациях; «эксперты» – сообщения с аргументированной позицией; «творцы» – публикация авторского контента; «активисты» – инициация коллективных действий.

Обзор исследований

Погружение в процесс цифровизации старшего поколения в рамках современных социальных исследований старения изучают петербургские социологи И.А. Григорьева, О.В. Сергеева, К.А. Галкин, О.А. Парфенова и др. В их трудах анализируется, как и с какой целью пожилые люди используют цифровые технологии, выявляются стратегии вовлеченности в цифровую среду, прослеживается динамика цифровых практик за последнее десятилетие [Григорьева, Петухова 2019; Куз-

* WhatsApp принадлежит компании MetaPlatforms, Inc., включенной в Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму. Деятельность данной организации запрещена на территории Российской Федерации.

нечов, Сергеева 2014; Галкин, Парфенова 2023]. Московские социологи О.Н. Дудченко и А.В. Мытиль на основе эмпирических данных описывают положение пожилого человека в цифровой среде, фиксируя достижения и проблемы (цифровое неравенство, барьеры) [Дудченко, Мытиль 2020].

Уровень и характер вовлеченности пожилых в цифровую среду, включая использование госуслуг, онлайн-покупок и коммуникационных сервисов, описан в работах томских социологов и их вьетнамских коллег [Барышева и др. 2022; Нгуен 2023].

Можно отметить исследование об интеграции компьютера и интернета в жизнь старшего поколения [Биккулов, Сергеева 2016]. Непосредственно вопросы коммуникативных практик пожилых людей в социальных сетях и мессенджерах анализируются в работах М.А. Погосовой, И.С. Петуховой, И.В. Щекиной. Исследователи объясняют, как пожилые люди выстраивают социальные связи, поддерживают общение с близкими и находят новые знакомства онлайн, используют онлайн сервисы в повседневной жизни [Петухова, Щекина 2022; Погосова 2023].

Обсуждение и результаты

Структура и аудитория. Первоначально сообщество было создано без выделения отдельных подгрупп / чатов, но через две недели стало ясно, что необходимо создание групп по интересам. Выделились два запроса аудитории – на общение и получение информации и новостей. Активный рост числа членов сообщества отмечался в первые два месяца после создания.

Наличие двух групп «Общение» и «Объявления» свидетельствует о структурированности сообщества. Такая структура отражает стремление участников к балансу между информационной функцией и эмоционально-экспрессивным общением.

Как отмечают исследователи цифровой геронтологии, для пожилых людей важно не просто использование технологий, а их интеграция в повседневные социальные практики [Loos 2012]. Разделение сообщества на «Общение» и «Объявления» является примером такой адаптации технологий под конкретные

социальные нужды, минимизируя информационную перегрузку и повышая эффективность коммуникации.

Группа «Объявления» модерируется двумя внешними администраторами, которые публикуют информацию и объявления, и одним администратором от сообщества. Только они могут наполнять контент данной группы сообщества. Вступить в сообщество возможно по ссылке, которую может отправить потенциальному участнику любой член сообщества.

Группа / чат «Общение» функционирует без централизованного управления. За создателем сообщества закреплены права администратора (удаление любого контента), остальные члены группы могут публиковать аудио-, видео- и текстовый контент, оставлять комментарии.

Внутри чата «Общение» постепенно распределились социальные роли, выявились лидеры. Эмоциональным лидером, а также лидером-творцом является «душа» сообщества Вера А. Она один из самых активных участников чата, исполнитель песен, автор текстов песен, участница различных творческих коллективов для людей старшего возраста г. Волгограда, ведет страницы в социальных сетях.

Структуру чата «Общение» можно объяснить посредством принципа самоорганизации социальных систем Н. Лумана [Luhmann, 1995], который подчеркивал, что порядок возникает из взаимодействий, а не сверху. Теория самоорганизации социальных систем Н. Лумана объясняет динамику внутренней структуры группы, распределение ролей, форм взаимодействия без централизованного управления. С точки зрения Лумана, социальные системы – это не совокупности людей, а коммуникации. Система (чат «Общение») существует постольку, поскольку в ней производится коммуникация. Она автономна и сама воспроизводит свои элементы. Чат «Общение» – это классическая аутопоэтическая система, которая самовоспроизводится и определяет свои границы через собственную коммуникацию. Каждое новое сообщение (например, песня на слова Веры А., реакция на нее, осуждение публикации фейка) порождает последующие сообщения. Коммуникация ссылается на предыдущую коммуникацию,

создавая самореферентную цепь. Уход одних участников и приход других не разрушает систему, пока коммуникация продолжается. Стоит отметить, что количество участников сообщества не постоянно: периодически добавляются и удаляются участники сообщества. Система «подпитывается» не людьми, а их коммуникативными действиями внутри чата.

За анализируемый период было опубликовано 712 сообщений от 43 участников. Ядро сообщества составляют 9 человек (21 %), которые генерируют около 65 % контента, регулярно активны, задают темы (табл. 2). Среди ядра выделяются «лидер мнений», публикующий политico-философские посты; «организатор» (администратор, может усилить активность, инициировав флешмоб (например, #неделя пирогов в сезон фруктов, периодически задает вопросы участникам чата); «информационный хаб» (публикующий повторяющиеся предупреждения о мошенниках); «творческое ядро» (Вера А, поэтесса, делится песнями), три участника выполняют функцию «Поддерживающей активности» (частые реакции, публикация видеоконтента – коротких роликов).

К активной периферии можно отнести 11 человек (26 %). Они участвуют в обсуждениях, но менее регулярно (~ 25 % контента). К периферии относятся 23 человека (53 %), которые пишут редко (1–5 сообщений за анализируемый период), в основном потребляют контент. Пассивная периферия / Аудитория: (166 чел.), которые состоят только в группе «Объявления». Это наименее вовлеченная часть сообщества, которая использует его как инструмент для получения информации, но не участвует в дискуссиях.

Чат способствует реализации позитивного и продуктивного старения: участники делятся фото с выступлений на мероприятиях

(фестивали, выставки, мастер-классы), публикуют анонсы встреч, делятся творчеством. Например, участница Вера А. (творческое ядро) ежедневно публикует авторские песни, вызывая живой отклик. Это соответствует концепции «продуктивного старения» [Morrow-Howell, Hinterlong, Sherraden (eds.) 2001].

Цели и функции виртуального сообщества. Основная цель виртуального сообщества – социальная интеграция через преодоление возрастной изоляции и регулярное общение. Среди важных функций группы «Общение» выделим: социально-коммуникативную функцию: чат как пространство для неформального общения, обсуждений, поддержки, обмена мнениями (предупреждения о мошенниках, советы по здоровью); гражданская самоорганизация: коллективные обращения, координация волонтерской помощи; культурно-досуговая организация: творческие проекты, флешмобы, обсуждение мероприятий. Латентные функции виртуального сообщества: социальная и психологическая поддержка: преодоление ощущения социальной исключенности, поддержание социального статуса и идентичности: участие в обсуждениях позволяет демонстрировать компетентность, опыт, быть «полезным» советом; идентификационная: конструирование позитивной возрастной идентичности (активный пенсионер); адаптационная: освоение цифровой среды в безопасных условиях, структурирование времени (регулярный поток сообщений помогает бороться с одиночеством и рутиной).

Группа «Объявления» выполняет утилитарно-информационную функцию: канал для распространения важной, проверенной информации (новости районов и города, предложения помощи, отдача вещей, информация о культурных мероприятиях).

Таблица 2

Социальная структура сообщества

ЯДРО 9 чел.	АКТИВНАЯ ПЕРИФЕРИЯ 11 чел.	ПЕРИФЕРИЯ 23 чел.
Лидеры мнений (2–3 чел.) Организаторы (1–2 чел.) Активные коммуникаторы (4–5 чел.)	Регулярные участники Тематические эксперты	Редко пишущие «Читатели»

Коммуникационные паттерны. Разделение каналов коммуникации – самый эффективный паттерн в данном сообществе. Он предотвращает «информационный шум», важные объявления не тонут в потоке бытовых разговоров, а споры в группе «Общение» не мешают получить доступ к важной информации.

Структурные особенности сообщества отражены в структуре с ядром из 9 активных участников. Высокая плотность коммуникации (712 сообщений за 15 дней). Общение в сообществе круглосуточное.

Среди типов коммуникации в группе «Общение» информационный обмен занимает примерно 25 % объема контента (новости, предупреждения, полезные советы). На эмоционально-поддерживающий тип коммуникации приходится около 30 % контента (поздравления, сопреживание, одобрение). Примерно 20 % можно отнести к координационному контенту (организация мероприятий, флешмобов); творческий контент составляет 15 % (стихи, песни, фотографии); на нормативно-оценочный тип коммуникации (критика власти, обсуждение моральных проблем) приходится примерно 10 %.

Коммуникативные роли в группе «Общение» распределены следующим образом: модератор (организатор); эксперты (инициируют политico-философские темы, дают советы по медицинским, бытовым вопросам); активисты (гражданские инициативы), «примириитель» (участник Валентина К., работает волонтером в сестричестве, рассказывает о практиках ухода за «нестандартными» людьми); творцы (Вера А., поэтесса); поддерживающие (реакция, одобрение).

Тон и стиль коммуникации в группе «Общение» доверительный, эмоциональный, иногда ностальгический. В «Объявлениях» более формальный, краткий и предметный.

Доминирует текстовая форма общения, которая является базовой и нерегламентированной нормой. Голосовые сообщения используются эпизодически и выполняют специфическую регуляторную функцию. Особый интерес представляет практика участницы Валентины К., которая использует голосовые сообщения в ситуациях повышенной эмоциональной напряженности в дискуссиях. Данная стратегия позволяет идентифицировать ее как

неформального «примириителя», чьи аудиосообщения обладают авторитетом и воспринимаются сообществом как эффективный инструмент разрешения споров.

Социальный капитал и сплоченность.

Применение теории социального капитала Р. Патнэма позволяет проанализировать социальные процессы в чате. Взаимодействие в группе протекает через призму связующего (bridging) и объединяющего (bonding) социального капитала [Putnam 2000].

Объединяющий социальный капитал (bonding), согласно Патнэму, возникает внутри тесных, гомогенных групп, основан на сильных эмоциональных связях, взаимной поддержке и общей идентичности. Группа «Общение» формирует именно его. Здесь создаются тесные эмоциональные связи, чувство «мы» – люди одного поколения и круга. Возрастная гомогенность чата, когда все участники – пенсионеры, создает основу для общего понимания проблем и интересов, взаимной поддержки, эмоциональной и практической помощи. Общие ритуалы (поздравления, коллективные действия) укрепляют объединяющий социальный капитал сообщества. Функция объединяющего социального капитала – обеспечивать эмоциональную поддержку, чувство принадлежности.

Связующий социальный капитал (bridging) возникает между разнородными группами, обеспечивает доступ к новым ресурсам, информации и возможностям. У участников разных социальных ролей: волонтеры, поэты, организаторы, критики. Чат обеспечивает доступ к разнообразной информации (культурные мероприятия, политические новости, практические советы (кулинария, здоровье, финансы), расширяет внешние связи через ссылки на внешние ресурсы (новостные сайты, социальные сети). Группа «Объявления» служит инструментом для решения практических задач, мобилизации ресурсов (например, «нужно помочь с покупкой лекарств»). Функция связующего социального капитала – расширять доступ к информации, создавать мосты между разными социальными мирами.

Чат демонстрирует не противоречие, а **взаимодействие** двух форм социального капитала (см. табл. 3).

В цифровом пространстве чата мы наблюдаем симбиоз двух форм социального капитала, где объединяющие и связующие силы не противостоят, а взаимно усиливают друг друга. Участники чата одновременно ощущают себя «пенсионерами», объединенными общим жизненным опытом и возрастными особенностями, и «активными гражданами», стремящимися влиять на социальные процессы. Эта двойная идентичность проявляется через их общение.

Когда в чате разворачивается обсуждение политики, внутренняя солидарность, основанная на общей критике власти, неожиданно становится катализатором для поиска разнообразной информации из внешних источников. Организация помощи военным демонстрирует, как чувство общей ответственности и взаимное доверие между участниками превращается в эффективный механизм сбора реальных ресурсов. Эмоциональная поддержка внутри группы способствует социальной активности вовне. Творческие проекты в чате (стихи, песни, кулинарные флешмобы) становятся возможны благодаря взаимной поддержке, но затем распространяются за пределы группы. Цифровая среда виртуального сообщества выступает уникальным катализатором этого процесса: регулярное общение в чате постоянно укрепляет эмоциональные связи между участниками, одновременно предоставляя им доступ к разнообразным информационным потокам из внешнего мира.

Ключевую роль в поддержании целостности и укреплении социального капитала сообщества играют администраторы. Они выступают в качестве связующего звена, осуществляя не только модерационные функции, но и целенаправленное конструирование общности. Стратегия «визуального знакомства», заключающаяся в публикации фотографий участников, сделанных на очных мероприятиях,

способствует преодолению анонимности и формированию более доверительной атмосферы внутри цифрового пространства.

В цифровую эпоху противопоставление bonding / bridging капитала, внутренней сплоченности и внешних связей теряет свою актуальность. Мы наблюдаем становление новой формы «цифрового социального капитала», где технологии не разрушают традиционные формы социальности, а создают новые возможности для социальной интеграции, позволяя пожилым людям одновременно сохранять групповую идентичность и активно участвовать в жизни более широкого сообщества. Один и тот же цифровой инструмент может одновременно укреплять внутреннюю сплоченность, обеспечивать связи с внешним миром, трансформировать социальный капитал из одной формы в другую.

Ценностно-нормативная система виртуального сообщества. В виртуальном сообществе сложилась своя система норм, которая поддерживает всю архитектуру общения. Взаимопомощь можно проиллюстрировать примером: когда одна из участниц начинает настойчиво предупреждать о мошенниках, это воспринимается не как надоедливость, а как проявление заботы. Ее сообщения, хоть и повторяющиеся, встречают понимание: «Лучше 100 раз написать, чем ни одного».

Уважение к возрасту проявляется в особом, бережном отношении к мнению старших участников. Когда кто-то делится воспоминаниями о советском прошлом или приводит цитаты классиков, к этим словам прислушиваются, даже если не все разделяют ностальгические настроения.

Коллективизм становится фундаментом многих решений – приоритет отдается не личным амбициям, а общим интересам, будь то сбор помощи военным или организация совме-

Таблица 3

Динамическое взаимодействие двух форм капитала

Аспект	Объединяющий социальный капитал (bonding)	Связующий социальный капитал (bridging)
Идентичность	Мы – пенсионеры	Мы – активные граждане
Цели	Взаимная поддержка, эмоциональный комфорт	Социальное влияние, доступ к информации
Ресурсы	Эмоциональная поддержка, доверие	Новая информация, внешние связи

стного флешмоба. Но это не слепое следование традициям. Критическое мышление ценится – участники не стесняются проверять информацию, обсуждать возможные фейки, как это случилось с сообщением об отключении Интернета. Творческая самореализация поощряется особым образом: стихи и песни Веры А., кулинарные фото других участников, музыкальные находки встречают волну благодарности и одобрения.

Однако возникают и нормативные конфликты. Гиперопека в виде многократных повторяющихся предупреждений иногда вступает в противоречие со свободой общения – некоторые участники вежливо, но настойчиво просят «не засорять чат» одинаковыми сообщениями. Лояльность власти сталкивается с гражданской критикой, когда одни призывают «достучаться до верхов», а другие скептически замечают, что «власть слепа и глуха».

Участники, с одной стороны, ностальгируют по «простым советским временам», а с другой – активно осваивают цифровые инструменты, спорят о цифровом рубле и фейках, демонстрируя удивительную адаптивность. В сообществе сформировались устойчивые неформальные нормы, регулирующие временные рамки коммуникации. Несмотря на отсутствие фиксации в официальных правилах, коллективной договоренностью установлен «режим тишины» в период с 22:00 до 07:00.

В сообществе сложилась система поощрений и санкций, работающая почти незаметно. Поощрения выражаются в лайках, теплых благодарностях, одобрительных комментариях – это та валюта, которая ценится здесь выше денег. Когда кто-то делится красивыми фото или интересной информацией, он получает немедленную эмоциональную отдачу.

Санкции проявляются мягко, но ощутимо. Критика фейков и коррекция неточной информации становятся коллективным делом – участники вместе разбираются, где правда, а где вымысел. Саморегуляция работает удивительно эффективно: люди самостоятельно удаляют сообщения, извиняются за ошибки, проявляя уважение к общему пространству.

Иногда участники чата «развиртуализируются», встречаясь на анонсируемых мероприятиях. При этом значительная часть членов группы, включая тех, кто никогда не взаи-

модействовал лицом к лицу, успешно выстраивает устойчивые социальные связи в виртуальной среде.

Эта сложная система норм, конфликтов и способов их разрешения создает уникальную среду, где пожилые люди чувствуют себя одновременно защищенными и свободными, традиционными и современными, критичными и поддерживающими. Именно этот баланс и делает виртуальное сообщество таким живым и устойчивым.

Вывод

На примере сообщества «Активный пенсионер» мы видим, как цифровые технологии, адаптированные под конкретные социальные потребности, позволяют пожилым людям не просто осваивать новые инструменты, но и выстраивать устойчивые, самоорганизующиеся социальные системы. Структура сообщества, разделенного на тематические группы «Общение» и «Объявления», отражает естественное стремление участников к балансу между эмоционально-экспрессивным общением и эффективным информационным обменом, что минимизирует перегрузку и повышает качество взаимодействия. Динамика развития сообщества – от первоначальной единой группы к структурированной системе – демонстрирует принцип самоорганизации, описанный Н. Луманом: порядок возникает из взаимодействий снизу вверх, а не навязывается сверху.

На примере виртуального сообщества «Активный пенсионер» мы видим успешную модель цифровой адаптации пожилых людей, где технологии становятся инструментом не просто коммуникации, а социальной интеграции. Ключевыми факторами этой успешности являются: а) эффективная структура – разделение на тематические группы «Общение» и «Объявления» позволяет балансировать между эмоциональными и информационными потребностями, минимизируя перегрузку; б) самоорганизация – распределение ролей (модераторы, эксперты, творцы, активисты) и формирование ядра активных участников создают устойчивую социальную систему, функционирующую по принципам аутопозиса; в) симбиоз социального капитала – сочетание

bonding-капитала (взаимная поддержка, общая идентичность) и bridging-капитала (доступ к внешней информации, социальные связи) формирует новый тип цифрового социального капитала; г) сбалансированная нормативная система – гибкие правила поведения, сочетающие взаимопомощь, уважение к возрасту и критическое мышление, создают безопасную среду для самореализации. Сообщество одновременно выполняет социально-коммуникативную, гражданскую, культурную и адаптационную функции, удовлетворяя разнообразные потребности участников.

Этот опыт демонстрирует, что цифровые технологии не заменяют традиционные формы общения, а обогащают их, создавая новые возможности для поддержания социальной активности пожилых людей. Успешная интеграция происходит тогда, когда технологические решения адаптируются под конкретные социальные практики и позволяют сообществу самостоятельно выстраивать комфортную среду общения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барышева и др. 2022 – *Барышева Г.А., Клемашева Е.И., Недоспасова О.П., Нгок Т.Ч., Тханг Ч.Н.* Вовлеченность пожилых людей в процессы современных цифровых трансформаций // Успехи геронтологии. 2022. Т. 35, № 1. С. 68–75. DOI: 10.34922/AE.2022.35.1.007
- Биккулов, Сергеева 2016 – *Биккулов А.С., Сергеева О.В.* «Компьютер не роскошь, а средство...»: включенность в цифровой мир старших возрастных групп по результатам эмпирического исследования // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2016. № 2 (42). С. 95–103.
- Васильева и др. 2018 – *Васильева Е.Н., Скобелина Н.А., Николенко Н.А., Дулина Н.В.* Социальная активность пожилых людей в современной России: гендерный аспект // Logos et Praxis. 2018. Т. 17, № 2. С. 44–47.
- Всемирный доклад... web – Всемирный доклад о старении и здоровье, Всемирная организация здравоохранения, Женева, 2016 // [https://static-0.minzdrav.gov.ru/system/attachments/attaches/000/047/769/original/Всемирный_доклад_ВОЗ_о_старении_и_健康发展.pdf?1570458859](https://static-0.minzdrav.gov.ru/system/attachments/attaches/000/047/769/original/Всемирный_доклад_ВОЗ_о_старении_и_здоровье.pdf?1570458859)
- Галкин, Парфенова 2023 – *Галкин К.А., Парфенова О.А.* Стратегии использования Интернета старшим поколением // Народонаселение. 2023. Т. 26, № 2. С. 91–101. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.8
- Григорьева, Петухова 2019 – *Григорьева И.А., Петухова И.С.* Интернет-практики пожилых: 10 лет развития и изучения // Государство и граждане в электронной среде. 2019. № 3. С. 78–90. DOI: 10.17586/2541-979X-2019-3-78-90
- Дудченко, Мытиль 2020 – *Дудченко О.Н., Мытиль А.В.* Пожилой человек в цифровом мире (по результатам эмпирических исследований) // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 18. М.: Новый Хронограф, 2020. С. 333–356.
- Кастельс 2000 – *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
- Кузнецov, Сергеева 2014 – *Кузнецов А., Сергеева О.* «Новые» технологии и «старые» люди: исследование опыта пользования компьютером у представителей третьего возраста // Социология власти. 2014. № 3. С. 99–125.
- Нгуен 2023 – *Нгуен Х.Х.* Социальная адаптация пожилых людей к цифровой трансформации общества: социологические исследования в Ханое и Хошимине (Вьетнам) // Регионология. 2023. Т. 31, № 2. С. 375–392.
- Перинская 2022 – *Перинская Н.А.* Цифровая социализация россиян пожилого возраста // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2022. № 2. С. 55–60. DOI: 10.17805/trudy.2022.2.6
- Петухова, Щекина 2022 – *Петухова И.С., Щекина И.В.* Пожилые люди в сетевом пространстве // International Journal of Open Information Technologies. 2022. Т. 10, № 11. С. 35–40.
- Погосова 2023 – *Погосова М.А.* Онлайн-сервисы в повседневных практиках пожилых людей в контексте цифровизации // Вестник государственного университета «Дубна». Серия «Науки о человеке и обществе». 2023. № 3. С. 66–73.
- Полтавская, Кондрашина, Бубликова 2025 – *Полтавская М.Б., Кондрашина И.Б., Бубликова И.А.* Социальный капитал и социальные практики местных сообществ: на материалах экспертных интервью // Logos et Praxis. 2025. Т. 24, № 1. С. 48–61. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2025.1.5
- Boudiny 2013 – *Boudiny K.* “Active Ageing”: From Empty Rhetoric to Effective Policy Tool // Ageing and Society. 2013. Vol. 33, № 6. P. 1077–1098. DOI: 10.1017/s0144686x1200030x
- Castells 2001 – *Castells M.* The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society. N. Y.: Oxford University Press, 2001.

- Digital 2025... web – Digital 2025 July Global Statshot Report [Data Report] // <https://datareportal.com/reports/digital-2025-july-global-statshot>
- Kemp web – Kemp S. Digital 2025 Global Overview Report // <https://datareportal.com/reports/digital-2025-global-overview-report>
- Loos 2012 – Loos E. Senior Citizens: Digital Immigrants in Their Own Country? // *Observatorio (OBS*) Journal*. 2012. Vol. 6, № 1. P. 1–23. DOI: 1646-5954/ERC123483/2012023
- Luhmann 1995 – Luhmann N. *Social Systems*. Stanford: Stanford University Press, 1995.
- Morrow-Howell, Hinterlong, Sherraden (eds.) 2001 – Productive Aging: Concepts and Challenges. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2001.
- Putnam 2000 – Putnam R.D. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. N. Y.: Simon & Schuster, 2000.
- Tornstam 2005 – Tornstam L. Gerotranscendence: A Developmental Theory of Positive Aging. N. Y.: Springer Publ., 2005.
- Van Dijck, Poell, De Waal 2018 – Van Dijck J., Poell T., De Waal M. *The Platform Society: Public Values in a Connective World*. N. Y.: Oxford University Press, 2018.
- Grigorieva I.A., Petukhova I.S., 2019. Internet Practices of the Elderly: 10 Years of Development and Study. *Gosudarstvo i grazhdane v elektronnoj srede*, no. 3, pp. 78-90. DOI: 10.17586/2541-979X-2019-3-78-90
- Dudchenko O.N., Mytil A.V., 2020. An Elderly Person in the Digital World (Based on the Results of Empirical Research). *Rossiya reformiruyushchayasya: ezhegodnik. Vyp. 18*. Moscow, Novyj khronograf Publ., pp. 333-356.
- Castells M., 2000. *The Information Age: Economics, Society and Culture*. Moscow, GU Vysshaya shkola ekonomiki.
- Kuznetsov A., Sergeeva O., 2014. New Technologies and Old People: Inquiry of Computer Use by Third Age Representatives. *Sociologiya vlasti*, no. 3, pp. 99-125.
- Nguyen H.H., 2023. Social Adaptation of the Elderly to Digital Transformation of Society: The Sociological Research in Hanoi Capital and Ho Chi Minh City (Vietnam). *Regionologiya*, vol. 31, no. 2, pp. 375-392.
- Perinskaya N.A., 2022. Digital Socialization of Elderly Russians. *Nauchnye Trudy Moskovskogo gumanitarnogouniversiteta*, no. 2, pp. 55-60. DOI: 10.17805/trudy.2022.2.6
- Petukhova I.S, Shekina I.V. Elderly People in the Network Space. *International Journal of Open Information Technologies*, 2022. Vol. 10, no. 11, pp. 35-40.
- Pogosova M.A., 2023. Online Services in the Daily Practices of Older People in the Context of Digitalization. *Vestnik gosudarstvennogo universiteta "Dubna". Seriya "Nauki o cheloveke i obshchestve"*, no. 3, pp. 66-73.
- Poltavskaya M.B., Kondrashina I.B., Bublikova I.A., 2025. Social Capital and Social Practices of Local Communities: Based on Expert Interviews. *Logos et Praxis*, vol. 24, no. 1, pp. 48-61. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2025.1.5
- Boudin K., 2013. “Active Ageing”: From Empty Rhetoric to Effective Policy Tool. *Ageing and Society*. Vol. 33, to. 6. pp. 1077-1098. DOI: 10.1017/s0144686x1200030x
- Castells M., 2001. *The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society*. New York, Oxford University Press.
- Digital 2025 July Global Statshot Report. *Data Reportal*. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2025-july-global-statshot>
- Kemp S., 2025. *Digital 2025 Global Overview Report*. <https://datareportalx.com/reports/digital-2025-global-overview-report>
- Loos E., 2012. Senior Citizens: Digital Immigrants in Their Own Country? *Observatorio (OBS*) Journal*, vol. 6, no. 1, pp. 1-23. DOI: 1646-5954/ERC123483/2012023
- Luhmann N., 1995. *Social Systems*. Stanford, Stanford University Press.

REFERENCES

- Barysheva G.A., Klemasheva E.I., Nedospasova O.P., Ngoc T.T.B., Thang N.Ch., 2022. Involvement of Elderly People in the Processes of Modern Digital Transformations. *Uspehi gerontologii*, vol 35, no. 1, pp. 68-75. DOI: 10.34922/AE.2022.35.1.007
- Bikkulov A.S., Sergeeva O.V., 2016. Personal Computer as Everyday Technology: Empirical Research of Computer Usage Among Russian Elderly. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki*, no. 2 (42), pp. 95-103.
- Vasilyeva E.N., Skobelina N.A., Nikolenko N.A., Dulina N.V., 2018. Social Activity of the Elderly in Contemporary Russia: A Gender Perspective. *Logos et Praxis*, vol. 17, no. 2, pp. 44-47.
- World Report on Ageing and Health*. World Health Organization. Geneva, 2016. URL: [https://static-0.minsdrav.gov.ru/system/attachments/attaches/000/047/769/original/Всемирный_доклад_ВОЗ_о_старении_и_健康发展.pdf?1570458859](https://static-0.minsdrav.gov.ru/system/attachments/attaches/000/047/769/original/Всемирный_доклад_ВОЗ_о_старении_и_здоровье.pdf?1570458859)
- Galkin K., Parfenova O., 2023. Strategies for Use of the Internet by the Older Generation. *Narodonaselenie*, vol. 26, no. 2, pp. 91-101. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.8
- Logos et Praxis. 2025. Vol. 24. No. 4

- Morrow-Howell, Hinterlong, Sherraden (eds.), 2001. *Productive Aging: Concepts and Challenges.* Baltimore, The Johns Hopkins University Press.
- Putnam R.D., 2000. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community.* New York, Simon & Schuster.
- Tornstam L., 2005. *Gerotranscendence: A Developmental Theory of Positive Aging.* New York, Springer Publ.
- Van Dijck J., Poell T., De Waal M., 2018. *The Platform Society: Public Values in a Connective World.* New York, Oxford University Press.

Information About the Authors

Mariya B. Poltavskaya, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Department of Russian Statehood, Sociology and Political Sciences, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, poltavskaya@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7275-626X>

Irina B. Kondrashina, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Russian Statehood, Sociology and Political Sciences, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation; Director, Fund for Promotion of Territories and Communities “Vysota”, Nikolaya Lyubimova St, 13, 400069 Volgograd, Russian Federation, tos_v@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-1679-2002>

Информация об авторах

Мария Борисовна Полтавская, кандидат социологических наук, доцент кафедры российской государственности, социологических и политических наук, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, poltavskaya@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7275-626X>

Ирина Борисовна Кондрашина, кандидат филологических наук, доцент кафедры российской государственности, социологических и политических наук, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация; директор, Фонд содействия развитию территорий и сообществ «Высота», ул. Николая Любимова, 13, 400069 г. Волгоград, Российская Федерация, tos_v@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-1679-2002>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.4.7>UDC 316.42:005.591.6
LBC 60.524.256Submitted: 01.10.2025
Accepted: 15.10.2025

**THE PHENOMENON OF THE “SECONDARY INNOVATOR”
AS A BARRIER TO THE DEVELOPMENT OF GREATER EURASIA:
DIAGNOSIS AND MANAGERIAL SOLUTIONS**

Tatiana N. Yudina

Institute of Social Demography of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation;
Russian Biotechnological University, Moscow, Russian Federation

Irina V. Nechaev

Russian Biotechnological University, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article examines the phenomenon of the “secondary innovator” – as a systemic barrier to the transition of the Greater Eurasia economies to a model of sustainable innovation-driven development. The study aims to identify and empirically verify the systemic interrelations common to the region between the quality of human capital (measured through creative thinking in PISA-2022), macroeconomic indicators of innovativeness (Global Innovation Index (GII), Economic Complexity Index (ECI)), and routine managerial practices. The methodological framework is based on comparative analysis and method triangulation: secondary analysis of international data (OECD PISA, GII, ECI) for the countries of the region (Russia, Kazakhstan, Belarus, China) and qualitative research using Russia as a case study (12 in-depth interviews with IT sector managers). The scientific novelty lies in proving that the phenomenon is not a country-specific feature but a regional institutional trap reproduced at the intersection of education and management. The results demonstrate that the countries of the region (with the exception of China) show signs of this trap: their creative thinking scores (24–26) are significantly below the OECD average (33) and the leading performers (China ~36), which correlates with their low positions in the GII and ECI. Using Russia as an example, the study shows how managerial practices reinforce a “pre-creative habitus.” A model of managerial interventions for synchronized reform of education, corporate governance, and state innovation policy in the Greater Eurasia countries is proposed. In this paper, the term ‘Greater Eurasia’ refers to the macro-region encompassing a group of key economies, including Russia, Kazakhstan, Belarus, and China, which are explored as a shared institutional space in the context of innovation development.

Key words: secondary innovator, creative thinking, creative economy, institutional trap, managerial practices, unique intellectual product, Greater Eurasia, human capital.

Citation. Yudina T.N., Nechaeva I.V. The Phenomenon of the “Secondary Innovator” as a Barrier to the Development of Greater Eurasia: Diagnosis and Managerial Solutions. *Logos et Praxis*, 2025, vol. 24, no. 4, pp. 69-78. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.4.7>

УДК 316.42:005.591.6

ББК 60.524.256

Дата поступления статьи: 01.10.2025

Дата принятия статьи: 15.10.2025

**ФЕНОМЕН «ВТОРИЧНОГО ИННОВАТОРА»
КАК БАРЬЕР ДЛЯ РАЗВИТИЯ БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ:
ДИАГНОСТИКА И УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ**

Татьяна Николаевна Юдина

Институт социальной демографии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
г. Москва, Российская Федерация;
Российский биотехнологический университет, г. Москва, Российская Федерация

Ирина Васильевна Нечаева

Российский биотехнологический университет, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуется феномен «вторичного инноватора» как системный барьер для перехода экономик Большой Евразии к модели устойчивого инновационного развития. Цель исследования – выявить и эмпирически верифицировать общие для региона системные взаимосвязи между качеством человеческого капитала, измеряемым через креативное мышление (Международная программа по оценке образовательных достижений учащихся (далее – PISA)), макроэкономическими показателями инновационности (Глобальный индекс инноваций (далее – GII), Индекс экономической сложности (далее – ECI)) и рутинными управлеченческими практиками. Методологическую основу составили сравнительный анализ и триангуляция методов: вторичный анализ международных данных (PISA, GII, ECI) для стран региона (Россия, Казахстан, Беларусь, Китай) и качественное исследование на примере России (12 глубинных интервью с управлеченцами сектора информационных технологий (далее – ИТ-сектор). Научная новизна заключается в доказательстве того, что феномен является не страновой особенностью, а региональной институциональной ловушкой, воспроизведенной на стыке образования и управления. В результате доказано, что страны региона (за исключением Китая) демонстрируют признаки данной ловушки: баллы по креативному мышлению (24–26) существенно ниже среднего по OECD (33) и лидеров (Китай ~36), что коррелирует с низкими позициями в GII и ECI. На примере России показано, как управлеченческие практики закрепляют «докреативный габитус». Предложена модель управлеченческих вмешательств для синхронизированного реформирования образования, корпоративного управления и государственной инновационной политики в странах Большой Евразии. В данной статье термин «Большая Евразия» относится к макрорегиону, охватывающему группу ключевых экономик, включая Россию, Казахстан, Беларусь и Китай, которые рассматриваются как общее институциональное пространство в контексте инновационного развития.

Ключевые слова: вторичный инноватор, креативное мышление, креативная экономика, институциональная ловушка, управлеченческие практики, уникальный интеллектуальный продукт, Большая Евразия, человеческий капитал.

Цитирование: Юдина Т. Н., Нечаева И. В. Феномен «вторичного инноватора» как барьер для развития Большой Евразии: диагностика и управлеченческие решения // Logos et Praxis. – 2025. – Т. 24, № 4. – С. 69–78. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.4.7>

Введение

Актуальность исследования феномена «вторичного инноватора» – субъекта, создающего производные, а не уникальные интеллектуальные продукты, – для экономик Большой Евразии обусловлена сохранением парадокса: декларативная ориентация на инновации сопровождается доминированием имитационных бизнес-моделей. Это создает стратегические риски технологического отставания, закрепления периферийного статуса в глобальных цепочках создания стоимости и угрозы экономической безопасности всего евразийского пространства.

Феномен «вторичного инноватора» в настоящем исследовании трактуется как особый вид инновационного субъекта, воспроизводящего существующие решения в измененных институциональных условиях, но не формирующего новые технологические траектории. В контексте шумпетерианской традиции [Шумпетер 2007; Lee 2013] данный тип отно-

сится к «адаптивным» инноваторам, обеспечивающим модернизацию без структурного прорыва.

Мировой опыт, однако, свидетельствует, что стратегия имитации может быть рациональной эволюционной ступенью догоняющего развития [Lee 2013]. Ключевая проблема для многих стран Большой Евразии (России, Казахстана, Беларуси и др.) заключается в риске трансформации данной стадии в устойчивую институциональную ловушку [Димаджио, Пауэлл 2010], когда система утрачивает способность к переходу к стратегии лидерства. Успешный опыт Китая, осуществившего этот переход, демонстрирует, что выход из ловушки возможен. Решения для изменений находятся на стыке образования и управления. Это указывает на ключевую роль образования и управления в данном процессе.

Дополнительно подчеркиваем, что феномен имеет выраженную когнитивно культурную природу, так как он связан не только с институциональными ограничениями, но и с

воспроизведением определенных моделей мышления, что делает образование ключевым фактором трансформации имитационной логики.

Методологический вызов и новизна исследования

Диагностика феномена «вторичного инноватора» осложняется его латентным, системным характером. Традиционные экономические показатели (объем инвестиций в научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, количество патентов) фиксируют скорее инновационную активность, но не ее качество и уникальность. В этом контексте данное исследование предлагает принципиально новый диагностический инструментарий, основанный на триангуляции данных о качестве человеческого капитала (PISA-2022) и макроэкономических инновационных рейтингах (GII, ECI). Такой подход позволяет выявить системные взаимосвязи на макроуровне и верифицировать их через качественный анализ управленческих практик на микроуровне, что до сих пор редко применялось в исследованиях экономик Большой Евразии.

Цель – выявить и эмпирически верифицировать общие для региона системные взаимосвязи между качеством человеческого капитала и некоторыми макропоказателями, что позволит провести сравнительную диагностику феномена «вторичного инноватора» как региональной институциональной ловушки на основе триангуляции образовательных и экономических данных по странам Большой Евразии, с углубленным анализом управленческого механизма на примере России, и предложить модель управленческих вмешательств для его преодоления в регионе.

Методология

Исследование опирается на принцип методологической триангуляции и сравнительный анализ, включающий:

1. Сравнительный количественный анализ макроданных: Вторичный анализ международных сравнительных исследований для ключевых стран Большой Евразии: OECD PISA-2022 (креативное мышление) [PISA... web], Глобальный индекс инноваций (GII)

[Global Innovation Index 2025... web; The Atlas of Economic... web]. Проведен сравнительный анализ показателей России, Казахстана, Беларуси и Китая.

2. Качественное исследование (российский кейс): серия из 12 глубинных интервью с топ-менеджерами и владельцами компаний российского ИТ-сектора для выявления устойчивых управленческих практик. Выборка целевая, респонденты отбирались по критерию наличия опыта управления инновационными проектами.

3. Теоретический анализ: В рамках неоинституционального подхода [Димаджио, Пауэлл 2010] и теории практик [Бурдье 2001] построена объяснительная модель, связывающая макро-, мезо- и микроуровни анализа.

4. Сравнительный анализ социетальных предпосылок в странах Большой Евразии.

Для обеспечения внутренней надежности была применена стратегия перекрестной проверки (cross validation), позволяющая совместно интерпретировать образовательные и/или экономические индикаторы. Временные рамки анализа охватывают 2022–2024 гг., что соответствует последним волнам статистических данных.

Ограничения методологии. Проведенное исследование имеет ряд ограничений. Выборка глубинных интервью, репрезентирующая российский ИТ-сектор, не является репрезентативной для всей экономики России или других стран региона, что не позволяет полностью экстраполировать выводы. Однако его ценность заключается в выявлении глубинных механизмов и практик, которые могут носить универсальный характер для управленческих культур с похожими институциональными основаниями. Кроме того, использование данных PISA-2022, несмотря на их авторитетность, дает срез на момент проведения исследования и не отражает динамики процессов.

Аналитическая стратегия. Для обеспечения валидности выводов была применена стратегия триангуляции не только методов, но и данных. Показатели PISA по креативному мышлению сопоставлялись не только с инновационными индексами, но и с данными о доле высокотехнологичного экспорта в структуре ВВП стран региона, что позволило получить более целостную картину. Качественные

данные кодировались и анализировались с выделением повторяющихся тем (thematic analysis), таких как «страх ошибки», «приоритет краткосрочного KPI», «запрет на эксперимент», которые в дальнейшем были интерпретированы в рамках неоинституциональной теории и теории габитуса П. Бурдье.

Результаты анализа

Результаты макроуровневого анализа. Диагностика на макроуровне выявила системную взаимосвязь между качеством человеческого капитала и инновационной мощностью экономик региона. В отчете Всемирного банка констатируется, что страны с низкими показателями креативного мышления в PISA систематически демонстрируют более низкую способность к генерации прорывных инноваций, создавая порочный круг технологической зависимости [World Bank... web]. Наши данные полностью подтверждают эту закономерность для стран Большой Евразии, за исключением Китая.

Данные PISA-2022 свидетельствуют о формировании в образовательных системах России, Казахстана и Беларуси «докреативного габитуса». Как видно из таблицы 1, средние баллы учащихся этих стран по креативному мышлению (24–26 баллов) существенно ниже среднего показателя по странам-членам Организации экономического сотрудничества и развития (33 балла) и такого регионального лидера, как Китай (~36 баллов)

[Education at a Glance 2023 web]. Под «докреативным габитусом» понимается устойчивая когнитивная структура, препятствующая дивергентному и продуктивному мышлению. Понятие «докреативный габитус», введенное в данном исследовании, требует более детального рассмотрения. Речь идет не просто о недостатке креативности, а о сформированной системе диспозиций, которая:

- категоризирует ошибку как недопустимое отклонение, а не как ресурс обучения;
- воспринимает авторитетное знание (учителя, учебника, отраслевого стандарта) как не подлежащее сомнению;
- ориентирует на поиск единственного «правильного» ответа, исключая дивергентное мышление и множественность решений.

Данный габитус формируется не только в школе, но и в семье, системе высшего и дополнительного образования, создавая целостную среду, которая отфильтровывает и маргинализирует творчески мыслящих индивидов еще на стадии их социализации. В качестве системного барьера, воспроизводящего феномен «вторичного инноватора», выступает сложившаяся в странах региона образовательная парадигма, ориентированная на репродуктивное усвоение знаний. Как справедливо отмечает А.С. Гребнев, «сложившаяся система контроля и оценивания в высшей школе ориентирована преимущественно на репродуктивное усвоение знаний и формальное соответствие результата установленным критериям, что не стимулирует развитие творческого

Сравнительные данные по креативному мышлению (PISA-2022) и инновационности в странах Большой Евразии

Страна	Креативное мышление, баллы (PISA-2022)	Глобальный индекс инноваций, рейтинг (GII, 2022)	Глобальный индекс инноваций, рейтинг (GII, 2025)	Индекс экономической сложности, рейтинг (ECI, 2022)
Китай	~ 36 (высокий)	12-е место	10-е место	19-е место
Россия	26 (ниже среднего)	51-е место	60-е место	45-е место
Казахстан	25 (ниже среднего)	81-е место	81-е место	86-е место
Беларусь	24 (низкий)	69-е место	85-е место	59-е место
Средний показатель – 33				

Примечание. Составлено авторами по: [PISA... web; Global Innovation Index 2022... web; Global Innovation Index 2025... web; The Atlas of Economic... web; World Bank... web].

мышления и самостоятельности студентов» [Гребнев 2022, с. 68]. Эта педагогическая установка напрямую формирует тот самый «докреативный габитус», который в дальнейшем закрепляется рутинными управленческими практиками, блокируя способность к созданию уникального интеллектуального продукта.

Это указывает на региональную образовательную проблему, для которой характерны ориентация на единственно верный ответ, табуирование ошибки и доминирование репродукции знаний над их генерацией.

Как отмечают К. Робинсон и Л. Ароника, «традиционные образовательные системы, ориентированные на стандартизированное тестирование, систематически подавляют креативное мышление, создавая то, что можно назвать “образовательной асфиксий” – среду, где оригинальность наказывается, а соответствие поощряется» [Robinson, Aronica 2015]. Эти образовательные дефициты находят прямое отражение в макроэкономических показателях. Индекс экономической сложности (ECI), отражающий диверсификацию и уникальность экспорта, помещает Казахстан (86-е место) и Россию (45-е место) на уровни ниже среднего, в то время как Китай (19-е место) демонстрирует высокую сложность экономики [The Atlas of Economic... web]. Похожие выводы дает Глобальный индекс инноваций (GII). Корреляция между креативным мышлением (PISA) и GII составляет $r = 0,72$, $p < 0,05$. Это подтверждает тезис о сохраняющейся ресурсно-ориентированной структуре экономик большинства стран региона.

Дополняет картину Глобальный индекс инноваций (GII): 51-е место России и 81-е Казахстана [Education at a Glance 2023] визуализирует ключевое противоречие – «разрыв между научным потенциалом и коммерциализацией». Низкие показатели GII и ECI являются макроэкономической проекцией феномена «вторичного инноватора», воспроизведенного на микроуровне. Китай, демонстрирующий высокие результаты по всем метрикам, служит подтверждением того, что разрыв может быть преодолен целенаправленной политикой.

Проведенный макроуровневый анализ выявил общую для региона проблему, однако ее институциональное закрепление происходит через специфические управленческие практики на

уровне организаций. Качественные данные, полученные в рамках российского кейса, позволяют выдвинуть гипотезу о схожих барьерах в других странах региона, за исключением Китая.

Россия: бюрократизация инновационного процесса. Как показали интервью, ключевой проблемой является глубокая бюрократизация даже в динамичном ИТ-секторе. Запрос на инновации подменяется запросом на их формальное отчетность. Один из респондентов, руководитель продукта, отметил: «У нас есть блестящая идея? Сначала мы полгода составляем ТЗ, потом полгода его согласовываем, и к моменту запуска прототипа рынок уже ушел вперед. Мы создаем не продукт, а документы о продукте». Это создает «ловушку предсказуемости», где ценность имеет только тот проект, результат которого можно спрогнозировать и прописать в «ключевых показателях эффективности» (далее – KPI, от Key Performance Indicator) на год вперед.

Казахстан и Беларусь: нормативный изоморфизм и зависимость от внешних моделей. Анализ отраслевых отчетов и публикаций позволяет предположить, что в этих странах доминирует практика нормативного изоморфизма. Управленческие кадры, получившие образование или опыт работы в западных корпорациях, транслируют готовые управленческие модели (например, жесткое проектное управление по PMI, многоуровневые согласования), без их критической адаптации к местному контексту. Это приводит к созданию «инновационных фасадов» – видимости современных процессов при отсутствии реальной креативной среды. Фокус смещается на корректное исполнение процедур, а не на достижение прорывного результата.

Китай: институционализация управляемого хаоса. В отличие от своих соседей, Китай сумел создать гибридные модели управления, сочетающие государственное стратегическое планирование с высокой автономией отдельных команд и компаний. Такие практики, как «внутренний хосинг» (создание стартапов внутри крупных корпораций), «пилотные зоны» с особым регуляторным режимом и система мотивации, привязанная к доле на глобальном рынке, а не к выполнению внутренних планов, позволили легализовать риск и сделать его управляемым ресурсом.

**Российский кейс:
управленческие практики**

Качественные данные, полученные в рамках российского кейса, подтвердили гипотезу о том, что, попадая в организацию, носитель «докреативного габитуса» сталкивается с практиками, не меняющими, а легитимизирующими его установки. Российские компании сталкиваются с системными барьерами при внедрении инновационных управленческих моделей [Абрамова, Антонова 2023]. Этот механизм, выявленный в России, может быть экстраполирован и на другие страны региона со схожими управленческими культурами.

Большинство респондентов ($N = 12$) отметили застrevание их организаций на имитационной стадии как ключевую проблему. Один из респондентов, владелец ИТ-компании, констатировал: «У нас блестящие исполнители, способные идеально повторить любое успешное решение, но катастрофически не хватает людей, способных создать нечто принципиально новое». Другой топ-менеджер прямо связал это с системой мотивации: «Система KPI и управления наказывает за рискованные эксперименты. Проще и выгоднее скопировать работающее решение, чем пытаться создать свое».

На основе анализа интервью были выделены ключевые проблемные практики, характерные для имитационной модели:

1. Система KPI и мотивации, привязанная к краткосрочным финансовым результатам.

2. Культура «без права на ошибку» (zero mistakes), карающая за неудачные эксперименты.

3. Жесткие бюрократические процедуры, исключающие гибкость.

4. Принудительный изоморфизм – копирование организационных моделей без адаптации.

Полученные результаты согласуются с концепцией нормативного изоморфизма: внешние стандарты управления, заимствованные из транснациональных корпораций, становятся обязательными эталонами и вытесняют локальные практики экспериментирования. Таким образом, институциональная среда закрепляет самовоспроизводящийся цикл имитации.

В итоге, на примере России видно, как возникает порочный круг: система образования поставляет кадры с «докреативным габитусом», который находит подкрепление в управленческих практиках компаний, а те, в свою очередь, воспроизводят данный габитус у новых сотрудников.

**Модель управления переходом
от институциональной ловушки
к инновационному развитию
для стран Большой Евразии**

Преодоление феномена в регионе требует осознанных управленческих вмешательств на трех уровнях, синхронизированных между странами (табл. 2).

Таблица 2

Модель управления переходом

Уровень	Цель вмешательства	Конкретные меры (адаптируемые для стран региона)
Макро-уровень (государство)	Создание институционального спроса на уникальность	1. Изменение критериев финансирования науки и инноваций: фокус на уровень новизны и потенциал создания рынков (по примеру Китая). 2. Реформа образования для развития навыков креативного мышления: легитимация ошибки, внедрение проектной деятельности, развитие softskills
Мезо-уровень (организации)	Формирование среды, поощряющей риск и эксперимент	1. Внедрение принципа «двойного операционного контура» (разделение бюджетов и KPI для эксплуатации и исследования). 2. Легализация «управляемого риска»: выделение ресурсов на эксперименты с принятым правом на неудачу
Микро-уровень (команды)	Трансформация индивидуальных установок и моделей поведения	1. Изменение системы мотивации: введение KPI за инновационную активность (количество гипотез, пилотов). 2. Смена роли менеджера с контролера на фасilitатора и создания экосистемы развития

Как отмечают Ли и Малерба, «успешное догоняющее развитие заключается не только в технологическом обучении и имитации, но и требует создания потенциала для инноваций, чтобы в конечном итоге перейти от стратегии следования по проторенному пути к стратегии создания новых путей. Этот переход часто представляет собой наиболее сложную проблему для стран-догоняющих, поскольку предполагает разрыв с устоявшимися технологическими траекториями и создание новых» [Lee, Malerba 2017]. Данное положение напрямую подтверждает необходимость предложенной нами модели управлеченческих вмешательств, направленной именно на преодоление этого фундаментального разрыва.

На макроуровне ключевым инструментом должно стать инновационное госзадание. В отличие от существующих грантов, его получение должно быть жестко привязано не к научным публикациям, а к созданию работающего прототипа или технологии, имеющей потенциал коммерциализации на глобальном рынке. Финансирование должно быть поэтапным, с точками принятия решения о продолжении или остановке проекта на основе внешней экспертизы рыночных перспектив, а не бюрократических отчетов.

На мезо-уровне необходимо внедрение двойного операционного контура. Первый контур – эксплуатация – отвечает за текущую эффективность и прибыль, использует жесткие KPI и отлаженные процессы. Второй контур – исследование – должен быть освобожден от давления краткосрочной рентабельности. Его KPI должны включать количество протестированных гипотез, проведенных экспериментов и созданных прототипов, а бюджет должен быть защищен от изъятия в пользу первого контура в течение всего цикла инновационного проекта.

На микроуровне критически важна смена управлеченческой роли с контролера на фасilitатора. Менеджер должен не ставить задачи, а создавать условия для творчества: обеспечивать команды ресурсами, ограждать их от бюрократического давления, организовывать кросс-функциональное взаимодействие и способствовать «узакониванию» ошибок через проведение регулярных ретроспектив и извлечение уроков из неудач.

Предлагается дополнительно ввести метауровень – уровень «региональной координации», ориентированный на создание альянсов университетов и технологических центров стран Большой Евразии (например, BRICS & SCO University Network). Это позволит интегрировать лучшие практики образовательных реформ и ускорить институциональную диффузию инновационных стандартов.

Необходимо признать, что настоящее исследование носит поисковый характер и имеет ряд ограничений. Во-первых, качественная часть исследования была проведена только на примере российского ИТ-сектора. Для верификации гипотез о существовании единой региональной институциональной ловушки требуется проведение сравнительных кейс-стади (метод конкретных ситуаций) в корпоративном секторе Казахстана, Беларуси и Китая. Во-вторых, исследование опирается на данные PISA-2022, которые, будучи репрезентативными, являются лишь срезом на определенный момент времени. Мониторинг динамики креативного мышления в последующих волнах PISA (обновление данных ожидается в декабре 2025 г.) позволит оценить эффективность предпринимаемых образовательных реформ.

Перспективным направлением для будущих исследований видится глубокий сравнительный анализ успешных кейсов преодоления «ловушки вторичного инноватора» не только в Китае, но и в других странах, осуществивших переход от имитации к лидерству (например, Южная Корея, Финляндия). Это позволит выделить универсальные и контекстно-зависимые элементы в предлагаемой модели управлеченческих вмешательств.

Заключение и рекомендации

Проведенный комплексный сравнительный анализ, объединяющий данные международных образовательных исследований (PISA-2022), макроэкономические индексы (GII, ECI) и результаты полевых интервью в России, убедительно показывает, что феномен «вторичного инноватора» представляет собой устойчивую региональную институциональную ловушку, характерную для большинства стран Большой Евразии. Он воспроизводится на сты-

ке образовательной и управлеченческой среды, закрепляя имитационные модели экономического поведения и препятствуя формированию уникальных технологических траекторий.

Эта ловушка имеет двойную природу: с одной стороны, она подпитывается ограниченной когнитивной структурой («докреативный габитус»), складывающейся в образовательных институтах и фиксируемой международными исследованиями, с другой – управлеченческими практиками, воспроизводящими нормы избегания риска и поощряющими копирование вместо создания. Это сочетание формирует самовоспроизводящийся цикл, который без целенаправленных интервенций способен сохраняться десятилетиями, закрепляя структурное технологическое отставание региона.

Сравнение с опытом Китая демонстрирует, что стратегический разворот от имитации к инновационному лидерству возможен при системной синхронизации макроуровневой политики, организационных механизмов и индивидуальных компетенций. Китайская модель не ограничилась образовательной реформой: ключевым стало создание институционального спроса на уникальность и законодательное закрепление механизмов управляемого риска, что позволило перейти от копирования к генерации новых рынков.

Для стран Большой Евразии последствия сохранения феномена «вторичного инноватора» выходят за рамки экономических показателей. Это фактор стратегической уязвимости, влияющий на способность региональных экономик интегрироваться в высокотехнологичные цепочки создания стоимости, участвовать в формировании глобальных технологических стандартов и обеспечивать национальную безопасность в эпоху платформенной экономики. Таким образом, преодоление данной ловушки становится задачей не только развития, но и выживания.

Рекомендации по разным уровням управления:

1) для государственных органов: сдвиг акцента инновационной политики с объема поддержанных проектов на качество и уникальность создаваемых технологий через изменение критериев оценки институтов развития, с учетом успешного опыта Китая;

2) для корпоративных управлеченцев: решительное внедрение практик «управляемого риска» и организационное разделение деятельности по эксплуатации и исследованию для преодоления культуры избегания ошибок;

3) для образовательных институтов: легитимация ошибки как ресурса обучения и пересмотр образовательных стандартов в сторону развития метапредметных компетенций, диагностируемых в рамках международных исследований, с целью преодоления «докреативного габитуса».

В условиях ускоряющейся динамики глобальных технологических циклов окно возможностей для стран Большой Евразии по переходу от имитационного к инновационному типу развития составляет не более одно-двух десятилетий. Промедление с реформами будет означать закрепление за регионом роли технологического аутсайдера. Следовательно, задача преодоления феномена «вторичного инноватора» должна быть вынесена в число первоочередных приоритетов национальной и межгосударственной политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова, Антонова 2023 – *Абрамова С.Б., Антонова Н.Л.* Цифровая трансформация управления человеческим капиталом: барьеры и перспективы в российских компаниях // Управление экономическими системами. 2023. № 5. С. 45–58.
- Бурдье 2001 – *Бурдье П.* Практический смысл. СПб.: Алтейя, 2001.
- Гребнев 2022 – *Гребнев А.С.* Обучение: что оценивать студенту? // Высшее образование в России. 2022. Т. 31, № 2. С. 68–81. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-2-68-81
- Димаджио, Пауэлл 2010 – *Димаджио П., Пауэлл У.* Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях // Экономическая социология. 2010. Т. 11, № 1. С. 34–56.
- Шумпетер 2007 – *Шумпетер Й.А.* Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2007.
- Education at a Glance 2023 web – Education at a Glance 2023 // https://www.oecd.org/en/publications/education-at-a-glance-2023_e13bef63-en.html

- Global Innovation Index 2022... web – Global Innovation Index 2022: What is the Future of Innovation-Driven Growth? // <https://www.wipo.int/publications/en/details.jsp?id=4622>
- Global Innovation Index 2025... web – Global Innovation Index 2025: Innovation at a Crossroads // <https://www.wipo.int/web-publications/global-innovation-index-2025/en/index.html>
- Lee 2013 – Lee K. Schumpeterian Analysis of Economic Catch-up: Knowledge, Path-Creation, and the Middle-Income Trap. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. DOI:10.1017/CBO9781107337244
- Lee, Malerba 2017 – Lee K., Malerba F. Catch-Up Cycles and Changes in Industrial Leadership: Windows of Opportunity and Responses of Firms and Countries in the Evolution of Sectoral Systems // Research Policy. 2017. Vol. 46, № 2. P. 338–351. DOI: 10.1016/j.respol.2016.09.006
- PISA... web – PISA 2022 Results (Volume II): Learning During – and From – Disruption [OECD] // https://www.oecd.org/en/publications/pisa-2022-results-volume-ii_a97db61c-en.html
- Robinson, Aronica 2015 – Robinson K., Aronica L. Creative Schools: Revolutionizing Education from the Ground Up. Australia: Penguin UK, 2015.
- The Atlas of Economic... web – The Atlas of Economic Complexity. Harvard Growth Lab's Research and Data Visualization Tool Used to Understand the Economic Dynamics and New Growth Opportunities for Every Country Worldwide // <https://atlas.hks.harvard.edu/>
- World Bank... web – World Bank 2023. Preventing, Preparing for, and Responding to Disease Outbreaks and Pandemics: Future Directions for the World Bank Group // <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/38521>
- Grebnev A. S., 2022. Learning: What Should a Student Assess? Vysshee obrazovanie v Rossii. *Higher Education in Russia*, vol. 31, no. 2, pp. 68–81. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-2-68-81
- Dimaggio P., Powell W., 2010. A New Look at the “Iron Cage”: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields. *Ekonicheskaya sociologiya*, vol. 11, no. 1. pp. 34-56.
- Schumpeter J.A., 2007. *Theory of economic development. Capitalism, socialism and democracy*. Moscow, Eksmo.
- Education at a Glance* 2023. URL: https://www.oecd.org/en/publications/education-at-a-glance-2023_e13bef63-en.html
- Global Innovation Index 2022: What is the Future of Innovation-Driven Growth?* URL: <https://www.wipo.int/publications/en/details.jsp?id=4622>
- Global Innovation Index 2025: Innovation at a Crossroads*. URL: <https://www.wipo.int/web-publications/global-innovation-index-2025/en/index.html>
- Lee K., 2013. *Schumpeterian Analysis of Economic Catch-up: Knowledge, Path-Creation, and the Middle-Income Trap*. Cambridge, Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9781107337244
- Lee K., Malerba F., 2017. Catch-Up Cycles and Changes in Industrial Leadership: Windows of Opportunity and Responses of Firms and Countries in the Evolution of Sectoral Systems. *Research Policy*, vol. 46, no 2, pp. 338-351. DOI: 10.1016/j.respol.2016.09.006
- PISA 2022 Results (Volume II): Learning During – and From – Disruption*. URL: https://www.oecd.org/en/publications/pisa-2022-results-volume-ii_a97db61c-en.html
- Robinson, K., & Aronica, L., 2015. *Creative Schools: Revolutionizing Education from the Ground Up*. Australia, Penguin UK.
- The Atlas of Economic Complexity. Harvard Growth Lab's research and data visualization tool used to understand the economic dynamics and new growth opportunities for every country worldwide*. URL: <https://atlas.hks.harvard.edu/>
- World Bank 2023. Preventing, Preparing for, and Responding to Disease Outbreaks and Pandemics: Future Directions for the World Bank Group. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/38521>

REFERENCES

- Abramova S.B., Antonova N.L., 2023. Digital transformation of human capital management: barriers and prospects in Russian Companies. *Upravlenie ekonomiceskimi sistemami*, no. 5, pp. 45-58.
- Bourdieu P., 2001. *Prakticheskiy smysl* [The Logic of Practice]. Saint Petersburg, Aleteiya, 2001.

Information About the Authors

Tatiana N. Yudina, Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Chief Researcher, Institute of Social Demography of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Fotievoy St, 6, Bld.1, 119333 Moscow, Russian Federation; Professor, Russian Biotechnological University, Volokolamskoe Shosse, 11, 125080 Moscow, Russian Federation, ioudinatn@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7785-8601>

Irina V. Nechaeva, Postgraduate Student, Russian Biotechnological University, Volokolamskoe Shosse, 11, 125080 Moscow, Russian Federation, nechaeva278@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-9539-9357>

Сведения об авторах

Татьяна Николаевна Юдина, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социальной демографии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, ул. Фотиевой, 6, корп. 1, 119333 г. Москва, Российская Федерация; профессор, Российской биотехнологический университет, Волоколамское шоссе, 11, 125080 г. Москва, Российская Федерация, ioudinatn@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7785-8601>

Ирина Васильевна Нечаева, аспирант, Российской биотехнологический университет, Волоколамское шоссе, 11, 125080 г. Москва, Российская Федерация, nechaeva278@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-9539-9357>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.4.8>

UDC 316:614.2

LBC 60.561.6

Submitted: 27.08.2025

Accepted: 15.10.2025

REGIONAL HEALTHCARE SYSTEM AT THE CURRENT STAGE OF DEVELOPMENT: CONCEPT AND PROBLEMS

Victor N. Makhfuz

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Aleksander L. Strizoe

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article considers various approaches to the characterisation of the regional healthcare system in modern Russian society. It shows that the attempts to reform public health using the experience of Western countries have led to the complication of the regional healthcare system and the change in the ideas about primary healthcare, as well as the concentration of most requests for medical aid at the regional level. The authors believe that an effectively organised regional healthcare system is capable of ensuring clear coordination of efforts at various levels of medical aid and creating the necessary conditions for efficient interaction between its components, which, from a comprehensive perspective, is reflected in the quality and accessibility of medical care in the region. The author notes that neither the scientific community nor the legislative acts have formed any sustainable ideas about the peculiarities of regional healthcare, its structure and functions. This complicates the analysis of the existing problem areas and the identification of failed and proven practices of medical aid. The article presents a detailed description of the peculiarities of the regional healthcare system and its three-level organisation. Special attention is paid to the relevant problems of its structure and functioning. The analysis of these problems highlights the improper organisation of the internal structure of the regional healthcare system, resulting in insufficient attention to the real needs of the population, low compliance with people's expectations regarding the service quality, and weak interdepartmental collaboration. The authors point out the importance of studying inter-level interactions within regional healthcare, shifting the focus of attention to the lower level of the system in the context of ongoing modernization measures. The authors emphasise the need to set apart the primary level of regional healthcare as a special structural level requiring a special comprehensive study.

Key words: healthcare reform, regional healthcare system, concept, structure, functions of the regional healthcare, three-level organization of the regional healthcare.

Citation. Makhfuz V.N., Strizoe A.L. Regional Healthcare System at the Current Stage of Development: Concept and Problems. *Logos et Praxis*, 2025, vol. 24, no. 4, pp. 79-88. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.4.8>

УДК 316:614.2

ББК 60.561.6

Дата поступления статьи: 27.08.2025

Дата принятия статьи: 15.10.2025

РЕГИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ: ПОНЯТИЕ И ПРОБЛЕМЫ

Виктор Николаевич Махфуз

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Александр Леонидович Стризое

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрены различные подходы к характеристике региональной системы здравоохранения в современном российском обществе. Показано, что попытки реформировать здравоохранение с учетом опыта стран Запада привели к усложнению системы регионального здравоохранения и изменению представлений о первичной медицинской помощи, концентрации большинства запросов населения на медицинскую помощь на уровне региона. Авторы считают, что эффективно организованная система здравоохранения региона способна обеспечить четкую координацию усилий различных уровней оказания медицинской помощи, создать условия для продуктивного взаимодействия ее звеньев, что в комплексе находит отражение в показателях качества и доступности медицинской помощи в регионе. Отмечается, что ни в научном сообществе, ни в законодательных актах не сформировались устойчивые представления об особенностях регионального здравоохранения, о его структуре и функциях. Это затрудняет анализ существующих проблемных зон, выделение неудачных и не оправдавших себя практик оказания медицинской помощи. В статье представлена развернутая характеристика особенностей региональной системы здравоохранения, ее трехуровневой организации. Особое внимание уделяется актуальным проблемам структуры и функционирования регионального здравоохранения. Анализ этих проблем указывает на недостаточную проработку вопросов внутренней организации системы регионального здравоохранения, следствием чего является недостаточное внимание реальным потребностям населения, низкое соответствие качества услуг ожиданиям граждан и слабое межведомственное взаимодействие. Авторы указывают на важность изучения межуровневого взаимодействия внутри регионального здравоохранения, смещения фокуса внимания на низовой уровень системы в контексте проводимых модернизационных мероприятий. Подчеркивается необходимость выделять первичное звено регионального здравоохранения как особый структурный уровень, требующий специального комплексного изучения.

Ключевые слова: реформа здравоохранения, региональная система здравоохранения, понятие, структура, функции регионального здравоохранения, трехуровневая организация регионального здравоохранения.

Цитирование. Махфуз В. Н., Стризое А. Л. Региональная система здравоохранения на современном этапе развития: понятие и проблемы // Logos et Praxis. – 2025. – Т. 24, № 4. – С. 79–88. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.4.8>

Постановка проблемы

Несмотря на предпринятые усилия, значительных изменений в работе первичного звена региональной системы здравоохранения добиться не удалось. Потребность выявить причины указанных затруднений и определить пути оптимизации первичного звена региональной системы здравоохранения, требующие комплексного анализа различных аспектов функционирования регионального здравоохранения, что является предметом данной статьи.

Методология исследования

Теоретический анализ содержания и функционирования составных частей регионального здравоохранения базируется на идеях системного подхода в социологии. Авторы понимают системность, используя идеи Н. Лумана об аутопойезисе (саморегулировании системы), а также о важности отношений системы и окружающей среды [Луман 1991]. Первичное звено системы здравоохранения выступает здесь, с одной стороны, как система, с другой – как элемент, функционирую-

щий в пространстве уровней и институтов регионального здравоохранения. Авторы используют идею Д. Норта о значительной роли формальных факторов (в данном случае социальных практик) в процессе функционирования современных социальных институтов [Норт 2013, 84–108]. При этом социальные институты рассматриваются как разновидности систем, способные к саморегулированию [Хасс 2007, 117–120].

Анализ

В настоящее время система отечественного здравоохранения находится в активном процессе своей трансформации, главным образом, продиктованным необходимостью соответствия эффективности функционирования системы планируемым целевым показателям. Трудность разработки оптимальных мер модернизации обуславливается уникальностью пути развития отечественной системы здравоохранения, которая, по своей сути, «сшита из кусков разных систем» [Гришин, Рагозин 2019, 34]. Проводимая модернизационная политика в здравоохранении фокусируется на

региональном его уровне, возлагая на него важнейшие задачи по организации медицинской помощи населению [Мухарякова и др. 2008, 483]. Сегодня можно наблюдать как региональным органам власти, ответственным за организацию оказания бесплатной медицинской помощи, государство продолжает делегировать полномочия, позволяя обретать все большую автономность в принятии важнейших управленческих решений [Сон и др. 2021, 55].

Значительная часть этих решений связана с работой первичного звена регионального здравоохранения. Обратимся к примеру Волгоградской области. Занимая в последние несколько лет стабильное среднее положение в рейтингах устойчивости социально-экономического развития и эффективности регионального управления, она может рассматриваться как типичный регион Европейской части России [Рейтинг регионов – 2024... web]. В процессе реализации регионального проекта развития здравоохранения в области, как и во многих других регионах, в качестве приоритетов рассматриваются снижение кадрового дефицита в первичном звене и повышение эффективности медицинской профилактической работы с населением [Постановление... web].

Таким образом, региональному здравоохранению сегодня отводится важнейшая роль в развитии отрасли: на уровне региона обеспечивается удовлетворение конкретных запросов общества на медицинскую помощь, формируются практики реализации стратегических целей политики в области здравоохранения, разрабатываемых в федеральном центре. Можно согласиться с мнением, согласно которому, именно региональной системой здравоохранения оказывается населению основной объем первичной медико-санитарной помощи [Щепин 2013, 5]. Особую важность изучения регионального здравоохранения обуславливает тот факт, что оно неавтономно: распределение необходимого объема ресурсов для каждого региона осуществляется на федеральном уровне, и даже с учетом самофинансирования некоторых бюджетных учреждений оно не всегда является достаточным для обеспечения заявленного уровня медицинских услуг. На уровне регионального здравоохранения можно на-

блюдать как наполняются конкретным содержанием большинство индикаторов и показателей, опираясь на которые возможно дать объективную оценку работы всей системы здравоохранения, спрогнозировать перспективы развития отрасли, определить проблемные зоны и зоны развития, а также попытаться найти инструменты для их решения [Черешнев, Кривенко, Крылов 2021, 33]. Вместе с тем представление о региональном здравоохранении на современном этапе его развития довольно размыто: нет общепринятого, четкого понимания структуры и функций. Отсутствие строго закрепленного понятия регионального здравоохранения в научном сообществе делает затруднительной конкретизацию зон развития системы здравоохранения и, как следствие, приводит к невозможности разработки решений и мероприятий, направленных на устранение низкоэффективных практик внутри системы.

Согласно мнению Т.А. Сибуриной, региональная система здравоохранения обладает двумя уровнями трактовки: узким и широким. В узком смысле региональная система здравоохранения представлена комплексом медицинских учреждений, консолидированных общими социальными и экономическими условиями, едиными заказчиками и подчинением общему административному центру. Широкая трактовка усложняет это понятие, дополняя его потребностями населения в медицинских услугах, а также инструментами социально-экономического регулирования, используемыми региональными органами власти для управления медицинскими учреждениями [Сибурина 2005, 16].

Проводя анализ дополнительно выделенных автором элементов системы здравоохранения региона, необходимо первоочередно акцентировать внимание на запросах населения на медицинскую помощь, так как современная система здравоохранения не способна эффективно функционировать без четкого понимания потребностей получателей медицинских услуг. В то же время выделяемые автором управленческие механизмы, наоборот, не могут рассматриваться как самостоятельный элемент, так как не способны адекватно существовать без участия управленческих структур.

Н.В. Кривенко также использует структурный подход для определения понятия здравоохранения региона. Автор описывает региональную систему здравоохранения как «единую систему, регулируемую федеральными органами власти, деятельность которых осуществляется в соответствии с действующим законодательством». Н.В. Кривенко отмечается, что на уровне региона перечень субъектов системы здравоохранения расширяется, включая, помимо традиционных элементов (органы управления, федеральные учреждения, структура обязательного медицинского страхования), также различные экономические отрасли, общественные организации, ведомства, взаимодействие которых способно оказывать серьезное влияние на медицинские показатели населения [Кривенко 2022, 356].

Важным достоинством предложенного определения является включение в него частного и ведомственного секторов медицины. Вместе с тем расширение границ системы за счет включения различных секторов экономики и непрофильных организаций кажется избыточным, так как на здоровье населения региона способно оказывать влияние огромное количество факторов, напрямую не ассоциирующихся с функционированием системы здравоохранения.

И. Б. Белинская и М.В. Лоскутова предлагают иную трактовку здравоохранения региона. Авторы представляют систему регионального здравоохранения не как искусственно созданную структуру, а как естественно сложившуюся совокупность медицинских практик. Подобные практики, по мнению авторов, имеют глубокий исторический и территориальный контекст и формируются под его влиянием. И.Б. Белинская и М.В. Лоскутова описывают здравоохранение региона как «продукт процессов, протекающих в течение многих десятилетий в регионе» [Белинская, Лоскутова 2019, 75]. Изучая региональную систему здравоохранения, авторы смещают фокус внимания на существующие в конкретных регионах медицинские практики.

К подобным практикам можно отнести как легальные, узаконенные, так и теневые и деструктивные практики. Последние существуют в системе здравоохранения, но обычно выпадают из поля зрения исследователей.

Наиболее наглядным примером могут служить теневые платежи в системе здравоохранения, которые, с одной стороны, искажают четкие стандарты оказания медицинской помощи, с другой стороны, прямо влияют на ее показатели качества и доступности. К тому же представление авторов о региональном здравоохранении ограничивается изучением преимущественно практик врачевания, в то время как управленческие практики, оказывающие ключевое влияние на организацию здравоохранения региона, не упоминаются. Таким образом, в предлагаемом подходе региональное здравоохранение рассматривается фрагментарно: фокус внимания авторов сосредоточен на реализуемых функциях, преимущественно на существующих в регионе медицинских практиках. В то же время игнорируются практики отличного характера, что приводит к сложностям в указании структуры регионального здравоохранения.

К функциональному подходу обращается А.В. Пепеляева, описывая систему здравоохранения региона. Автор считает, что региональное здравоохранение – сложная система, включающая как инструментально-нормативный каркас, представленный правовыми и административными регуляторами и экономическими механизмами, так и социокультурный фундамент, содержащий в себе ценностные ориентиры, традиции, модели поведения и сложившиеся практики взаимодействия [Пепеляева 2017, 110]. Динамика развития этой системы, ее постоянная адаптация и реализуемое взаимодействие являются определяющими в достижении конкретных результатов региональной системы здравоохранения.

М.Л. Малышева и Л.А. Третьяков описывают региональную систему здравоохранения как компонент социальной сферы, ключевой задачей которого является достижение специфических целей. Подобные цели формируются, учитывая специфику развития каждого конкретного региона и медицинские потребности его населения. Конкретизация подобных целей должна учитывать как объективный набор инструментов и ресурсов, имеющихся в регионе, так и субъективную потребность населения в определенных медицинских услугах. Справедливо указать, что функциони-

рование системы здравоохранения – постоянный диалог между ее возможностями и разнообразными потребностями населения региона. Авторы считают, что «оценка результативности управления системой здравоохранения связана с оценкой ресурсов данной системы и ее возможностей, с точки зрения ее ресурсного состояния, «отзываться» на задачи, которые ставит перед этим своим структурным элементом регион» [Малышев, Третьякова 2022, 79]. Используемый авторами подход дает возможность определить целый ряд индикаторов, позволяющих осуществлять мониторинг эффективности функционирования на всех уровнях организации системы, внутри различных групп населения, в контексте разных профилей деятельности системы регионального здравоохранения.

Выводы

Анализ различных подходов авторов к изучению регионального здравоохранения позволяет выделить ряд признаков, свойственных данному уровню организации системы и характеризующих специфику его функционирования. Предприняв попытку систематизировать различные взгляды на региональное здравоохранение, нами выделяются пять специфических признаков характерных для регионального уровня системы.

Первый выделяемый признак – разнородственный характер медицинской помощи внутри регионального здравоохранения. Региональная система здравоохранения – сложная многоуровневая система, оказание медицинских услуг внутри которой имеет определенную градацию, зависящую от ресурсной базы региона и степени необходимого медицинского вмешательства [Габдуллин, Киршин, Шулаев 2020, 67]. Сегодня практика распределения медицинских кадров и мощностей региона сложилась в трехуровневую систему, которая включает в себя: первый, межмуниципальный и региональный уровни. На каждом из которых оказываются конкретные виды медицинской помощи, обеспечивается определенная сложность медицинского вмешательства. Вместе с этим отмечается важность межуровневого взаимодействия, в рамках которого медицинские учреждения и служ-

бы имеют возможность взаимодействовать друг с другом по вопросам лечения и сопровождения пациента.

Второй признак – тесная взаимосвязь звеньев регионального здравоохранения. Звенья регионального здравоохранения не функционируют изолированно друг от друга, для них свойственно постоянное межуровневое взаимодействие как в организационных вопросах, так и в сопровождении каждого конкретного пациента. Несмотря на наличие строго отведенных функций каждому уровню регионального здравоохранения, оказание медицинской помощи базируется на принципе комплексности, подразумевающем совместную деятельность медицинских учреждений и специалистов в рамках каждого обращения. Медицинские учреждения первичного звена системы здравоохранения, по своей сути – фундамент всей системы, одновременно являясь безальтернативной точкой входа для пациента. Помимо этого, на учреждения и службы низового уровня возлагаются задачи по маршрутизации и сопровождению пациента, организации коммуникации и наблюдения после проведения необходимого медицинского вмешательства на всех уровнях системы.

Третий признак – способность региональных систем здравоохранения адаптироваться к местным различиям. Каждый регион имеет свою уникальную структуру заболеваемости, особенности половозрастного состава населения, климатические и географические отличия, имеющиеся ресурсные и кадровые мощности [Лебедева-Несея, Цинкер, Чигвинцев 2014, 202]. На эффективность функционирования регионального здравоохранения оказывает существенное влияние актуальная политическая и экономическая ситуация в регионе, социальные, культурные, национальные и этнические особенности проживающего в нем населения. Комплекс факторов обуславливает уникальность развития региона, что находит отражение в организации и функционировании региональных систем здравоохранения. Способность учитывать специфику, а не только масштабировать успешные практики других регионов, является базовой необходимостью в вопросах организации медицинской помощи населению.

Четвертый признак – умение региональной системы здравоохранения адаптироваться под актуальные запросы населения на медицинскую помощь. Данная способность региональной системы особенно важна, так как в каждом из регионов существует уникальная структура заболеваемости, определяющая уникальность запросов населения на медицинскую помощь. Эффективно функционирующая система регионального здравоохранения первостепенно обращается к существующим потребностям населения в медицинских услугах, а не к глобальным трендам и успешному опыту других регионов. Важным является то, что структура заболеваемости внутри конкретного региона также может постоянно меняться под влиянием различных факторов, в таком случае региональная система здравоохранения также должна уметь оперативно адаптироваться под новые вызовы.

Пятый признак – наличие специфических управленческих практик. В последнее десятилетие наблюдается делегирование государством важнейших управленческих задач на уровень региона, приобретение регионами автономности в вопросах планирования, координирования и организации здравоохранения, осуществления контроля над выполнением целевых показателей, изменение порядка финансирования, что в совокупности приводит к все большей зависимости эффективности регионального здравоохранения от деятельности органов управления в регионе [Степчук web]. Уникальность развития здравоохранения каждого конкретного региона и существующих в нем запросов населения на медицинскую помощь обозначают потребность в поиске управленческих решений, соответствующих специфике имеющихся проблем.

Таким образом, на современном этапе развития региональная система здравоохранения представляет собой многоуровневую систему, совокупность учреждений и служб медицинского профиля различной направленности, тесное взаимодействие элементов которой направлено на удовлетворение существующих запросов населения на медицинскую помощь.

Ключевые проблемы, свойственные региональному уровню здравоохранения, можно разделить на две группы: структурные и функциональные.

Наиболее значимыми структурными проблемами регионального здравоохранения можно считать:

1. Невнимание к внутренней структуре региональной системы здравоохранения. Региональное здравоохранение – сложная многоуровневая система, эффективность деятельности которой зависит как от организации работы на каждом конкретном уровне, так и от порядка межуровневого взаимодействия, что обуславливает важность конкретизации ее вертикали. Для каждого из уровней организации системы характерен уникальный состав медицинских специалистов и необходимая материальная база, определяемые возлагаемыми на звено задачами.

2. Отсутствие первичного звена регионального здравоохранения как специфического структурного элемента системы. В настоящее время первичное звено позиционируется как фундамент всей системы здравоохранения, в первую очередь из-за своей возможности разрешать большинство запросов населения на медицинскую помощь. Для получателей медицинских услуг взаимодействие с учреждениями первичного звена зачастую формирует отношение ко всей системе здравоохранения. Вместе с тем, такой подход можно наблюдать и в работах авторов, исследующих региональное здравоохранение, где первичное звено не выделяется как самостоятельный структурный элемент.

3. Недостаточная конкретизация состава первичного звена региональной системы здравоохранения. Данная проблема обусловлена игнорированием первичного звена как самостоятельного структурного элемента регионального здравоохранения. Остается дискуссионным какие именно учреждения и службы целесообразно включать в структуру первичного звена. От того, какие элементы будут включены в структуру, будет зависеть выбираемый подход к его исследованию и поиску наиболее критических проблем.

В число функциональных проблем региональной системы здравоохранения можно включить:

1. Отсутствие ориентации регионального здравоохранения на реально существующие запросы населения конкретного региона на

медицинскую помощь. Эффективно функционирующая региональная система здравоохранения приоритетно ориентируется на действительно существующие запросы регионального сообщества на медицинскую помощь, а не на формирующиеся в отрасли тренды и успешный опыт других регионов. Этим обуславливается главная проблема несоответствия возможностей региональной системы здравоохранения ожиданиям населения, так как учреждения и службы не ориентируются на актуальные запросы получателей медицинских услуг.

2. Несоответствие показателей доступности и качества медицинских услуг ожиданиям населения. В настоящее время организация регионального уровня здравоохранения, несмотря на беспрерывное проведение мероприятий, направленных на модернизацию, не позволяет в полной мере удовлетворить запрос населения на получение медицинских услуг. Степень удовлетворенности варьируется в зависимости от ресурсов региона, что приводит к принципиальному различию указанных показателей от региона к региону.

3. Сложности межуровневого взаимодействия. В рамках работы региональной системы здравоохранения потребитель медицинских услуг способен получать медицинскую помощь на каждом из уровней, если к этому имеются показания. Переход получателя услуг от одних звеньев внутри системы регионального здравоохранения к другим и его сопровождение должны осуществляться путем совместной деятельности учреждений каждого задействованного уровня. В реальности такое взаимодействие с получателем услуг осуществляется изолировано на каждом из звеньев, что сказывается на качестве медицинской помощи.

Региональная система здравоохранения на современном этапе своего развития концентрирует в себе ключевые проблемы, связанные с организацией и оказанием медицинской помощи населению, что подтверждается направленностью актуального вектора модернизации медицинских учреждений и служб. Важнейшим элементом любой региональной системы здравоохранения сегодня выступает первичное звено, во многом определяющее достижимые показатели качества и досту-

пости медицинской помощи населению, демонстрирующее возможности и потенциал роста всей системы здравоохранения региона. Корректно организованная работа первичного звена позволяет успешно решать большинство запросов населения на медицинскую помощь, а также эффективно реализовывать медицинские мероприятия, направленные на предупреждение развития заболеваемости и смертности населения. Превентивный подход, реализуемый в учреждениях и службах низового звена системы здравоохранения, не только эффективен, но и позволяет рациональнее распределять ресурсы, выделяемые на организацию здравоохранения в регионах. Этими преимуществами стимулируется смещение фокуса модернизационных процессов с других элементов системы на ее первичное звено.

Вместе с тем, отмечая особую роль первичного звена в системе здравоохранения, невозможно исследовать его изолировано. Региональная система здравоохранения – сложная структура, внутри которой все элементы тесно взаимосвязаны, любое изменение одного из элементов обязательно спровоцирует структурные трансформации и нарушит устоявшиеся взаимосвязи в системе. По этой причине исследования первичного звена не должны быть фрагментарными, изучение должно проводиться в контексте взаимодействие первичного уровня с другими звеньями системы.

Существенной методологической трудностью является отсутствие единых стандартов организации на региональном уровне. Эта правовая гибкость, обусловленная необходимостью учета специфически особенностей каждого региона (экономических, демографических, климатических, географических и этнокультурных), приводит к отсутствию консенсуса в научном сообществе.

Представленный в статье вариант теоретического описания ключевых проблем функционирования и развития регионального уровня системы здравоохранения необходимо дополнить данными эмпирических исследований, которые позволят как проверить корректность теоретического анализа, так и конкретизировать проблемные зоны регионального здравоохранения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белинская, Лоскутова 2019 – *Белинская И.Б., Лоскутова М.В.* Специфика финансирования сферы здравоохранения на региональном уровне // Социально-экономические явления и процессы. 2019. Т. 14, № 2. С. 73–80.
- Габдуллин, Киршин, Шулаев 2020 – *Габдуллин Н.М., Киршин И.А., Шулаев А.В.* Регулирование межрегиональных различий субъектов Российской Федерации в контексте национальных проектов «Здравоохранение» и «Демография» // Уровень жизни населения регионов России. 2020. Т. 16, № 3. С. 59–69.
- Гришин, Рагозин 2019 – *Гришин В.В., Рагозин А.В.* Политэкономия здравоохранения: как выйти из кризиса // ОРГЗДРАВ: новости, мнения, обучение. Вестник ВШОУЗ. 2019. Т. 16, № 1. С. 30–37.
- Кривенко 2022 – *Кривенко Н.В.* Направления эффективного взаимодействия субъектов региональной политики в сфере здравоохранения в целях обеспечения экономической безопасности регионов // Уровень жизни населения регионов России. 2022. № 3. С. 354–367.
- Лебедева-Несесяря, Цинкер, Чигвинцев 2014 – *Лебедева-Несесяря Н.А., Цинкер М.Ю., Чигвинцев В.М.* Макросоциальные детерминанты и риски здоровью населения регионов России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 5. С. 193–205.
- Луман 1991 – *Луман Н.* Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // Социо-Логос: социология, антропология, метафизика. М.: Прогресс. 1991. С. 194–216.
- Малышев, Третьякова 2022 – *Малышев М.Л., Третьякова Л.А.* Социолого-статистический мониторинг в системе управления здравоохранением региона // Мониторинг правоприменения. 2022. № 3. С. 74–82.
- Мухарякова и др. 2008 – *Мухарякова Л.М., Кузнецова-Моренко И.Б., Петрова Р.Г., Салахатдинова Л.Н.* Региональное здравоохранение в условиях реализации национального проекта «Здоровье» и разграничения бюджетных полномочий // Журнал исследований социальной политики. 2008. Т. 6, № 4. С. 483–504.
- Норт 2013 – *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги, 2013.
- Пепеляева 2017 – *Пепеляева А.В.* Дисфункции регионального здравоохранения как угроза социальной безопасности региона // Вестник Прикамского социального института. 2017. № 1. С. 109–117.
- Постановление... web – Постановление Волгоградской областной думы от 13.06.2024 №66/4551 «О рекомендациях “парламентского часа” на тему “О реализации регионального проекта “Модернизация первичного звена здравоохранения Российской Федерации (Волгоградская область)” национального проекта “Здравоохранение”» [Сайт Волгоградской областной думы. 2025. 2 июля] // https://asozd.volgoduma.ru/index.php?option=com_asozd&view=law&id=6564
- Рейтинг регионов – 2024... web – Рейтинг регионов – 2024: здравоохранение [Эксперт Online. 2025. 2 июля] // <https://expertnw.com/from-editors/reyting-regionov-za-2024-g-pokazateli-sistemy-zdravookhraneniya/>
- Сибурина 2005 – *Сибурина Т.А.* Институциональное развитие регионального здравоохранения: понятие, принципы и подходы // Менеджер здравоохранения. 2005. № 6. С. 16–19.
- Сон и др. 2021 – *Сон И.М., Меньшикова Л.И., Флеглер Н.А., Сененко А.Ш., Руголь Л.В.* Роль органов местного самоуправления в решении проблем обеспеченности медицинскими кадрами первичного звена здравоохранения // Менеджер здравоохранения. 2021. № 1. С. 54–63.
- Степчук web – *Степчук М.А.* Развитие перспективных направлений амбулаторной помощи [Социальные аспекты здоровья населения. 2014. № 6] // <http://vestnik.mednet.ru/content/view/627/30/>
- Хасс 2017 – *Хасс Дж.* Социологический неоинституционализм и анализ организаций // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2017. № 3. С. 112–125.
- Черешнев, Кривенко, Крылов 2021 – *Черешнев В.А., Кривенко Н.В., Крылов В.Г.* Комплексная оценка эффективности и устойчивости региональной системы здравоохранения // Экономика региона. 2021. № 1. С. 31–43.
- Щепин 2013 – *Щепин О.П.* О развитии здравоохранения Российской Федерации // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2013. № 5. С. 5–6.

REFERENCES

- Belinskaya I.B., Loskutova M.V., 2019. Specifics of Healthcare Financing at the Regional Level. *Social'no-ekonomicheskie yavleniya i processy*, vol. 14, no. 2, pp. 73-80.
- Gabdullin N.M., Kirshin I.A., Shulaev A.V., 2022. Regulation of Inter-Regional Differences of the Russian Federation Regions in the Context of

- National Projects «Healthcare» and «Demography». *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*, vol. 16, no. 3, pp. 59-69.
- Grishin V.V., Ragozin A.V., 2019. Political Economy of Healthcare: How to Get Out of the Crisis. *ORGZDRAV: novosti, mneniya, obuchenie. Vestnik VSHOUZ*, vol. 16, no. 1, pp. 30-37.
- Krivenko N.V., 2022. Directions of Effective Interaction of the Subjects of Regional Policy in the Sphere of Health Care for the Purpose of Ensuring the Economic Security of the Regions. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*, no. 3, pp. 354-367.
- Levedeva-Nesvrya N.A., Tsinker M.Yu., Chigvintsev V.M., 2014. Macro-socail Determinants and Public Health Risks in Russian's Regions. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*, no. 5, pp. 193-205.
- Luhmann N., 1991. Tautology and Paradox in Self-Descriptions of Modern Society. *Socio-Logos: sociologiya, antropologiya, metafizika*. M.: Progress, pp. 194-216.
- Malyshev M.L., Tret'yakova L.A., 2022. Sociological and Statistical Monitoring in the Regional Healthcare Management System. *Monitoring pravoprimeneniya*, no. 3, pp. 74-82.
- Mukharyamova L.M., Kuzentsova-Morenko I.B., Petrova R.G., Salakhatdinova L.N., 2008. Regional Healthcare in the Implementation of the National Project "Health" and the Delineation of Budgetary Powers. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki*, vol. 6, no. 4, pp. 483-504.
- North D., 2013. *Institutions, Institutional Changes and the Functioning of the Economy*. Moscow, Fund of Economic Books.
- Pepelyaeva A.V., 2017. Dysfunctions of Regional healthcare as a threat to social security of the region. *Vestnik Prikamskogo social'nogo instituta*, no. 1, pp. 109-117.
- Resolution of the Volgograd Regional Duma of 13.06.2024 No. 66/4551 "On the recommendations of the "parliamentary hour" on the topic "On the implementation of the regional project "Modernization of the primary health care of the Russian Federation (Volgograd Region)" of the national project "Healthcare". Website of the Volgograd Regional Duma. 2025. July 2. URL: https://asozd.volgoduma.ru/index.php?option=com_asozd&view=law&id=6564
- Rating of regions – 2024: healthcare. *Ekspert Onlajn*. 2025. July 2. URL: <https://expertnw.com/from-editors/reyting-regionov-za-2024-g-pokazateli-sistemy-zdravookhraneniya/>
- Siburina T.A., 2005. Institutional development of regional healthcare: concept, principles and approaches. *Menedzher zdravooohraneniya*, no. 6, pp. 16-19.
- Son I.M., Menshikova L.I., Flegler N.A., Senenko A.Sh., Rugol L.V., 2021. The role of local governments in solving the problems of providing primary health care with medical personnel. *Menedzher zdravooohraneniya*, no. 1, pp. 54-63.
- Stepchuk M.A., 2014. Development of promising areas of outpatient care. *Social'nye aspekty zdorov'ya naseleniya*, no. 6, pp. 1-13. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/627/30/>
- Hass J., 2017. Sociological neoinstitutionalism and the analysis of organizations. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, no. 3, pp. 112-125.
- Chereshnev V.A., Krivenko N.V., Krylov V.G., 2021. Comprehensive assessment of the efficiency and sustainability of the regional healthcare system. *Ekonomika regiona*, no. 1, pp. 31-43.
- Shchepin O.P., 2013. On the development of healthcare in the Russian Federation. *Problemy sotsial'noy gigigiene, zdravookhraneniya i istorii meditsiny*, no. 5, pp. 5-6.

Information About the Authors

Victor N. Makhfoz, Postgraduate Student, Department of Sociology and Political Science, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, mahfoz@ramber.ru, <https://orcid.org/0009-0000-2281-6658>

Aleksander L. Strizoe, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Sociology and Political Science, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, strizoe@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3241-0480>

Информация об авторах

Виктор Николаевич Махфоз, аспирант кафедры социологии и политологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, mahfoz@ramber.ru, <https://orcid.org/0009-0000-2281-6658>

Александр Леонидович Стризое, доктор философских наук, профессор кафедры социологии и политологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, strizoe@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3241-0480>

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.4.9>

UDC 314.02
LBC 60.561.5

Submitted: 01.10.2025
Accepted: 15.10.2025

TRANSFORMATION OF FAMILY ATTITUDES IN MODERN RUSSIAN SOCIETY¹

Dmitriy A. Chernichkin

Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russian Federation

Mikhail S. Topchiev

Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russian Federation

Abstract. This article analyzes the transformation of marital and reproductive attitudes in contemporary Russian society amid the profound sociocultural, economic, and demographic changes of recent decades. The relevance of the study is determined by the importance of the family as a key social institution, ensuring population reproduction, transmitting cultural norms, and fostering social resilience. Studying these changes reveals the contradiction between the traditional symbolic status of the family and actual patterns of marital behavior, which is important for assessing social development and formulating effective public policy. For empirical analysis, a review of various studies by VTsIOM and the National Research University Higher School of Economics, as well as scientific publications by Russian researchers published over the past 10 years, was conducted. The authors identified several key contemporary trends: rising ages of marriage, expanding practices of unregistered cohabitation, declining motivation for procreation, and increasing values of individual self-realization and autonomy. These changes are particularly pronounced among young people under 25, who demonstrate a preference for individualistic family models and a postponement of marital and reproductive decisions. At the same time, the family retains a high symbolic status as an institution that ensures social integration and the reproduction of stability. The gap between the desired and actual number of children, economic and institutional constraints, and the need for parents to adapt professionally create persistent barriers to realizing reproductive intentions. The authors conclude that the observed processes do not indicate a crisis in the institution of the family, but rather reflect its adaptation to the conditions of globalization, digitalization, accelerated social mobility, and the transformation of value orientations. These findings emphasize the need to rethink public policy in the areas of support for marriage, parenthood, and demographic development, taking into account contemporary sociocultural realities.

Key words: family, marriage, transformation of the family institution, youth, fertility, sociocultural changes, marital attitudes, reproductive attitudes.

Citation. Chernichkin D.A., Topchiev M.S. Transformation of Family Attitudes in Modern Russian Society. *Logos et Praxis*, 2025, vol. 24, no. 4, pp. 89-101. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.4.9>

УДК 314.02
ББК 60.561.5

Дата поступления статьи: 01.10.2025
Дата принятия статьи: 15.10.2025

ТРАНСФОРМАЦИЯ БРАЧНЫХ И РЕПРОДУКТИВНЫХ УСТАНОВОК В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ¹

Дмитрий Алексеевич Черничкин

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, г. Астрахань, Российская Федерация

Михаил Сергеевич Топчиев

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, г. Астрахань, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу трансформации брачных и репродуктивных установок в современном российском обществе в условиях глубинных социокультурных, экономических и демографических изменений последних десятилетий. Актуальность исследования определяется значением семьи как ключевого социального института, обеспечивающего воспроизводство населения, передачу культурных норм и формирование социальной устойчивости. Выявлены противоречия между традиционным символическим статусом семьи и реальными моделями брачного поведения, что важно для оценки социального развития и формирования эффективной государственной политики. В статье представлен обзор результатов отечественных исследований трансформации института семьи, брачных и репродуктивных установок, проведенных за последние десять лет. Авторы выявили несколько ключевых тенденций современного этапа: повышение возраста вступления в брак, расширение практик незарегистрированного сожительства, снижение мотивации к рождению детей, повышение ценности индивидуальной самореализации и автономии личности. Эти изменения особенно ярко проявляются среди молодежи до 25 лет, которая демонстрирует ориентацию на индивидуалистические модели семьи и откладывание брачно-репродуктивных решений. При этом сохраняется высокий символический статус семьи как института, обеспечивающего социальную интеграцию и воспроизводство стабильности. Разрыв между желаемым и фактическим числом детей, экономические и институциональные ограничения, а также необходимость профессиональной адаптации родителей формируют устойчивые барьеры на пути реализации репродуктивных установок. Авторы приходят к выводу, что наблюдаемые процессы не свидетельствуют о кризисе института семьи, а отражают его адаптацию к условиям глобализации, цифровизации, ускоренной социальной мобильности и трансформации ценностных ориентаций. Эти выводы подчеркивают необходимость переосмысливания государственной политики в области поддержки брака, родительства и демографического развития с учетом современных социокультурных реалий.

Ключевые слова: семья, брак, трансформация института семьи, молодежь, рождаемость, социокультурные изменения, брачные установки, репродуктивные установки.

Цитирование. Черничкин Д. А., Топчиев М. С. Трансформация брачных и репродуктивных установок в современном российском обществе // Logos et Praxis. – 2025. – Т. 24, № 4. – С. 89–101. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.4.9>

Введение

Современное российское общество переживает динамичные социальные, культурные и экономические трансформации, которые оказывают непосредственное влияние на институциональную и ценностную сферу семьи. Традиционно именно семья рассматривалась в отечественной социологии и культурологии как базовый элемент социальной структуры, обеспечивающий воспроизводство населения, социализацию личности и передачу культурных норм, а семейные ценности – как основу формализации данных норм. В России семейные ценности на сегодняшний день вошли в социально-политический дискурс, так как они тесно связаны с историко-культурным наследием страны, многовековыми традициями, текущими социальными и политическими процессами. Согласно Указу Президента РФ № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению

традиционных российских духовно-нравственных ценностей» традиционные ценности рассматриваются как «основа российского общества, позволяющая защищать и укреплять суверенитет России, обеспечивать единство нашей многонациональной и многоконфессиональной страны, осуществлять сбережение народа России и развитие человеческого потенциала» [Указ Президента...web]. Однако в последние десятилетия под воздействием процессов глобализации, урбанизации, индивидуализации и цифровизации происходит существенное изменение брачных установок, моделей поведения и ценностных ориентиров.

Актуальность исследования обусловлена тем, что трансформация брачных и репродуктивных установок напрямую связана с демографической ситуацией в стране, изменением характера межпоколенческих связей, а также с формированием новых социальных практик молодежи. В условиях роста числа неполных и малодетных семей, увеличения

возраста вступления в брак и распространения незарегистрированных брачных отношений, возникает необходимость научного анализа происходящих изменений для выявления их причин и последствий.

Цель данной статьи заключается в выявлении ключевых тенденций и факторов, определяющих изменение брачных и репродуктивных установок в современном российском обществе, а также в определении социального значения происходящих изменений для будущего развития института семьи в России. В качестве информационной базы статьи выступили данные результатов исследований трансформации брачных и репродуктивных установок, проведенных за последние десять лет социологами ВЦИОМ, НИУ ВШЭ, ФНИСЦ РАН в рамках всероссийских исследований, а также данные, полученные по итогам региональных исследований.

Обзор литературы

Семья и процессы ее эволюции в России продолжают оставаться ключевым объектом внимания, что связано с ее статусом как стабильного и незаменимого элемента социальной структуры. Недооценка значения семьи, как для функционирования общества в целом, так и для индивидуального развития личности, противоречит современным социологическим представлениям. Институт семьи присутствует в любой цивилизованной социальной системе, а перспективы развития человеческого общества невозможно рассматривать без учета социальных ролей и функций, которые этот институт обеспечивает в контексте поддержания социальной целостности и воспроизводства культурных ценностей.

В отечественной научной традиции интерес к семье как социальному институту восходит к работам А.Г. Харчева [Харчев 1964; 2003], В.А. Сысенко [Сысенко 1986; 1989] и других исследователей, которые рассматривали семью прежде всего как систему устойчивых социальных ролей и механизм передачи культурных норм [Бессчетнова 2025]. Начиная с 1990-х гг. в связи с масштабными социально-экономическими преобразованиями в России внимание исследователей сосредоточилось на изменениях структу-

ры семьи, брачно-репродуктивного поведения и ценностных установок [Попова 2007; Гурко 2008]. Работы А.И. Антонова и В.М. Медкова подчеркивают противоречивый характер процесса: с одной стороны, происходит сохранение ряда традиционных установок (ценности материнства, внутрисемейной солидарности), а с другой – усиливается ориентация на индивидуализм и личностную самореализацию [Антонов, Медков 1996].

Исследования матримониальных (брачных) и репродуктивных установок молодежи и молодых семей, показали, что материальное благополучие является ключевым фактором, влияющим на решение молодых людей создать семью и запланировать рождение детей. Чем выше молодые люди оценивают свой уровень жизни, тем менее они ориентированы на отложенную брачность и рождаемость. Исследование, проведенное под руководством Т.К. Ростовской, показало, что уровень жизни напрямую и значительно влияет на два важнейших решения – вступить в брак и родить первого ребенка. Исследователи выявили и сравнили, по каким причинам разные группы молодежи (с высоким, средним и низким доходом) откладывают рождение детей [Ростовская, Золотарева, Васильева 2022]. Эти причины (мотивы) различаются в зависимости от финансового положения. Подавляющее большинство молодых людей считают, что планировать рождение детей лучше всего в официальном браке. Это означает, что для повышения рождаемости необходимо учитывать факторы, способствующие заключению браков. Таким образом, вероятность вступления в брак для молодого человека напрямую зависит от того, как он оценивает свое финансовое положение.

Исследование уральских социологов выявило, что молодежь хочет иметь детей (в идеале – двоих и более) и рассматривает это как ответственную задачу. Однако решение заключить брак и планирование рождения детей они откладывают до достижения финансовой стабильности и решения жилищной проблемы, первоначально планируя карьерную самореализацию. Основными препятствиями для рождения детей являются не внутренние установки, а внешние риски: неуверенность в материальной стабильности и возможностях обеспечить детей хорошими жилищными условиями.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Семья остается главной жизненной ценностью для молодежи, является источником поддержки, реализации воспитательной и репродуктивной функций [Вишневский, Дидковская, Зырянов 2024]. Влияние образовательного статуса на репродуктивное поведение российских женщин приведено в исследовании В.Н. Архангельского, С.Г. Шульгина, Ю.В. Зинькиной [Архангельский, Шульгин, Зинькина 2020].

Однако в последние годы фокус исследования сместился на изучение тенденций, связанных с увеличением возраста вступления в брак, ростом числа разводов и снижением рождаемости [Лагойда 2017; Александрова 2024; Шамрицкая 2024]. При этом отдельное внимание уделяется молодежи как наиболее восприимчивой к культурным и социальным изменениям группе [Донина, Шабанова, Салихова 2021]. Российские социологи отмечают, что именно среди молодых людей наблюдается рост интереса к вопросам осознанного безбрачия и отказа от рождения детей [Благорожева, Шаповалова 2024], переоценка роли отцовства и материнства [Вагапова 2015]. В этих условиях актуализируются исследования практик создания студенческих семей [Ростовская, Кучмаева, Золотарева 2023], поддержки студенческих семей с детьми [Багирова и др. 2024], анализируются репродуктивные установки молодых семей [Короленко, Калачикова 2022].

Региональная специфика, в частности влияние социально-демографических факторов на репродуктивные установки и практики молодежи, представлены исследованиями, проведенными в Саратовской [Бегинина, Овчинникова 2021] и Астраханской областях [Миронова 2018].

Зарубежные исследования акцентируют внимание на глобальных процессах индивидуализации, секуляризации и изменении гендерных ролей, что позволяет сопоставить российский опыт с общемировыми тенденциями [Cherlin 2020; Gray, Geraghty 2022]. В частности, теория «второго демографического перехода» активно применяется российскими учеными для анализа отечественной динамики семьи [Van De Kaa 1987; Lesthaeghe 2010].

Таким образом, имеющиеся исследования показывают, что трансформация брачных устано-

новок носит комплексный характер и обусловлена взаимодействием культурных, экономических и институциональных факторов. Однако до настоящего времени сохраняется потребность в системном анализе, позволяющем выявить специфику российского общества в контексте глобальных процессов изменения семьи.

Современные тренды трансформации брачных установок

Современные трансформации брачных установок в России во многом обусловлены совмещением традиционалистских установок с изменением практик повседневной жизни. С одной стороны, семья продолжает оставаться центральной социальной ценностью: по данным исследования ВЦИОМ в 2024 г. «крепкая семья» устойчиво занила первое место в иерархии жизненных приоритетов россиян, опережая здоровье, благополучие и работу [Семья в системе... web]. С другой стороны, формы реализации брачных стратегий становятся более гибкими: снижается роль официально зарегистрированного брака как единственного легитимного союза, увеличивается число разводов, распространяются практики совместного проживания россиян без регистрации брака, возраст вступления в брак и рождения первого ребенка увеличивается.

1. Снижение ценности брака.

За последние десять лет в общественном мнении усилилось принятие партнерских (эгалитарных) отношений и индивидуализированных траекторий семейной жизни. По данным всероссийских опросов ВЦИОМ, в 2024 г. большинство респондентов определяют «идеальную семью» через качество отношений (взаимопонимание, доверие), а не через материальное благополучие; доля сторонников равноправного распределения обязанностей между супругами выросла по сравнению с 2012 г. (62 % в 2024 г.). Молодежь чаще других ориентируется на индивидуалистическую модель семьи, при этом взгляды заметно различаются по возрасту, типу поселения и культурным факторам. Результаты ВЦИОМ прямо указывают, что национальные и конфессиональные традиции образуют важный контекст разнообразия брачных установок в России [Семья в системе... web].

Анализ данных исследования ВЦИОМ 2021 г. показывает, что доля тех, кто предпочитает жить один, не вступая в брак выросла с 5 % (2017 г.) до 10 %. Одиночество выбирает каждый пятый среди разведенных (20 %) и холостых россиян (19 %). Двукратный рост за четыре года доли тех, кто осознанно выбирает одиночество, можно связать с распространением тревожности в обществе, причинами которой стали экономические кризисы и пандемия [Брак, совместная жизнь... web].

Отношение к разводу также становится менее стигматизирующим: данные ВЦИОМ 2025 г. фиксируют рост терпимости к разводу и более прагматичное понимание причин его наступления, причем гендерные и региональные различия значимы (мужчины в 2 раза чаще женщин выступают за сохранение брака). В СКФО, где сильнее влияние религиозных норм, выше доля тех, кто с осуждением относится к добрачным связям и разводам, что иллюстрирует роль конфессиональной специфики в консервации традиционных норм [Разводы в России... web].

Эмпирические данные свидетельствуют о постепенной индивидуализации репродуктивного поведения и разрыве традиционной корреляции «брак – дети», что согласуется с концепцией индивидуализации семьи, предложенной Энтони Гидденсом [Giddens 1984]. Ключевыми факторами данного процесса выступают широкое распространение сожительства, рост числа незарегистрированных браков, а также институционализация рождения детей вне официального брака как социальной нормы.

По данным исследования ВЦИОМ, на вопрос «Почему, по Вашему мнению, люди сейчас вступают в брак?» доля респондентов, указавших в качестве ответа «Чтобы не быть одиноким, гарантировать стабильную старость» снизился с 26 % (2005 г.) до 17 % (2025 г.) [Смак 12 мая 2025... web]. Современные россияне демонстрируют готовность к автономной жизни без официального партнера, что отражает изменение общественных норм и постепенную нормализацию независимых жизненных траекторий. Параллельно утрачивает актуальность брак «по расчету», поскольку материальные и социальные выгоды, традиционно ассоциированные с официальным союзом, могут быть достигнуты и вне инсти-

тута брака, что позволяет формулировать новые интерпретации в рамках концепции Гэри Беккера [Becker 1993].

Усиливается влияние культурно-религиозных и этнических традиций на брачные практики: доля браков, заключенных, потому что «так принято», возросла с 5 % в 2005 г. до 16 % в 2025 г., что постепенно замещает ранее доминировавшие функциональные и эмоциональные основания брака, придавая ему символический характер и позволяя использовать концепцию символического брака для обсуждения современных трендов. Особенно ярко данная тенденция проявляется среди молодежи до 25 лет, для которой причина «так принято» становится второй по значимости, обходя причины продолжения рода и избегания одиночества. В совокупности эти изменения демонстрируют сложное взаимодействие модернизированных и традиционных ценностей в российской семейной культуре и свидетельствуют о переходе к посттрадиционной модели семьи, где ценностные и культурные факторы играют ключевую роль наряду с демографическими и социально-экономическими [Смак 12 мая 2025... web].

2. Практики и структура брачно-семейного поведения.

Практическим выражением ценностных сдвигов стала консолидация трендов позднего вступления в брак и распространения сожительства. Поздний возраст вступления в первый брак – структурный фактор снижения брачности и изменения календаря рождаемости [Семья и дети... web]. О.А. Александрова полагает, что «Повышение возраста вступления в первый брак отражает изменение жизненных приоритетов молодежи: развитие образования, профессиональная самореализация и личностное становление предшествуют созданию семьи. Это свидетельствует о переходе к модели отсроченного брака, характерной для второго демографического перехода» [Александрова 2024].

Одновременно в ряде исследований фиксируется устойчивое принятие форм совместной жизни без регистрации и «пробных браков» в молодежных когортах; ряд исследователей ВШЭ связывают это с «индивидуализацией жизненных курсов» и цифровизацией знакомств (онлайн-сервисы), что меняет ме-

ханизмы выбора партнера и горизонт ожиданий к союзу [Andreev, Churilova, Jasillioniene 2021; Klimenko 2024]. Подобные трансформации позволяют, прежде всего на уровне внешних проявлений, выявить возможные пределы разнообразия современных форм супружества: «Такие аспекты, как отсрочка создания семьи или ранний брак, наличие или отсутствие совместного проживания до регистрации, длительность или нестабильность брачных отношений, а также возникновение “осколочных” семей и вероятность повторных союзов – представляют собой характеристики, которые не всегда удается описать привычными категориями “брак” и “семья”. Они осложняют определение временных рамок “начала” и “окончания” отношений, создавая методологические и методические сложности при идентификации феномена “семейности”» [Егорова 2019].

Согласно исследованию З.Х. Коблевой, расширение практики незарегистрированных форм брака среди молодых людей определяется комплексом социальных детерминант, отражающих как структурные, так и ценностные трансформации современного общества. Во-первых, изменения в социально-экономическом контексте вызывают существенные сдвиги в традиционной системе семейных ценностей, ослабляя институциональные модели брака и создавая пространство для незарегистрированных союзов. Во-вторых, процесс формирования ценностных ориентаций молодежи проходит под значительным влиянием западноевропейских культурных и социально-идеологических трендов, в которых индивидуальные предпочтения и личностные свободы приобретают приоритет над коллективными семейными интересами; это проявляется в распространении различных моделей брачно-семейных отношений, не предполагающих официального юридического закрепления союза. Третьим фактором является переориентация системы ценностей молодых людей на профессиональные достижения и карьерный рост, рассматриваемые как ключевой инструмент обеспечения финансовой и социальной стабильности, что также сказывается на их отношении к институционализированному браку. Наконец, устоявшиеся представления о традиционной брачной модели в

молодежной среде формируют восприятие официального брака как института, утратившего свою социокультурную значимость, что способствует формированию устойчивых предпочтений в пользу альтернативных форм брака, обеспечивающих индивидуальный выбор формата отношений в соответствии с личностными и ценностными установками. Таким образом, современная молодежь все чаще рассматривает официально зарегистрированный брак не как единственную возможную форму супружества, а как одну из множества социальных практик, выбор которых определяется сочетанием экономических условий, культурных влияний и личностных приоритетов [Коблева 2023].

3. Молодежь на пороге брака: барьеры и установки.

Несмотря на высокий символический престиж «крепкой семьи», молодые люди сталкиваются с комплексом структурных препятствий. Анализ результатов исследования ВЦИОМ за 2025 г. демонстрирует, что откладывание вступления в брак у молодых россиян обусловлено прежде всего объективными экономическими факторами. Согласно опросу, 71% респондентов указывают финансовые трудности и неуверенность в завтрашнем дне как ключевые причины отсрочки семейной жизни, тогда как ценностные мотивы или идеологический протест играют второстепенную роль. Кроме того, около четверти опрошенных выделяют проблему обеспечения собственным жильем как критический барьер к принятию решения о создании семьи. В совокупности с низким уровнем доходов, высокой стоимостью кредитов, экономической нестабильностью и ростом цен на потребительские товары и услуги эти факторы формируют устойчивое явление, которое можно обозначить как структурный страх перед семейной ответственностью. В таких условиях вступление в официальный брак без достижения минимальных материальных и социально-экономических гарантий – наличие собственного жилья, стабильного источника дохода, перспектив профессионального развития и уверенности в будущем – становится практически невозможным. Таким образом, современная молодежь оценивает брак не как чисто формальный или социально обязательный акт,

а как комплексное решение, требующее предварительного выполнения базовых экономических условий, что отражает глубокую взаимосвязь между социально-экономической ситуацией и демографическим поведением [Смак 12 августа 2025... web].

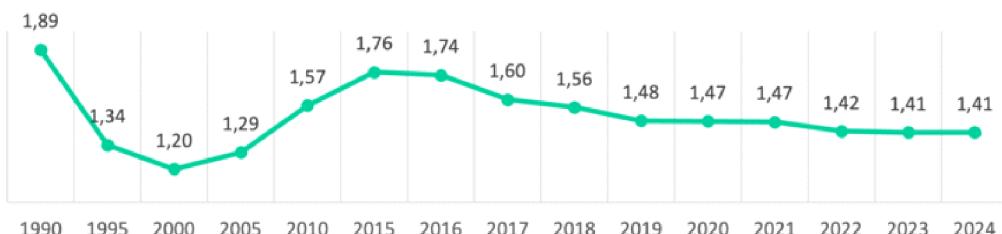
Сегодня идеальная семья мыслится как «полная и с детьми», но желаемые и ожидаемые числа детей расходятся, что указывает на нормативно высокие семейные идеалы при ограниченных ресурсах их реализации. Аналитические данные ВЦИОМ подтверждают наличие устойчивого тренда депопуляции, проявляющегося в долговременном снижении рождаемости на фоне ограниченной результативности государственной демографической политики. Несмотря на реализацию масштабных программ материального стимулирования, направленных на поддержку семей с детьми, суммарный коэффициент рождаемости (СКР) в России остается ниже уровня, необходимого для простого воспроизводства населения. Согласно расчетам демографов, для поддержания стабильной численности населения значение СКР должно быть не ниже 2,15, а для демографического роста – превышать эту величину [Екимова, Гаганов, 2023].

Исторический анализ динамики рождаемости показывает, что с 1970-х гг. наблюдается продолжительное сокращение fertильности, что согласуется с характеристиками второго демографического перехода, описанного Р. Лестегом и Д. ван де Ка. Для данного этапа типичны индивидуализация репродуктивных стратегий, рост автономности личности, изменение системы гендерных ролей и переосмысление института родительства как сферы личного выбора. В рамках современной российской демографии

фической траектории краткосрочный рост показателя до 1,8 в 2015–2016 гг. можно рассматривать как результат временного совмещения структурных и институциональных факторов. Он был обусловлен не только реализацией программы материнского капитала и повышением уровня благосостояния населения в 2000-х гг., но и поколенческими особенностями fertильных когорт, вступивших в репродуктивный возраст в этот период. Однако данный подъем не стал основой устойчивого роста. Уже с 2017 г. кривая рождаемости вновь демонстрирует нисходящий тренд, что отражает исчерпание адаптационного потенциала государственной политики, построенной преимущественно на финансовых стимулах.

В последние годы показатели рождаемости демонстрируют заметное снижение, а прогнозы, опубликованные Росстатом, не предполагают значительного улучшения ситуации в ближайшей перспективе. Данний тренд отражает сочетание демографических, экономических и социальных факторов, влияющих на готовность семей к деторождению, и указывает на необходимость комплексного подхода к формированию эффективной демографической политики (см. рисунок).

Анализ данных показывает сохранение устойчивых репродуктивных установок россиян: большинство по-прежнему ориентируется на модель малодетности (один-два ребенка). Намерение иметь трех и более детей демонстрирует незначительный рост, но существенно не влияет на СКР. Сохраняется разрыв между желаемым и реализованным числом детей – семьи в среднем имеют на одного ребенка меньше, чем планируют. Эмпирические данные опровергают представление о снижении ценности родитель-

Суммарный коэффициент рождаемости в России в 1990–2024 годах²

ства: стремление к многодетности присутствует, однако его реализация ограничивается экономическими, институциональными и социокультурными барьерами [Репродуктивные планы... web].

Социологические исследования опровергают распространенное мнение о том, что реальный опыт родительства «остужает» репродуктивные устремления, делая детей слишком сложными и дорогими, и что после рождения одного или двух потомков желание иметь больше отпадает [Репродуктивные планы... web].

Отметим тенденцию фиктивных разводов. В частности, в северокавказских регионах устойчиво ниже «оперативная» брачность и фиксируются специфические соотношения показателей «разводов к бракам» в годовой динамике. К примеру, по итогам 2022 г., согласно статистике, самый большой показатель в стране показала Ингушетия: на 1 219 заключенных браков приходилось 3 133 развода, соотношение почти 1 к 3. Так же большое количество расторжений фиксировалось в следующих регионах: Чечня – 2 069 разводов, Дагестан – 1 967 разводов, Карачаево-Черкесия – 1 520 разводов, Северная Осетия – 1 390 разводов [Костенко... web]. Исследователи объясняют данный феномен возможностью получения адресных пособий: «Ради их получения люди часто разводятся (помощь назначается исходя из доходов на семью), при этом продолжая сожительствовать» [Апалькова, Левченко, Липагина 2024].

Так что же означают вышеописанные трансформации для понимания современных брачных установок? Семья сохраняет высочайший символический статус, но ее понимание меняется: приоритет отдается качеству отношений, равноправию и автономии пары. На поведенческом уровне фиксируются следующие изменения: сожительства, отложенные брак и рождение первого ребенка, что сталодоминирующей стратегией. Не решенный жилищный вопрос, нестабильный доход, образовательные и карьерные ожидания формируют барьеры в переходе от отношений к браку / родительству, поддерживая разрыв между ценностными идеалами и планами.

Заключение

Выявленные трансформации брачных установок в современном российском обществе позволяют утверждать, что мы имеем дело не с кризисом института семьи в его классическом понимании, а с процессом глубокой трансформации, обусловленной сочетанием глобальных и локальных факторов. Традиционные установки – стремление к браку, ценность материнства и семейной поддержки – сохраняют высокий символический престиж, но их практическое воплощение претерпевает заметные изменения.

Официально зарегистрированный брак в XXI в. перестает быть единственно легитимным способом организации частной жизни. Увеличение возраста вступления в брак, распространение сожительства, отложенное родительство и рост числа разводов демонстрируют расширение неконструктивных практик. При этом в массовом сознании продолжают доминировать идеалы «крепкой семьи», что указывает на напряженность между ценностными ожиданиями и реальными жизненными практиками.

Особую роль в изменении брачных и репродуктивных установок играет молодежь, для которой характерны индивидуалистические стратегии, ориентация на карьеру и самореализацию, а также более гибкие взгляды на брачные и репродуктивные модели. Однако структурные барьеры – экономическая нестабильность, жилищный вопрос, высокий уровень социальной неопределенности – формируют своеобразный разрыв, при котором число желаемых детей систематически превышает реальные показатели рождаемости. Семья остается центральным элементом социальной структуры России, но ее облик становится все более вариативным, открытым и гибким. В этом контексте задача исследователей – не только фиксировать происходящие изменения, но и предлагать концептуальные модели, позволяющие адаптировать социальную политику к новым стратегиям и обеспечивать условия для устойчивого воспроизведения и развития российского общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки России для ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет им.-В.Н. Татищева» в 2025 г. по теме: «Разработка модели трансформации семейных ценностей в российском Прикаспии в условиях современных внешнеполитических вызовов и угроз» (Дополнительное соглашение № 075-03-2025-544/4 от «01» октября 2025 г.).

The work was completed as part of a state assignment from the Ministry of Education and Science of Russia for the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Astrakhan Tatishchev State University” in 2025 on the topic: “Development of a model for the transformation of family values in the Russian Caspian region in the context of modern geopolitical challenges and threats” (Additional agreement No. 075-03-2025-544/4, October 01, 2025).

² Росстат (Российский статистический ежегодник), данные за 2025 г. – средний прогноз Росстата // <https://www.fedstat.ru/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александрова 2024 – Александрова О.А. Инфантильные или ответственные: студенческая молодежь о новых тенденциях в брачно-семейной и репродуктивной сферах // Народонаселение. 2024. Вып. 27 (S1). С. 107–119. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-107-119

Антонов, Медков 1996 – Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. М.: Изд-во МГУ: Изд-во Международного университета бизнеса и управления («Братья Кари»), 1996.

Апалькова, Левченко, Липагина 2024 – Апалькова Т.Г., Левченко К.Г., Липагина Л.В. Статистическая оценка региональных особенностей проявления демографических угроз в сфере брачности, материнства и детства // Национальная безопасность. 2024. № 5. С. 9–24. DOI: 10.7256/2454-0668.2024.5.71570

Архангельский, Шульгин, Зинькина 2020 – Архангельский В.Н., Шульгин С.Г., Зинькина Ю.В. Репродуктивное поведение российских женщин в зависимости от образовательного статуса // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. № 20 (3). С. 546–559.

Багирова и др. 2024 – Багирова А.П., Нешатаев А.В., Вавилова А.С., Левшиц А.Д. Родительство в студенчестве: возможности совмещения жизненных стратегий // Высшее образование в России. 2024. Т. 33, № 7. С. 32–49.

Бегинина, Овчинникова 2021 – Бегинина И.А., Овчинникова Е.В. Социально-демографические

факторы репродуктивных установок и практик молодежи в России и Саратовском регионе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, № 4. С. 381–389. DOI: 10.18500/1818-9601-2021-21-4-381-389

Бессчетнова 2025 – Бессчетнова О.В. Семейные ценности и репродуктивные установки современной студенческой молодежи: рожать нельзя откладывать // Вопросы управления. 2025. Т. 19, № 2. С. 17–31.

Благорожева, Шаповалова 2024 – Благорожева Ж.О., Шаповалова И.С. Влияние альтернативных ценностей на матrimoniальные стратегии молодежи // Социальная политика и социология. 2024. Т. 23, № 2 (151). С. 30–39. DOI: 10.17922/2071-3665-2024-23-2-30-39

Брак, совместная жизнь... web – Брак, совместная жизнь, брачный возраст: в поисках оптимальной модели [ВЦИОМ. 2021] // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/brak-sovmestnaja-zhizn-brachnyi-vozrast-v-poiskakh-optimalnoi-modeli>

Вагапова 2015 – Вагапова А.Р. Представления о материнстве / отцовстве и родительские установки у молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2015. Т. 4, № 2. С. 172–179.

Вишневский, Дидковская, Зырянова 2024 – Вишневский Ю.Р., Дидковская Я.В., Зырянова О.Б. Матrimoniальные и репродуктивные установки молодой семьи в контексте безопасности молодой семьи // Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 40–55. DOI: 10.21064/WinRS.2024.1.3

Гурко 2008 – Гурко Т.А. Брак и родительство в России. М.: Ин-т социологии РАН, 2008.

Донина, Шабанова, Салихова 2021 – Донина О.И., Шабанова О.В., Салихова А.А. Социальные аспекты формирования семейных ценностей молодежи в условиях трансформации современного общества. Ульяновск: Ульяновский государственный университет, 2021.

Егорова 2019 – Егорова Н.Ю. Формы супружества в современной России: сравнение социально-демографических характеристик // Петербургская социология сегодня. 2019. № 11. С. 81–98.

Екимова, Гаганов 2023 – Екимова Н.А., Гаганов А.Е. Демографические тренды регионов России: в поисках источников роста // Бизнес. Образование. Право. 2023. № 3 (64). С. 60–65. DOI: 10.25683/VOLBI.2023.64.707

Коблева 2023 – Коблева З.Х. Незарегистрированный брак в оценках молодежи в условиях трансформации российского общества // Из-

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

- вестия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 271–275. DOI: 10.18500/1818-9601-2023-23-3-271-275
- Короленко, Калачикова 2022 – Короленко А.В., Калачикова О.Н. Репродуктивные установки молодых семей: факторы и условия реализации (по материалам углубленных интервью) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 2. С. 172–189. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.11
- Костенко... web – Костенко Я. Росстат назвал регионы с наибольшей долей разводов [Ведомости. 2023] // <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/06/27/982427-rosstat-nazval-regioni-s-naibolshei-dolei-razvodov>
- Лагойда 2017 – Лагойда Н.Г. Проблема стабильности брака и роста числа разводов в современном обществе // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2017. № 2. С. 86–96.
- Миронова 2018 – Миронова Ю.Г. Факторы формирования репродуктивных установок современной студенческой молодежи в российском регионе (на примере г. Астрахани) // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 12 (56). С. 56–59. DOI: 10.24158/spp.2018.12.8
- Попова 2007 – Попова Л.А. Внебрачная рождаемость: тенденции, причины, модели развития внебрачной семьи. Сыктывкар: Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук, 2007.
- Разводы в России... web – Разводы в России: мониторинг // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/razvody-v-rossii-monitoring>
- Репродуктивные планы... web – Репродуктивные планы россиян: два пишем, три в уме? [ВЦИОМ. 25 февраля 2025 г.] // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reproduktyivnye-plany-rossijan-dva-pishem-tri-v-ume>
- Ростовская, Золотарева, Васильева 2022 – Ростовская Т.К., Золотарева О.А., Васильева Е.Н. Модели матримонального и репродуктивного поведения российской молодежи // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 3. С. 184–199.
- Ростовская, Кучмаева, Золотарева 2023 – Ростовская Т.К., Кучмаева О.В., Золотарева О.А. Студенческая семья в России: детерминанты вступления в брак // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2023. Т. 23 (1). С. 40–60. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-1-40-60>
- Семья в системе... web – Семья в системе ценностей россиян [ВЦИОМ. 6 июня 2024 г.] // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sempja-v-sisteme-cennostei-rossijan>
- Семья и дети... web – Семья и дети в России. Специальный доклад общественной палаты Российской Федерации: статистический сборник Росстата. М., 2024 // https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Semja_i_deti_2024.pdf
- Смак 12 августа 2025... web – Смак Т. Квартирный ответ на демографический вопрос [ВЦИОМ. 12 августа 2025] // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kvartirnyi-otvet-na-demograficheskii-vopros>
- Смак 12 мая 2025... web – Смак Т. Семья и брак в России XXI века [ВЦИОМ. 12 мая 2025] // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sempja-i-brak-v-rossii-xxi-veka>
- Сысенко 1986 – Сысенко В.А. Молодежь вступает в брак. М.: Мысль, 1986.
- Сысенко 1989 – Сысенко В.А. Супружеские конфликты. М.: Мысль, 1989.
- Указ Президента... web – Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>
- Харчев 1964 – Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. Опыт социологического исследования. М.: Мысль, 1964.
- Харчев 2003 – Харчев А.Г. Социология семьи: проблемы становления науки. М.: Центр социального прогнозирования, 2003.
- Шамрицкая 2024 – Шамрицкая И.Ю. Трансформация семейных ценностей в условиях глобализации // Вестник научных конференций. 2024. № 10-3 (110). С. 116–117.
- Andreev, Churilova, Jasilioniene 2021 – Andreev E.M., Churilova E., Jasilioniene A. Partnership Context of First Births in Russia: The Enduring Significance of Marriage // European Journal of Population. 2021. Vol. 38, iss. 1. P. 37–58. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10680-021-09600-5>
- Becker 1993 – Becker G.S. A Treatise on the Family. Enlarged edition. Harvard University Press, 1993.
- Cherlin 2020 – Cherlin A.J. Degrees of Change: An Assessment of the Deinstitutionalization of Marriage Thesis // Journal of Marriage and Family. 2020. Iss. 82 (1). P. 62–80. DOI: <https://doi.org/10.1111/jomf.12605>
- Giddens 1984 – Giddens A. The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. Cambridge: Polity Press, 1984.
- Gray, Geraghty 2022 – Gray J., Geraghty R. The Transformation of Parents' Values and Aspirations for Their Children: A Retrospective

- Qualitative Longitudinal Analysis of Changing Cultural Configurations // Sociological Research Online. 2022. Vol. 28 (4). P. 1088–1109. DOI: 10.1177/13607804221137600
- Klimenko 2024 – Klimenko G.A. Review of the Scientific Literature on the Topic of Online Dating Services in a Demographic and Social Context // Population and Economics. 2024. Iss. 8 (2). P. 19–35. DOI: <https://doi.org/10.3897/popecon.8.e104663>
- Lesthaeghe 2010 – Lesthaeghe R. The Unfolding Story of the Second Demographic Transition // Population and Development Review. 2010. Iss. 36. P. 211–251. DOI: <https://doi.org/10.2307/25699059>
- Van De Kaa 1987 – Van De Kaa D. J. Europe's Second Demographic Transition // Population Bulletin. 1987. Iss. 42 (1). P. 1–59.

REFERENCES

- Aleksandrova O.A., 2024. Infantile or Responsible: Student Youth on New Trends in Marital, Family, and Reproductive Spheres. *Narodonaselenie*, iss. 27 (S1), pp. 107-119. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-107-119
- Antonov A.I., Medkov V.M., 1996. *Sociology of the Family*. Moscow, Moscow State University Press: International University of Business and Management Press (“Karić Brothers”)
- Apalkova T.G., Levchenko K.G., Lipagina L.V., 2024. Statistical Assessment of Regional Peculiarities of Demographic Threats to Marriage, Motherhood, and Childhood. *Natsional'naia bezopasnost'*, no. 5, pp. 9-24. DOI: 10.7256/2454-0668.2024.5.71570
- Archangelsky V.N., Shulgin S.G., Zinkina Yu.V., 2020. Reproductive Behavior of Russian Women as Depending on Their Level of Education. *Vestnik RUDN. Seriya: Sociologia*, no. 20 (3), pp. 546-559.
- Bagirova A.P., Neshataev A.V., Vavilova A.S., Levshits A.D., 2024. Parenting During the Student Period: The Possibilities of Combining Life Strategies. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, vol. 33, no. 7, pp. 32-49.
- Beginina I. A., Ovchinnikova E. V. Social-demination factor and practice youth in Russia and Saratov Region. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sociologiya. Politologiya*, vol. 21, no. 4, pp. 381-389. DOI: 10.18500/1818-9601-2021-21-4-381-389
- Besschetnova O.V., 2025. Family Values and Modern Students Reproductive Attitudes: Giving Birth Cannot Be Postponed. *Voprosy upravleniya*, vol. 19, no. 2, pp. 17-31.
- Blagorozheva Zh.O., Shapovalova I.S., 2024. The Influence of Alternative Values and Attitudes on the Matrimonial Strategies of Young People. *Social Policy and Sociology*, vol. 23, no. 2 (151), pp. 30-39. DOI: <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2024-23-2-30-39>
- Marriage, Cohabitation, Marital Age: In Search of an Optimal Model. *WCIM*, 2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/brak-sovmestnaja-zhizn-brachnyi-vozrast-v-poiskakh-optimalnoi-modeli>
- Vagapova A.R., 2015. Ideas About Motherhood/Fatherhood and Parental Attitudes Among Young People. *Bulletin of the Saratov University. New series. Series: Acmeology of Education. Developmental Psychology*, vol. 4, no. 2, pp. 172-179.
- Vishnevsky Yu.R., Zyryanova O.B., Didkovskaya Ya.V., 2024. Matrimonial and Reproductive Attitudes of Youth in the Context of Young Family Safety. *Zhenshhina v rossijskom obshhestve*, no. 1, pp. 40-55.
- Gurko T.A., 2008. *Marriage and Parenthood in Russia*. Moscow, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. 326 p.
- Donina O.I., Shabanova O.V., Salikhova A.A., 2021. *Social Aspects of Formation of Family Values of Young People in the Context of Transformation of Modern Society*. Ulyanovsk, Ulyanovsk State University.
- Egorova N.Yu., 2019. Forms of Marriage in Modern Russia: Comparison of Socio-Demographic Characteristics. *Peterburgskaia sotsiologiia segodnia*, no. 11, pp. 81-98.
- Ekimova N.A., Gaganov A.E., 2023. Demographic Trends of Russian Regions: In Search of Sources of Growth. *Biznes. Obrazovanie. Pravo*, no. 3 (64), pp. 60-65. DOI: 10.25683/VOLBI.2023.64.707
- Kobleva Z.Kh., 2023. Unregistered Marriage as Assessed by Young People in the Vontext of the Transformation of Russian Society. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya*, vol. 23, iss. 3, pp. 271-275. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-3-271-275>
- Korolenko A.V., Kalachikova O.N., 2022. Reproductive Attitudes of Young Families: Driving Forces and Implementation Conditions (On The Basis Of In-Depth Interviews). *Ekonomicheskie i socialnye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*, vol. 15, no. 2, pp. 172-189.
- Kostenko Ya., 2023. Rosstat Named the Regions with the Highest Divorce Rates. *Vedomosti*. URL: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/06/27/982_427-rosstat-nazval-regioni-s-naibolshei-dolei-razvodov

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

- Lagoya N.G., 2017. The Problem of Marital Stability and the Rising Divorce Rate in Modern Society. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofia*, no. 2, pp. 86-96.
- Mironova Yu.G., 2018. Factors in the Development of Reproductive Attitudes Among Russian Regional Students (A Case Study of Astrakhan). *Obshhestvo: sociologiya, psixologiya, pedagogika*, no. 12 (56), pp. 56-59. DOI: 10.24158/spp.2018.12.8
- Popova L.A., 2007. *Out-of-Wedlock Births: Trends, Causes, and Models of Out-of-Wedlock Family Development*. Syktyvkar, Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. *Divorces in Russia: Monitoring*. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/razvody-v-rossii-monitoring>
- Russians' Reproductive Plans: Two in Writing, Three in Mind? *VCIOM*. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reproduktivnye-plany-rossijan-dva-pishem-tri-v-ume>
- Rostovskaya T.K., Zolotareva O.A., Vasilieva E.N., 2022. Models of Matrimonial and Reproductive Behavior of Russian Youth. *Ekonomicheskie i socialnye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*, vol. 15, no. 3, pp. 184-199.
- Rostovskaya T.K., Kuchmaeva O.V., Zolotareva O.A., 2023. Student Family in Russia: Determinants of Marriage. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya*, vol. 23 (1), pp. 40-60. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-1-40-60>
- Family in the Russian Value System. *VCIOM*. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-v-sisteme-cennostei-rossijan>
- Family and Children in Russia. Special Report of the Public Chamber of the Russian Federation. Rosstat Statistical Digest*. Moscow, 2024. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Semja_i_deti_2024.pdf
- Smak T. Apartment Answer to the Demographic Question. *VCIOM*, August 12, 2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kvartirnyi-otvet-na-demograficheskii-vopros>
- Smak T. Family and Marriage in Russia of the 21st century. *VCIOM*, May 12, 2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-i-brak-v-rossii-xxi-veka>
- Sysenko V.A. 1986. *Young People Enter into Marriage*. Moscow, Mysl.
- Sysenko V.A., 1989. *Marital Conflicts*. Moscow, Mysl,
- Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022, No. 809 "On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values". URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>*
- Kharchev A.G., 1964. *Marriage and Family in the USSR: A Sociological Study*. Moscow, Mysl'.
- Kharchev A.G., 2003. *Sociology of the Family: Problems of the Formation of a Science*. Moscow, Center for Social Forecasting.
- Shamritskaya I.Yu., 2024. Transformation of Family Values in the Context of Globalization. *Vestnik nauchnykh konferentsii*, no. 10-3 (110), pp. 116-117.
- Andreev E.M., Churilova E., Jaslioniene A. 2021. Partnership Context of First Births in Russia: The Enduring Significance of Marriage. *European Journal of Population*, vol. 38, iss. 1, pp. 37-58. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10680-021-09600-5>
- Becker G.S., 1993. *A Treatise on the Family. Enlarged edition*. Harvard University Press.
- Cherlin A.J., 2020. Degrees of Change: An Assessment of the Deinstitutionalization of Marriage Thesis. *Journal of Marriage and Family*, iss. 82 (1), pp. 62-80. DOI: <https://doi.org/10.1111/jomf.12605>
- Giddens A., 1984. *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. Cambridge, Polity Press.
- Gray J., Geraghty R., 2022. The Transformation of Parents' Values and Aspirations for Their Children: A Retrospective Qualitative Longitudinal Analysis of Changing Cultural Configurations. *Sociological Research Online*, vol. 28 (4), pp. 1088-1109. DOI: <https://doi.org/10.1177/13607804221137600>
- Klimenko G.A., 2024. Review of the Scientific Literature on the Topic of Online Dating Services in a Demographic and Social Context. *Population and Economics*, iss. 8 (2), pp. 19-35. DOI: <https://doi.org/10.3897/popecon.8.e104663>
- Lesthaeghe R., 2010. The Unfolding Story of the Second Demographic Transition. *Population and Development Review*, iss. 36, pp. 211-251. DOI: <https://doi.org/10.2307/25699059>
- Van De Kaa D. J., 1987. Europe's Second Demographic Transition. *Population Bulletin*, iss. 42 (1), pp. 1-59.

Information About the Authors

Dmitriy A. Chernichkin, Research Fellow, Center for the Study of Comprehensive Security Problems of the Caspian Macroregion and Countering Terrorism and Extremism, Astrakhan Tatishchev State University, Tatishchev St, 20A, 414056 Astrakhan, Russian Federation, chernichkin95@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9647-7916>

Mikhail S. Topchiev, Candidate of Sciences (Politics), Head of the Center for the Study of the Problems of Integrated Security of the Caspian Macroregion and Counteraction to Terrorism and Extremism, Astrakhan Tatishchev State University, Tatishchev St, 20A, 414056 Astrakhan, Russian Federation, mstopchiev@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8296-6631>

Информация об авторах

Дмитрий Алексеевич Черничкин, научный сотрудник Центра изучения проблем комплексной безопасности Каспийского макрорегиона и противодействия терроризму и экстремизму, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, ул. Татищева 20А, 414056 г. Астрахань, Российская Федерация, chernichkin95@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9647-7916>

Михаил Сергеевич Топчиев, кандидат политических наук, руководитель Центра изучения проблем комплексной безопасности Каспийского макрорегиона и противодействия терроризму и экстремизму, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, ул. Татищева, 20А, 414056 г. Астрахань, Российская Федерация, mstopchiev@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8296-6631>

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

UDC 111.1
LBC 87.12

Submitted: 05.09.2025
Accepted: 15.10.2025

REVIEW OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE “MODERN ONTOLOGY – XII: ONTOLOGY AS SYSTEMATIC KNOWLEDGE ABOUT THE WORLD IN ITS UNITY” (SAINT PETERSBURG, BELGRADE, VOLGOGRAD, JUNE 23–27, 2025)

Dmitry N. Bukin

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Petr M. Kolychev

Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. This article provides an overview of the International Scientific and Practical Conference “Modern Ontology – XII: Ontology as a Systematic Knowledge of the World in Its Unity,” which was held from June 23 to 27 at the Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation. The conference was attended by scientists from twenty cities, as well as colleagues from abroad. In this review, we have divided the conference’s presentations into two thematic blocks. The first block focuses on the general issues of the doctrine of being as a systematic unity of a specific type of knowledge, as well as the specific issues of regional ontological methodology. Special attention is paid to significant domestic concepts that shape the history of world ontological thought (the Leningrad School, the teachings of V.N. Sagatovsky, etc.). Among other things, the ontological aspects of consciousness, freedom, dialectics and hermeneutics, semiotics, quantum mechanics, pedagogy and law, economics and society, information technology, and artificial intelligence were discussed. The second thematic block includes the problems of the relationship between ontological and phenomenological philosophical systems. The borderline issues of virtual reality phenomenology, logic phenomenology, semiotics phenomenology, and time phenomenology were considered. An important result of these discussions is that phenomenology, which traditionally has a well-defined direction, can be quite effective from a methodological standpoint in ontologies based on the unity of subject and object, such as the philosophy of evolving harmony and relational ontology. The practical significance of the conference’s results lies in establishing an interdisciplinary dialogue between philosophers and representatives of the natural and human sciences, as well as in sharing experience in teaching philosophical disciplines to students from various fields of study.

Key words: ontology, being, system, world, region, phenomenology.

Citation. Bukin D.N., Kolychev P.M. Review of the International Scientific and Practical Conference “Modern Ontology – XII: Ontology as Systematic Knowledge About the World in Its Unity” (Saint Petersburg, Belgrade, Volgograd, June 23–27, 2025). *Logos et Praxis*, 2025, vol. 24, no. 4, pp. 102–107. (in Russian).

УДК 111.1
ББК 87.12

Дата поступления статьи: 05.09.2025
Дата принятия статьи: 15.10.2025

**ОБЗОР МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«СОВРЕМЕННАЯ ОНТОЛОГИЯ – XII:
ОНТОЛОГИЯ КАК СИСТЕМНОЕ ЗНАНИЕ О МИРЕ В ЕГО ЕДИНСТВЕ»
(САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, БЕЛГРАД, ВОЛГОГРАД, 23–27 ИЮНЯ 2025 г.)**

Дмитрий Николаевич Букин

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Петр Михайлович Колычев

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Представлен обзор Международной научно-практической конференции «Современная онтология – XII: онтология как системное знание о мире в его единстве», прошедшей с 23 по 27 июня в Санкт-Петербургском государственном университете аэрокосмического приборостроения. В конференции приняли участие ученые из двадцати городов, а также коллеги из-за рубежа. Доклады участников конференции на различных секциях в данном обзоре мы разбили на два тематических блока. Первый блок посвящен обсуждению общих вопросов учения о бытии как системного единства особого рода знаний, а также частных вопросов региональной онтологической методологии. Отдельное внимание удалено значимым отечественным концепциям, формирующими историю мировой онтологической мысли (Ленинградская школа, учение В.Н. Сагатовского и др.). Среди прочего обсуждались онтологические аспекты проблем сознания, свободы, диалектики и герменевтики, семиотики, квантовой механики, педагогики и права, экономики и общества, информационных технологий, искусственного интеллекта. Во второй тематический блок вошли проблемы отношения между онтологическими и феноменологическими философскими системами. Были рассмотрены пограничные вопросы феноменологии виртуальной реальности, феноменологии логики, феноменологии семиотики, феноменологии времени. Важным результатом дискуссий является то, феноменология, традиционно имеющая четко заданный вектор своего направления, может оказаться вполне эффективной с методологической точки зрения в онтологиях, исходящих из единства субъекта и объекта, таких, как философия развивающейся гармонии и релятивная онтология. Практическая значимость результатов конференции заключается также в установлении междисциплинарного диалога между философами и представителями точных и гуманитарных наук, в обмене опытом преподавания философских дисциплин студентам самых разных направлений обучения.

Ключевые слова: онтология, бытие, система, мир, регион, феноменология.

Цитирование. Букин Д. Н., Колычев П. М. Обзор Международной научно-практической конференции «Современная онтология – XII: онтология как системное знание о мире в его единстве» (Санкт-Петербург, Белград, Волгоград, 23–27 июня 2025 г.) // Logos et Praxis. – 2025. – Т. 24, № 4. – С. 102–107.

Введение

Организаторами международной научно-практической конференции «Современная онтология – XII: онтология как системное знание о мире в его единстве» являются: Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Белградский университет «Унион –

Никола Тесла», Волгоградский государственный университет, а также Онтологическое общество, образованное в 2006 г. в г. Санкт-Петербурге. К участию было подготовлено порядка 50 докладов, большая часть из них – в очном формате. Помимо российских, в конференции также приняли участие ученые из Беларуси, Сербии и Болгарии.

1. Тематический блок**«Онтология как знание о мире в единстве и как совокупность региональных знаний»**

Открыл конференцию пленарный доклад П.М. Кольчева (Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения) «Релятивная философия как системное знание о мире в его единстве», в котором было показано, что релятивная онтология, не отрицая достижения предшествующих классических систем, не совпадает ни с одной из них и, в зависимости от характера атрибутов человеческого бытия, может обретать черты как материалистической, так и идеалистической онтологии. На основе интерпретации со-бытийности как совокупности актов различения возможен синтез теорий бытия и теорий познания.

Д.Н. Букин в докладе «Философия развивающейся гармонии В.Н. Сагатовского как системное знание о мире в его единстве» указал на нерастраченный эвристический потенциал онтологической концепции знаменитого петербургского ученого, «снимающей» такие противоречия, как диктатура первоначал, конечность и бесконечность научных картин мира, «включение» и «выключение» «естественнной установки» и т. д. Выступление также раскрывает педагогический дар мыслителя, во многом предвидевшего необходимость разумного синтеза пониманий онтологии как единой системы и как дедуктивно развернутых региональных систем со-бытийного описания.

«Региональную» секцию блока открыл доклад А.В. Чусова (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова) «Об изменениях математических онтологий». Развивая семиотические аспекты понимания категорий Аристотелем, автор предложил понимать онтологию всякой предметной области объектно – как предпонятийную систему интуиций понимания (актуальных структур смысла представлений этой предметной области). Он различает регионы соответственно разным типам образующих их существ, прежде всего – регионы бытия, истины и представления. Воспроизведение мировых изменений не ограничивается феноме-

нальным уровнем, затрагивая сущностные взаимосвязи и взаимодействия, конституирующие миры. Объективации изменяют действительность мира. Интересна проблема изменения математических онтологий в человеческих практиках, взятая широко – как проблема их возникновения и становления (и, возможно, развития). Были рассмотрены становление и развитие основных категориальных конструкций математики в связи с объективированием человеческих практик.

Большой интерес аудитории вызвало выступление белорусских коллег (Институт философии НАН Беларусь, Минск). И.Е. Прись показал в своем трансдисциплинарном докладе «Нейтральный монизм, трудная проблема философии сознания и квантовая механика», что двухспектральный нейтральный монизм (ДАМ) Х. Атманшахера претендует на преодоление оппозиции между реализмом и идеализмом, устранение субъект-объектного дуализма, решение квантовой проблемы измерения и трудной проблемы сознания. Он показал, что ДАМ является разновидностью идеализма (антиреализма). В частности, ДАМ разделяет основную предпосылку метафизических позиций философии модерна – редукцию реальности к объективности. Эта позиция имеет эвристическую ценность и может быть полезна, в частности, для рассмотрения проблемы квантового измерения и других философских проблем квантовой механики, а также трудной проблемы философии сознания. Докладчик предложил понять (переинтерпретировать) нейтральный монизм и, в частности, ДАМ – декомпозиционную разновидность нейтрального монизма – с точки зрения контекстуального реализма, отказывающегося от (пред)посылок философии (пост)модерна. Доклад А.В. Колесникова «Вычислительная метафизика процесса» посвящен метафизике процесса в том смысле, какой в противовес метафизике субстанции придавал ей А. Уайтхед. В частности, проблема причинной замкнутости универсума рассмотрена в связи с проблемой онтологической вычислимости. Исследована глубокая органическая взаимосвязь хаоса и времени. Рассказано о возможностях использования компьютерных вычислительных экспериментов с квазихаотическими нелинейными отображениями, на

основе проведенных экспериментов предложено расширенное толкование понятия числа.

В.Э. Войцехович (Тверской государственный университет) в своем докладе «Онтология сознания. Эволюция от естественного к искусственному сознанию: проблемы, направления, перспективы» вводит определения общего интеллекта, искусственного интеллекта, разума, искусственного разума, после чего провозглашает тезис: сознание нельзя определить на основе сознания, но можно ввести метафору «сверхсознание» как род по отношению к сознанию как виду. Сходные идеи развивали Платон, Аристотель, Фома Аквинский, Шеллинг, Соловьев. Теории сознания, разрабатываемые в психологии, физике, математике, являются моделями отдельных частных свойств сознания, но не сознания как целого. Существует путь создания в будущем искусственного интеллекта, приближающегося по творческим способностям к человеку. На основе учения о форме и материи Аристотеля можно показать принципиальную возможность достижения уровня сверхсознания в процессе эволюции *homo sapiens*.

Е.В. Гилл (Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород) выступила с докладом «Онтологическая недостаточность человека» с предложением экспликации онтологии недостаточности в жизни человека. Уровень онтологического описания требует ясного представления о том, что значит «недостаток бытия». Категория бытия в данном конкретном случае должна позволить понять, как бытия может быть «больше» или «меньше». Онтологическое обоснование недостаточности становится возможным, только если мы работаем в особой онтологии, где есть понятие небытия как реального бытийного начала.

Не первый год апробацию результатов своих исследований на нашей конференции проводят молодые ученые из Курского государственного университета. А.И. Иванова в докладе «Герменевтика П. Рикера как способ раскрытия бытия» рассмотрела онтологический аспект творчества Рикера. Именно на основе синтеза интерпретаций складывается представление о бытии, и, следовательно, герменевтика вполне может выступить онтологической основой методологического

концепта Рикера. В.А. Уфимцева в своем выступлении на тему «Понимание права в контексте идеи свободы в философии Г.В.Ф. Гегеля» подняла вопрос о проблеме свободы в онтологической концепции Г. Гегеля и ее месте в свете гегелевского понимания права. Важной особенностью концепции Г. Гегеля, подлежащей экспликации и развитию, было названо то, что Г. Гегель, рассматривая соотношение естественного и позитивного права, не противопоставляет их, а трактует как составляющие общего понятия, где естественное право выступает в качестве обоснования тех или иных норм позитивного права. В данной трактовке проблема соотношения свободы и предопределенности, свободы и ответственности приобретает выраженный онтологический фундамент.

С.Ю. Коломийцев (Государственный университет аэрокосмического приборостроения, г. Санкт-Петербург) в докладе «Эффективна ли фрактальная картина мира?» рассмотрел попытки создания фрактальной онтологии на основе философии естественных наук. Ученый попытался оценить эффективность фрактального подхода к описанию бытия в контексте современных открытий в естественных науках, а также оценить, насколько фрактальная картина мира может быть эффективной и обоснованной.

Свободный исследователь О.Э. Петруня (Москва) в докладе «Регионарные онтологии и основания научных теорий: теоретико-методологический аспект» обосновал использование терминов «глобальная онтология» и «регионарная онтология» в рамках эпистемологического анализа, включая проблему классификации наук. Он указал на место регионарных онтологий в системе научного знания и отдельных науках (парадигмах), ввел понятие кластеризации наук. В качестве отправной точки доклада взяты базовые положения парадигмальной методологии Т. Куна. Парадигмальная методология дополняется антропным подходом в авторской интерпретации. В этой связи были описаны способы задания регионарных онтологий (метафизический и феноменологический). В докладе были упомянуты регионарные онтологии, имеющие место в математике, физике, биологии, биомедицине и психологии, а также положение дел в этих науках.

2. Тематический блок «Онтология и феноменология»

В докладе И.Д. Невважая (Саратовская государственная юридическая академия) «Трансцендентальная онтология» речь шла о неклассической «фундаментальной» онтологии – онтологии трансцендентального. Докладчик полагает, что идея такой онтологии опирается на семиотическую интерпретацию кантовского трансцендентализма в рамках постмодернистской онтологии различия Ж. Дерида и Ж. Делеза. Трансцендентальная онтология – это не онтология того, что есть «как таковое». Это онтология условий возможности познания мира, или онтология трансцендентального субъекта. Противопоставление классической и неклассической философии проводится по линии разграничения бытия и права, истины и нормы. Бытие является оправданием истины, в то время как источником нормы является право.

А.Э. Савин (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва), Томский государственный университет) в докладе «Феноменологическая генеалогия логики как онтология» утверждает, что феноменологическая генеалогия логики, во-первых, является способом доступа к «предмету» онтологии – (жизненному) миру как горизонту; во-вторых, обнаруживает себя в качестве онтологии; в-третьих, выступает целью онтологического исследования. Поскольку в феноменологии горизонтом исследования бытия и его способа манифестации – прямодельного опыта – является изучение доксики-тетических модальностей в логической сфере (феноменология разума), онтология выступает как деструкция смысловой истории логики и экспликация фактичности жизненного мира. Отправным пунктом феноменологической онтологии как экспликации фактичности жизненного мира является исследование генезиса и логики развития системы нормальности домашнего мира.

А.Б. Паткуль (Санкт-Петербургский государственный университет) в докладе «Логика и онтология у Гуссерля» произвел анализ гуссерлевского понимания онтологии, ее места в структуре философии, а также отноше-

ния с логикой. Особый акцент был сделан на трактовке Гуссерлем так называемой формальной онтологии, которая совпадает с *mathesis universalis*, взятой в самом широком объеме, включающем логику и математику. Ключевой проблемой при этом является проблема переключения характера конституирования сознания логических отношений в онтологические и обратно, на которой докладчик сфокусировал свое внимание рассмотрение.

В докладе О.И. Елховой (Уфимский университет науки и технологий) «Феноменологическая онтология виртуальной реальности» рассказывается о результатах исследования, состоящего в разработке концепции суперпозиции виртуального и реального восприятия, согласно которой восприятие виртуальной реальности является наложением сенсорных данных из физической и виртуальной среды, объединяемых сознанием человека в единое целое. Докладчик уточняет онтологические основания виртуальной реальности, выявляет динамику границ между реальным и виртуальным, углубляет понимание механизмов формирования иммерсивного опыта.

Н.В. Серова (Государственный морской университет им. Адмирала Ф.Ф. Ушакова, Новороссийск) в докладе «О роли временных модусов в формировании темпоральной идентичности человека» рассмотрела особенности формирования темпоральной идентичности человека при его различном темпоральном ориентировании на прошлое, настоящее или будущее в контексте феноменологической философской традиции. Исходя из описания формирования идентичности человека под влиянием темпоральной природы его сознания в работах представителей феноменологии, докладчик установил ее характер и возможные преобразования при ориентировании человека на прошлое, настоящее или будущее.

А.В. Дронов (Саратовская государственная консерватория им. Л.В. Собинова, Томский государственный университет) в докладе «Хайдеггеровская синтагма “целое сущего” в ее отношении к кантовскому понятию разума как принципа полноты» обратился к хайдеггерским текстам конца 1920-х – начала 1930-х годов. Именно в этот период Хайдеггер, с одной стороны, производит наиболее радикальную деструкцию неокантианской интер-

претации в пользу «подлинного» Канта, а с другой предпринимает, аналогично Канту, попытки трансцендентального обоснования наук. В этом контексте размыкание «целого сущего» в настроении ужаса или в опыте искусства имеет характер очевидной (хотя и не вполне отчетливой) аналогии кантовскому усилию согласовать два ограничения: с одной стороны, ограничить притязания разума в деле познания природы и, с другой стороны, ограничить притязание рассудка понимать познаваемую природу в качестве полноты мыслимой действительности.

Заключение

В силу масштабности проведенной конференции мы смогли рассказать не обо всех выступлениях, заочных участниках, стеновых докладах и т.д. Более подробно изучить материалы конференции читатель сможет в

соответствующем сборнике трудов. Важно отметить, что работа секций в рамках названных тематических блоков в очередной раз показала актуальность методологической проблемы развертывания онтологических исследований в различных «регионах» мира. С другой стороны, конференция продемонстрировала необходимость и возможность плодотворного синтеза столь разных на первый взгляд позиций, подходов, мнений и т. п., выводящего дискуссионный дискурс за рамки философской онтологии, объединяющего философов, гуманитариев, математиков, физиков, биологов, теологов и т. д. в едином порыве познать и объяснить мир в его единстве и многообразии. Большинство участников по всей стране и за ее пределами продолжат успешно использовать опыт сотрудничества в преподавании философских и прикладных дисциплин в вузах, научно-исследовательских учреждениях, на открытых публичных площадках.

Information About the Authors

Dmitry N. Bukin, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Philosophy and Theory of Law, Volgograd State University, Prospekt Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, bukin@volsu.ru, <https://orcid.org/0009-0009-2059-4022>

Petr M. Kolychev, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Advertising and Modern Communications, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Bolshaya Morskaya St, 67A, 190000 Saint Petersburg, Russian Federation, piter55piter@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7425-0833>

Информация об авторах

Дмитрий Николаевич Букин, доктор философских наук, профессор кафедры философии и теории права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, bukin@volsu.ru, <https://orcid.org/0009-0009-2059-4022>

Петр Михайлович Кольчев, доктор философских наук, профессор кафедры рекламы и современных коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, ул. Большая Морская, 67А, 190000 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, piter55piter@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7425-0833>

Миссия журнала «Logos et Praxis» – создание единого информационного и коммуникативного пространства для специалистов в области наук о человеке, обществе и культуре. Свою задачу редакция журнала видит как в привлечении к сотрудничеству известных ученых, так и в поддержке научной активности молодых исследователей. Журнал призван содействовать распространению результатов научных исследований и созданию дискуссионного поля для обмена научными достижениями и исследовательским опытом между представителями различных сфер социального знания. В журнале представлены теоретические статьи, а также результаты прикладных исследований социальной направленности.

Журнал «Logos et Praxis» включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» по следующим научным отраслям: «Социологические науки» (5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы, 5.4.7. Социология управления); «Философские науки» (5.7.1. Онтология и теория познания, 5.7.2. История философии, 5.7.7. Социальная и политическая философия, 5.7.8. Философская антропология, философия культуры).

Logos et Praxis is an academic journal aiming at creating a unified informational and communicative environment for scholars in the fields of human, social and cultural sciences.

The editorial board of the journal aims at attracting both well-known academics and young researchers. We publish both theoretical and empirical Social Science articles. We invite authors from various Social Science disciplines, such as Philosophy, Sociology, Cultural Studies, Pedagogy, Social Psychology. Interdisciplinary studies in the field of Social Sciences are welcome. The journal accepts original articles only on the basis of peer review system.

The journal is included into “The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses” in the following scientific branches: “Sociological Sciences” (5.4.4. Social structure, social institutions, and processes; 5.4.7. Sociology management); “Philosophical Sciences” (5.7.1. Ontology and theory of knowledge; 5.7.2. History of philosophy; 5.7.7. Social and political philosophy; 5.7.8. Philosophical anthropology, philosophy of culture).

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «LOGOS ET PRAXIS»

1. Редакционная коллегия журнала принимает к печати оригинальные авторские статьи.
2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными.
3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.
4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.
5. Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.
6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить об этом редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.
7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.
8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (jvolsu7@gmail.com). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются **в открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции jvolsu7@gmail.com является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «*Logos et Praxis*». Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте. Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить представленные статьи или отправить их на доработку. Переработанные варианты статей рассматриваются заново. Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Подробнее о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей см: <https://psst.jvolsu.com> (раздел «Для авторов»).

CONDITIONS OF PUBLICATION IN *LOGOS ET PRAXIS*

1. The editorial staff of *Logos et Praxis* publishes only original articles.
 2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.
 3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.
 4. An article must be relevant, must have a novelty and include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.
 5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.
 6. When the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.
 7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.
 8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.
 9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail jvolsu7@gmail.com. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.
 10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.
- Submitting an article** and cover documents via the indicated e-mail jvolsu7@gmail.com the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Logos et Praxis* printed periodical.
- The editorial staff starts the reviewing process after receiving all cover documents via e-mail.
- The decision to publish articles is made by the editorial staff after reviewing. The editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly. The review usually takes 8 weeks.
- For more detailed information regarding the submission, review, and publication of academic articles please refer to the journal's website <https://psst.jvolsu.com/index.php/en/> (section “For Author”).**

ISSN 2587-9715

9 772587 971004

70>